

phil Hans Speidel

Frangazon im Consolato

Gebäude des Kaiser Konsulate

bel der Deutschen Botschaft Paris

Paris 7^e, den 3. Oktober 1934

78. Rue de Lille

Geheim

В. К. Волков

операция „тевтонский меч“

1/3441/34

en Sie mir, Ihnen zu berichten, dass
Abfertigen die Vorbereitung des Unter-
nehmens "Teutonenschwert" bereits abgeschlossen wird.

Ich habe mit Herrn Vanco Mihajlov eingehend
wile vorhandene Möglichkeiten besprochen. Wir haben be-
schlossen, das Unternehmen in Marseille durchzuführen:
dort treffen sich die beiden in Frage kommenden Personen

9 октября

1934 года.

Агентство ГАВАС:

В Марселе убиты
югославский король
Александр

и министр иностранных дел
Франции Луи Барту.

Террорист убит
на месте
преступления.

В. К. ВОЛКОВ

операция „тевтонский меч“

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
МОСКВА · 1966**

9(И)7
В 67

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

1—6—3

100—66

От автора

Гитлеровская пропаганда величала «третий рейх» «тысячелетним». В одном известном смысле это оказалось правильным: за короткий срок 12-летнего господства в Германии нацисты совершили преступлений больше, чем их было за предшествующее тысячелетие в истории человечества. В этом смысле кровавые 12 лет гитлеровского господства равнялись тысячелетию.

Казалось, сам воздух «третьей империи» был пропитан преступлением. Бесчисленные беззакония были совершены фашистами внутри самой Германии по отношению к немецкому народу. Уже первые дни их пребывания у власти ознаменовались провокационным поджогом рейхстага и инсценированным Лейпцигским процессом, зверскими расправами с коммунистами и социал-демократами. Вслед за истреблением политических противников гитлеризма и оппозиционно настроенных элементов даже из буржуазного лагеря началась резня внутри самой нацистской партии между кликами, соперничавшими в борьбе за власть («ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г.). Гитлеровцы не останавливались перед ошельмованием даже тех лиц, которые верой и правдой служили нацизму, но не во всем разделяли его взгляды или тактические приемы, как это было, например, в случаях с генералами Бломбергом и Фричем. Садистские издевательства, которым с самого начала подвергались евреи, вылились в ноябре 1938 г. в прокатившийся по всей Германии погром («неделя битых стекол»), что свидетельствовало о переходе к политике физического истребления еврейского населения. Все это означало, что в Германии усиливался фашистский террор с его концлагерьями, гестапо, системой всеобъемлющего шпионажа и взаимного доноительства.

Подобные методы давали себя чувствовать и во внешней политике гитлеровцев. Организация международных провокаций была излюбленным приемом фашистов. Так, готовя план нападения на Чехословакию (план «Грюн»), они намеревались организовать убийство немецкого посланника (!) в Праге, чтобы затем обвинить в этом убийстве чехословацкие власти и вызвать таким путем военный конфликт. Посланник избежал уготованной ему участи: Мюнхенское соглашение Англии, Франции, Италии и Германии выдало Чехословакию Гитлеру, и нацистам уже не было нужды прибегать к таким методам.

Готовя нападение на Польшу, Гитлер также счел необходимым прибегнуть к провокации. Вечером 31 августа 1939 г. отряд эсэсовцев занял радиостанцию в пограничном немецком городке Глейвице, гитлеровцы произнесли перед микрофоном речь на польском языке и сделали несколько выстрелов. Уходя, они оставили в помещении радиостанции несколько убитых ими людей, переодетых в польскую военную форму, которых они взяли из числа заключенных в концлагерях. Это и был «пропагандистский повод», о котором говорил Гитлер. 1 сентября 1939 г., когда немецкие войска напали на Польшу, фашистские газеты пестрели крупными заголовками: «Поляки напали на радиостанцию в Глейвице».

Гитлеровцы довели до совершенства систему организации международных провокаций и убийств. В этой деятельности они использовали опыт германских милитаристов. Здесь им было чему поучиться. Стоит вспомнить, например, историю с «эмской депешей» Бисмарка, давшей повод к франко-прусской войне 1870 г. «Прыжок «Пантеры»» в 1911 г. — отправка германской канонерской лодки в Агадир — чуть было не привел к европейской войне. И наконец, общеизвестно, как кайзеровская Германия использовала убийство австрийского престолонаследника эрцгерцога Франца-Фердинанда в июне 1914 г. для разжигания первой мировой войны.

У гитлеровцев не было недостатка в учителях. Но они оставили их далеко позади. Вскоре после прихода фашистов к власти мир стал свидетелем целой серии провокаций и террористических актов на международной арене. 25 июня 1934 г. был убит австрийский канцлер Дольфус. 9 октября 1934 г. последовали убийства в Марселе. И все это было лишь прелюдией к последующей кровавой драме.

Террористическое покушение на югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Л. Барту принадлежит к числу наиболее серьезных международных провокаций гитлеровцев в Европе в период между двумя мировыми войнами. Хотя к настоящему времени составила целая библиотечка по данному вопросу, среди авторов, писавших на эту тему, существуют резкие расхождения во мнениях. Основной пункт расхождений — вопрос об участии германской разведки в организации марсельского покушения. До 1957 г., т. е. до опубликования документов об операции «Тевтонский меч», твердую уверенность в причастности гитлеровцев к убийству короля Александра и Л. Барту кроме советских историков высказывали лишь немногие западные авторы, в частности немецкий писатель-антифашист Вильгельм Герцог¹, известная французская журналистка Женестьева Табуи и некоторые другие. Большинство же авторов склонялось к мысли, что покушение было организовано и проведено усташами с согласия и при поддержке фашистской Италии.

Марсельские убийства всегда привлекали внимание историков. Об этом факте упоминает почти каждый автор, пишущий о международных отношениях в Европе в период между двумя мировыми войнами. Посвященные убийству главы неизменно присутствуют в таких вышедших на Западе популярных работах, как книги Ричарда Хирша «Преступления, которые потрясли мир», Иозефа Борнштейна «Политика убийств», Леонарда Гриббла «Руки террора. Крупнейшие убийства двадцатого века»² и др. Еще до войны было сделано несколько попыток серьезно разобраться в истории покушения. Наряду с книгой В. Герцога следует отметить работу английского исследователя С. Грэхэма³, который собрал ряд интересных сведений и дал им свою трактовку. В 1954 г. в Лондонском университете была защищена диссертация Г. Черенъеи «Убийство югославского короля Александра в 1934 г. и политическая

¹ *W. Herzog*. *Barthou*. Zürich, 1938.

² *R. Hirsch*. *Grimes that Shook the World*. New York, 1949; *J. Bornstein*. *Politics of Murder*. New York, 1951; *L. R. Gribble*. *Hands of Terror; Notable Assassinations of the Twentieth Century*. London, 1960.

³ *S. Graham*. *Alexander of Yugoslavia. The Story of the King, Who Was Murdered at Marseille*. New York, 1939.

подоплека преступления»¹. В ней широко использованы материалы судебного процесса во Франции над замешанными в покушении усташами и приведено много новых фактов. К сожалению, работа Черенъеи (в дальнейшем мы будем именовать его английским ученым, хотя фамилия указывает на его венгерское происхождение) не опубликована. Общим недостатком большинства этих работ является то, что они видят в короле Александре единственную цель террористов, в то время как Л. Барту выступает при таком освещении чуть ли не как случайная жертва. В результате политическая подоплека покушения сужается до пределов внутриюгославских национальных противоречий и чисто югославо-итальянских отношений. Тем самым из поля зрения выпадает основной, по нашему мнению, объект покушения — Л. Барту и основные политические мотивы покушения — стремление гитлеровцев сорвать создание системы коллективной безопасности в Европе путем устранения одного из ее творцов.

Но если у ряда авторов, писавших до 1957 г., т. е. до опубликования документов относительно операции «Тевтонский меч», отсутствие сведений с причастности гитлеровцев к этому покушению можно объяснять либо неимением достоверных данных, либо просто незнанием обстоятельств этого дела, то после публикации документов отказ от рассмотрения содержащихся в них фактов можно расценивать только как проявление политической тенденциозности, упрямого нежелания считаться с фактами. Ибо опубликованные в ГДР документы с предельной ясностью показывают, что истинными организаторами марсельского покушения являлись гитлеровцы. Однако документы, отвечая на главный вопрос относительно подлинных организаторов покушения, а также указывая на помощника немецкого военного атташе в Париже д-ра Ганса Шпейделя как на одного из исполнителей преступного замысла, не раскрыли всей механики подготовки и проведения покушения. Данные в Германской Демократической Республике в 1957 г. объяснения, повторенные в вышедшей в 1959 г. брошюре «Операция «Тевтонский меч». Большая карьера мелкого шпиона», супругов Торндайк и К. Радда-

¹ G. Cserenyey. The Assassination of King Alexander of Yugoslavia in 1934 and the Political Background of the Crime. London, 1953 (Diss).

ца¹ были, на наш взгляд, неудачными. Это вызвало скептическое отношение к опубликованным документам, которое разделили даже некоторые прогрессивные исследователи, не склонные к приукрашиванию истории германского империализма, а также отдельные ученые Югославии и Чехословакии. Югославский ученый Душан Бибер так писал об этом в 1964 г.: «В современной (покушении.— В. В.) публицистике, а также в позднейшей литературе часто делались намеки или утверждения, что нацисты замешаны в марсельском покушении, а это, естественно, встречало в свою очередь энергичные опровержения с немецкой стороны. Новейшая советская литература считает, что в настоящее время это все же исторически доказано. При этом исходят из нескольких фрагментов немецких документов, которые впервые увидели свет в документальном фильме «Тевтонский меч». Однако эти документы, судя по способу их опубликования, рассчитаны прежде всего на дискредитацию генерала бундесвера Шпейделя, занимавшего в 1934 г. пост помощника немецкого военного атташе в Париже, а по вопросу о выяснении и анализе политических мотивов и целей нацистов в связи с этим покушением нет еще никаких источников из первых рук. Устранение Барту, без сомнения, соответствовало целям нацистской политики. Однако остается весьма неясным вопрос, можно ли то же самое утверждать и в отношении короля Александра»². Терзаемый сомнениями, югославский историк не высказывает своего мнения. Зато вполне определенные суждения высказывают люди, сознательно поставившие себе целью замести следы участия немецкой разведки в подготовке покушения. Именно такая попытка была предпринята одним из бывших руководителей югославской монархо-фашистской охраны, Владетой Миличевичем. Извлеченный западногерманскими милитаристами из эмигрантского небытия, он опубликовал в 1959 г. в ФРГ книгу «Цареубийство в Марселе. Преступление и его подоплека»³. В. Миличевич явно пе-

¹ *Annelie und Andrew Thorndike, Karl Raddatz. Unternehmen Teutonenschwert. Die grosse Karriere eines kleinen Spions.* Berlin, 1959. Русский перевод: А. и Э. Торндайк, К. Раддац. Операция «Тевтонский меч». Большая карьера мелкого шпиона. М., 1960.

² *D. Biber. Ustaše i Treći Reich. «Jugoslovenski istorijski časopis»* N 2, 1964, s. 46.

³ *V. Miličević. Der Königsmord von Marseille. Das Verbrechen und seine Hintergründe.* Bad Godesberg, 1959.

рестарался. Он отрицал все. Преступление приписывалось только одним усташам, которые якобы не пользовались никакой поддержкой Германии. Но в вышедшем почти одновременно с книгой Миличевича очередном томе англо-американской публикации немецких дипломатических документов содержались материалы, отвергавшие его утверждения. Документы свидетельствовали о наличии тесных связей усташской эмиграции с немецкой военной разведкой и Внешнеполитическим бюро нацистской партии под руководством А. Розенберга¹. Они также рассказывали о том, как посланный в Германию чиновник югославской полиции И. Могорович, коллега Миличевича (о чем последний не мог не знать по долгу своей службы), не был даже допущен к расследованию деятельности усташей на немецкой территории². Миличевич же восхвалял лояльность немецких властей...

Книга Миличевича по своему содержанию, а также по времени и месту ее появления была явно задумана как отрицательный ответ на опубликованные в ГДР документы, хотя последние ни разу не упоминаются в ней. Но игнорирование фактов не является доказательством их неверности. Отсутствие таких доказательств издатели книги подменили безудержным рекламированием ее автора. На деле же Миличевич лишь повторил старые официальные версии, которыми руководствовалось следствие по делу о марсельском покушении.

Та же тенденция подменять доказательства рекламой прослеживается и в книге западногерманского автора Фрица Мёглиха «Покушения, которые делали историю». Написанная в беллетристическом жанре глава об убийстве короля Александра и Л. Барту является рассказом о новоявленном Шерлоке Холмсе — В. Миличевиче, который беспощадно преследует усташей и чуть ли не в одиночку борется с ними, срывая все их планы. Ему известны все усташские секреты. Он «почти точно» знал о подготовке покушения в Марселе. Но... в отличие от настоящего Шерлока Холмса он почему-то не появляется на сцене вовремя, чтобы схватить преступников за руку и предотвратить убийство. Как и сам Миличевич, Ф. Мёглих со-

¹ «Documents on German Foreign Policy» (далее — «DGFP»), Series C, Vol. II, Doc. N 43, 72, 92 etc.

² Там же, т. III, док. N 332 и т. д.

всем не упоминает ни о документах об операции «Тевтонский меч», ни о связях усташей с гитлеровцами¹.

Чтобы дать читателю представление о противоречиях, которые встречаются в литературе, приведем отрывки из книг, вышедших в самые последние годы.

В советских исторических исследованиях давно уже утвердилась точка зрения на марсельское покушение как на международную провокацию гитлеровцев. Однако при описании этих событий иногда допускаются фактические неточности, снижающие доказательную силу научных выводов. В вышедшем в Москве в 1965 г. третьем томе «Истории дипломатии» (второе, переработанное издание) авторы соответствующей главы С. Ю. Выгодский и С. М. Майоров так характеризуют этот случай:

«Гитлеровская дипломатия прибегла к самым гнусным средствам для того, чтобы не допустить осуществления любых планов создания системы коллективной безопасности в Европе.

Вслед за убийством румынского министра иностранных дел Дука 9 октября 1934 г. были умерщвлены в Марселе Барту и Александр, король Югославии. Убийцы — гитлеровские наемники, участники хорватской фашистской организации усташей. Во главе их стоял капитан австрийской службы Анте Павелич. Между гитлеровцами и хорватскими головорезами существовали теснейшие связи. Павелич со своим бандитским аппаратом обосновался в Берлине. Нацисты щедро финансировали его. Нити марсельского убийства вели через немецкого майора Шпейделя (являвшегося военным атташе в Париже) в Берлин и Рим. В силу этого французские реакционные круги постарались замять расследование преступления². Как видно из этого описания, советские авторы точно указали место марсельского покушения в истории международных отношений и породившие его причины. Вместе с тем они допустили существенные погрешности при освещении ряда фактов, а некоторые другие (например, участие ВМРО в покушении) не отметили вообще.

Второй пример взят из вышедшей в 1964 г. в Мюнхене двухтомной книги «Третья империя. Ее история в тек-

¹ F. Moeglich. Attentate, die Geschichte machten. Plaffenhofen a. d. Ilm, 1963, S. 151—196.

² «История дипломатии», т. III. М., 1965, стр. 603.

стах, иллюстрациях и документах», претендующей на объективность. В ней история марсельского покушения описывается следующим образом:

«Планы французского министра иностранных дел Барту поставить Гитлеру шах путем Восточного пакта приняты в октябре 1934 г. конкретную форму. Для завершения создания Восточного пакта 9 октября 1934 г. во Францию прибыл югославский король Александр. Это было три месяца спустя после убийства Дольфуса. Барту встретил короля в Марселе. Во время езды по городу на подножку автомобиля внезапно вскочил человек и сделал много выстрелов в короля и министра иностранных дел. Александр умер сразу же, Барту... немного позднее. Убийца и его сообщники были хорватскими террористами.

Газета их организации финансировалась Внешнеполитическим бюро (Auslandsorganisation) НСДАП. Они получили свои фальшивые паспорта в Мюнхене. Оружие убийц носило марку одной немецкой фабрики. Тем не менее участие Германии в этом покушении не доказано. Избежавшего ответственности организатора покушения Айте Павелича Гитлер назначил несколько лет спустя главой государства в Хорватии. Если Барту страстно стремился поставить Гитлеру шах, то теперь, после его смерти, французская внешняя политика определялась двучленным Пьером Лавалем, который по меньшей мере симпатизировал тоталитарной Германии»¹. С внешней стороны описание выглядит как будто объективным. Авторы ставят даже вопрос об ответственности гитлеровцев за организацию покушения, хотя и считают их участие недоказанным. Однако бросается в глаза, что при перечислении фактов (не всегда точном и далеко не полном) они обращают внимание читателей на второстепенные подробности, совершенно умалчивая о документах относительно операции «Гевтонский меч». Такое сознательное искажение правды свидетельствует о пристрастности составителей книги и их необъективности в данном вопросе.

И наконец, мнение американского профессора Дэвида Хоггана, который взял на себя труд оправдывать нацистские преступления. В своей книге, посвященной внешней политике Франции с 1934 по 1939 г., он пишет:

¹ «Das Dritte Reich. Seine Geschichte in Texten, Bildern und Dokumenten», В. I. München, 1964, S. 280.

«Так 9 октября 1934 г. в Марселе был дан залп смертельных выстрелов по государственной машине Третьей Республики. Огневая очередь на месте убила Александра, тяжело ранила Барту и убила, кроме того, одного французского адмирала и одного югославского генерала (sic! — В. В.). Террорист был македонцем, который также был убит на месте. Но полиции удалось арестовать как македонских, так и хорватских заговорщиков, и позднее на официальном судебном процессе в Экс-ан-Провансе были приведены доказательства, что обе группы сотрудничали между собой. Специальный комитет Лиги наций по разбирательству (? — В. В.) пришел в 1935 г. к заключению, что никаких доказательств участия иностранного правительства не имеется, и судебный процесс в Провансе подтвердил это обстоятельство. Непосредственно после покушения югославская пресса грубым образом обвиняла Италию, а также Венгрию в том, что они стояли за этим заговором. В действительности же итальянцы, которые даже надеялись извлечь выгоду из улучшения их отношений с Югославией, были в ужасе. Венгры также были невиновны. Во Франции мадам Табуи пустила гулять по всему миру сказку — как обычно, без малейшего основания, — что Германия ответственна за покушение. Коммунисты рьяно подхватили эту сказку мадам Табуи и сохраняют ее до настоящего дня»¹. Совершенно очевидно, что автор столь категорических суждений не черпал сведений о данном сюжете из первых рук. В его изображении искаженные факты перемешаны с чистым вымыслом, причем читателю назойливо внушается мысль о невиновности гитлеровцев. В целом Д. Хогган проявил в данном вопросе неосведомленность.

Приведенные выше оценки, наиболее типичные для встречающихся в литературе суждений, совершенно противоположны и даже взаимно исключают друг друга.

Предлагая данную книгу вниманию читателей, автор надеется, что она даст возможность полнее ознакомиться с историей этого международного преступления гитлеровцев, его подготовкой, осуществлением и последствиями.

¹ D. Hoggan. Frankreichs Widerstand gegen den Zweiten Weltkrieg. Die französische Aussenpolitik von 1934 bis 1939. Tübingen, 1963, S. 85—86.

Марсель, 9 октября 1934 г.

«Дубровник» в Марселе

Празднично выглядела 9 октября 1934 г. Старая гавань Марселя. Свежий ветер развевал французские и югославские национальные флаги. На набережных в четком строю застыли шпалеры французских моряков. После полудня стали собираться толпы людей. Ждали прибытия короля Югославии Александра.

Из Парижа встретить высокого гостя приехал министр иностранных дел Франции Луи Барту. Это был первый официальный визит короля Александра во Францию, и обе стороны хотели придать ему как можно больше торжественности и пышности. Он должен был продемонстрировать всему миру нерушимость союза двух стран. Король недаром начинал свой визит с Марселя, откуда в 1915 г. отправились французские войска на помощь Сербии. Здесь, в Марселе, ему предстояло возложить венок к памятнику французским солдатам, павшим на Салоникском фронте в годы первой мировой войны, как символ благодарности югославских народов своему союзнику...

Король немного запаздывал... На Средиземном море вот уже несколько дней бушевала страшная буря. Ему советовали отказаться от морского плавания и ехать во Францию по железной дороге. В последний момент этот путь предпочла королева Мария, которая должна была сопровождать короля. Но Александр решил следовать уже намеченному плану. Кроме того, он полагался на новый корабль — эсминец «Дубровник», спущенный на воду в Глазго всего три года назад, и на его мощные машины, позволявшие развивать скорость до 37 узлов. Плавание

нельзя было назвать приятным. Огромные волны, как скорлупку, бросали корабль водоизмещением 1880 т, и морская пена перекатывалась через палубу. Запершись в своей каюте, Александр напряженно работал. Предстояли серьезные переговоры...

После двух часов пополудни стройный белый корпус югославского эсминца «Дубровник» показался на марсельском рейде в сопровождении эскорта миноносцев французской средиземноморской эскадры. С древних марсельских фортов грянул гром салюта. «Дубровник» ответил залпом своих орудий.

Почетный караул, состоявший из французских подводников, замер по стойке «смирно» на катере, доставившем короля Александра на Бельгийскую набережную Старого порта. Король, одетый в адмиральскую форму, сошел на марсельский берег.

За 46 лет своей жизни король Александр прошел через многие испытания. Его отец, Петр Карагеоргиевич, потомок династии сербских князей, вел жизнь изгнанника (в Сербии в то время правили короли династии Обреновичей). Александр родился в черногорской столице Цетинье в декабре 1888 г. Его мать — княгиня Зорка, старшая дочь черногорского князя Николая, умерла вскоре после рождения сына, и Александр некоторое время жил вместе с отцом в Женеве. В 1899 г. он приехал в Петербург. Здесь, в России, он прожил почти шесть лет, обучаясь в Пажеском корпусе. В его стенах Александр получил не только образование. Юношеские годы наложили неизгладимую печать на его характер. Политическим идеалом Александра стала абсолютистская монархия наподобие русского самодержавия. На всю жизнь в нем глубоко засела неприязнь к парламентарным формам правления и склонность к авторитарному централизму. Он не терпел никакой критики и отнюдь не был склонен к компромиссам. Не терпел он также и политических деятелей с независимыми взглядами, окружая себя людьми, готовыми слепо выполнять его волю и указания.

В 1903 г. в Сербии произошел государственный переворот. Династия Обреновичей была низвергнута. Королем был провозглашен Петр Карагеоргиевич. В жизни Александра наступила новая полоса. В марте 1909 г., после отречения от прав на престол его старшего брата Георгия, Александр стал престолонаследником. С этого времени он начал прини-

мать деятельное участие в государственной жизни. В первой Балканской войне (1912 г.) против Турции он командовал 1-й сербской армией, участвовал в сражениях под Кумановым и Битолем. В июне 1914 г., когда его отец, король Петр, отошел от государственных дел из-за болезни и преклонного возраста, Александр был провозглашен принцем-регентом Сербского королевства и взял в свои руки управление страной в один из самых тяжелых моментов ее истории: через несколько дней, 28 июня, в Сараеве был убит австрийский престолонаследник эрцгерцог Франц-Фердинанд. Вскоре за этим последовал австрийский ультиматум Сербии, а 28 июля 1914 г. — объявление войны, которая превратилась в мировую.

В годы войны Александр — верховный главнокомандующий сербской армией. Вместе с ней он прошел все испытания военного времени, проявив немалую личную храбрость, решительность и способности военачальника. После тяжелых боев в первый год войны, когда сербские войска дважды изгоняли со своей территории превосходящие по численности австро-венгерские армии, для Сербии настали черные дни. В конце 1915 г. началось новое наступление войск Австро-Венгрии, Германии и Болгарии; не в состоянии противостать подавляющему превосходству сил противника, сербская армия с боями отступила к Адриатическому побережью и, понеся огромные потери, была эвакуирована на остров Корфу. Но с лета 1916 г. она вновь вступила в бои на Салоникском фронте, образованном высадившимися французскими и английскими войсками. Здесь в сентябре 1918 г. началось последнее крупное наступление армий Антанты, нанесшее заключительный удар по коалиции центральных держав. Сербские войска вновь освободили свою страну.

Разгром Австро-Венгрии и ее последующий распад позволили югославским народам осуществить свою вековую мечту — образовать единое государство. 1 декабря 1918 г. было провозглашено объединение Сербии, Черногории и югославянских областей, входивших прежде в Австро-Венгрию, в новое Государство Сербов, Хорватов и Словенцев. Так завершилась национальная революция южного славянства, о которой писал Ленин еще в начале первой мировой войны¹.

¹ См. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 26, стр. 16.

Все эти события происходили при самом активном участии Александра, ставшего принцем-регентом нового государства. Они создали ему значительный авторитет, которым он вначале умело пользовался. Но вскоре стало очевидным, что Александр (ставший королем после смерти отца в 1921 г.) и окружавшие его великосербские политические круги рассматривают новое государство как Великую Сербию, проводя по отношению к другим народам шовинистическую политику. Они обрушились с репрессиями на революционное рабочее и крестьянское движение. Их политика вскоре завела государство в тупик. Не видя других способов разрешить внутренние противоречия, король Александр совершил 6 января 1929 г. государственный переворот, отменил конституцию, разогнал парламент и политические партии и установил в стране режим личной власти. В Югославии была установлена диктатура монархо-фашистского типа, направленная против революционного и национального движения.

Во внешней политике король Александр был решительным защитником Версальской системы и ориентировался на Францию, которая после падения царизма в России стала его главной опорой на международной арене. Октябрьская революция покончила со старой Россией, с которой он был связан многочисленными нитями, и лишила основы его панславистские идеи и концепции. По отношению к Советскому Союзу он занял крайне враждебную позицию. Александр был тесно связан с русскими белогвардейскими кругами и способствовал превращению Югославии в крупный центр белой эмиграции. Недаром некоторые белоэмигрантские монархические круги всерьез подумывали о нем как о возможной кандидатуре на российский престол...

Не лишен был король Александр и корыстолюбия. Его цивильный лист достигал почти 60 млн. динаров¹ в год и был одним из самых крупных в мире. Значительная часть этой суммы по его настоянию выплачивалась в швейцарских франках по завышенному обменному курсу, что существенно увеличивало доходы короля. Воспоминания недостаточно обеспеченного детства, казалось, заставляли его делать крупные вклады в различные швейцарские, французские и английские банки «на черный день».

¹ Более 1 млн. американских долларов по курсу того времени.

По некоторым сведениям, таким путем ежемесячно он откладывал по 60 тыс. швейцарских франков. Его действия производили впечатление, будто он не был уверен в прочности своего трона и стремился обеспечить на случай возможных потрясений себя и свою семью (в 1922 г. Александр женился на Марии — дочери румынского короля Фердинанда и имел трех сыновей).

Со своими политическими противниками король Александр обходился совсем не в духе христианского милосердия. Никогда в Югославии не было столько политических процессов, арестованных, осужденных и казненных, как после совершенного им государственного переворота в 1929 г. В это время югославские тюрьмы наполнялись коммунистами, людьми прогрессивных взглядов, борцами за демократические и национальные права, а жестокость полиции и жандармов не знала предела. Убийства по политическим причинам, избиения и истязания арестованных в полицейских участках, убийства «при попытке к бегству» стали повседневными событиями в стране.

Таков был король Александр, которого торжественно встречали в Марселе 9 октября 1934 г. министр иностранных дел Франции Л. Барту, военно-морской министр Пьетри, член Военного совета Франции генерал Жорж и другие официальные лица.

Зачем король Александр приехал во Францию?

Международные отношения в Юго-Восточной Европе всегда отличались большой сложностью. Балканы не случайно еще накануне первой мировой войны получили название «пороховой погреб Европы». Но никогда взаимоотношения Балканских государств и стран Дунайского бассейна не были такими запутанными, неясными и противоречивыми, как в период между двумя мировыми войнами. Особенно осложнилось их положение к середине 30-х годов. Достаточно сказать, что во всем этом обширном районе не было двух соседних государств, между которыми не существовало бы взаимных территориальных претензий и спорных пограничных вопросов.

Версальская система разделила государства Юго-Восточной и Центральной Европы на победителей (Юго-

славия, Румыния, Греция, Чехословакия) и побежденных (Австрия, Венгрия, Болгария). Переплетение противоречий между этими странами и вмешательство великих империалистических держав, каждая из которых стремилась добиться своего преобладающего влияния в этом районе, создавали чрезвычайно запутанный клубок, в который вплетались взаимоисключающие интересы различных государств.

До начала 30-х годов преобладающее влияние в Юго-Восточной Европе имела Франция. Основой ее влияния была Малая Антанта — военно-политический союз Югославии, Румынии и Чехословакии, представлявший собой не только часть антисоветского санитарного кордона, но и опору Версальской системы в этом районе.

Против политической гегемонии Франции выступала Италия. Она сама стремилась к преобладанию в Юго-Восточной Европе и использовала в своих интересах недовольство побежденных государств, их желание пересмотреть, «ревизовать» мирные договоры. Италия прилагала усилия для создания своего блока в составе Австрии и Венгрии, настойчиво добивалась господства в Албании и заигрывала с Болгарией.

Деятельную роль в политической борьбе на юго-востоке Европы играла английская дипломатия. Но она предпочитала оставаться в тени, пока не были затронуты ее непосредственные интересы.

Возобновившееся в начале 30-х годов германское проникновение в Юго-Восточную Европу чрезвычайно обострило обстановку. Оно сразу же приняло экспансионистский характер и обнажило стремление Германии поглотить Австрию (проект австро-германского таможенного союза в марте 1931 г. — первый шаг в этом направлении).

Приход Гитлера к власти в Германии вызвал большое беспокойство в странах Малой Антанты. Правящие круги этих стран отлично понимали, какую опасность для их интересов представляла гитлеровская политика открытой ревизии Версальской системы. Их ответом на рост германской угрозы было подписание «Организационного пакта» Малой Антанты 11 февраля 1933 г., который должен был упрочить этот союз.

Политика гитлеровской Германии, выступавшей в качестве нового претендента на гегемонию в Центральной и Юго-Восточной Европе, была направлена прежде всего

против позиций Франции и Италии. Уже первые шаги гитлеровской дипломатии показали ее желание подорвать Малую Антанту — основу влияния Франции — и привлечь на свою сторону Румынию и Югославию. Почти неприкрытые притязания на Австрию и заигрывания с Венгрией и Болгарией угрожали подорвать итальянские позиции. Действия Германии ясно говорили о том, что она не собирается удовлетворяться частичными успехами и упорно добивается полного политического и экономического преобладания в Дунайском бассейне и на Балканах.

Экспансионистские намерения Германии заставили Францию и Италию подумать об укреплении своих позиций. Французская дипломатия энергично содействовала заключению Балканского пакта между Югославией, Румынией, Грецией и Турцией, который был подписан 9 февраля 1934 г. Участники пакта взаимно гарантировали безопасность и неприкосновенность своих границ. По мнению французской дипломатии, Балканский пакт должен был дополнять Малую Антанту, а вместе они — служить опорой французского влияния. Участие Югославии и Румынии в обеих группировках создавало между ними как бы «персональную унию» и могло способствовать их совместным согласованным выступлениям по важнейшим международным вопросам.

17 марта 1934 г. в Риме между правительствами Италии, Австрии и Венгрии были подписаны протоколы, которые оформили существование проитальянской политической группировки в Дунайском бассейне. Они закладывали основы консультативного пакта стран «римского треугольника» в дополнение к существовавшим двусторонним договорам о дружбе между ними и открывали перспективы для широкого экономического сотрудничества. Усиление своего влияния в Австрии и Венгрии итальянская дипломатия намеревалась использовать для пресечения немецких происков в этих странах. Речь шла, разумеется, не об укреплении действительной независимости Австрии, а о столкновении интересов двух фашистских государств. Временным победителем из этой борьбы вышла Италия.

Мировая пресса довольно благоприятно откликнулась на заключение Римских протоколов, увидев в них главным образом попытку пресечения гитлеровских происков в Австрии. В Германии, естественно, они были встречены крайне отрицательно. Позиция Италии в австрийском

вопросе вела к резкому ухудшению итало-германских отношений. Французская дипломатия давно уже ожидала такого поворота событий. Конфликт между Италией и Германией в борьбе за преобладание в Австрии и Юго-Восточной Европе отвечал ее интересам и чаяниям. Преувеличивая значение этого конфликта и его глубину, Франция поспешила использовать его для франко-итальянского сближения в целях совместного выступления против германских происков.

Изменения в отношениях между Францией и Италией наступили довольно быстро. Уже в марте 1934 г. оживленный обмен мнениями между ними по дипломатическим каналам обратил на себя внимание прессы. В апреле 1934 г. сближение двух стран принесло первые ощутимые плоды: после визита итальянского государственного секретаря по иностранным делам Сувича в Париж, 25 апреля 1934 г. в Милане между Францией и Италией было заключено торговое соглашение, положившее конец напряженности в их экономических отношениях. В мае, после поездки в Италию председателя комиссии по иностранным делам французского сената Беранже, Муссолини послал приглашение Барту приехать в Рим для прямых переговоров.

Однако Барту не торопился с этой поездкой. Дело было не в нежелании с его стороны — он выступал за сближение двух стран и стремился к его осуществлению, — а в двойственной политике Италии, которая шла на сближение с Францией, но в то же время продолжала добиваться соглашения с Германией. В начале июня 1934 г., когда стало известно о предстоящей встрече Муссолини с Гитлером, Барту вынужден был временно вообще отказаться от поездки в Рим. Франко-итальянское сближение застопорилось. В отношениях между ними наступил известный холодок.

Другой не менее важной причиной приостановки франко-итальянского сближения была реакция на него со стороны союзников Франции — стран Малой Антанты. Если Чехословакия разделяла и поддерживала политику Франции, то позиция Югославии и Румынии диктовалась их глубоким недоверием к целям Италии в Центральной и Юго-Восточной Европе. Особенно глубокие противоречия с Италией были у Югославии, которая видела в ней своего главного противника на международной арене.

Состояние итало-югославских отношений в тот период представляет особый интерес, и они заслуживают поэтому пристального внимания.

Можно утверждать, что в международных отношениях в Дунайском бассейне и на Балканах в начале и середине 30-х годов не существовало таких проблем, которые не разъединяли бы Италию и Югославию. Основными вопросами были итальянские притязания на Далмацию и итальянизаторская политика фашистского правительства по отношению к хорватскому и словенскому населению в Истрии и Юлийской Крайне. Последнее вызывало особенно большое раздражение среди хорватской и словенской буржуазии и давало повод и возможность югославским правящим кругам представлять противоречия с Италией в выгодном для себя свете, позволяло встать в позу защитников прав угнетенных национальных меньшинств. Однако было бы совершенно неправильно видеть в Югославии невинную жертву итальянского империализма. Ее правящие круги сами имели империалистические притязания на Албанию, где их интересы сталкивались с итальянскими. Борьба за преобладающее влияние в Албании была империалистической с обеих сторон. Победителем из нее вышла Италия, что порождало озлобление в шовинистических великосербских кругах, имевших давние виды на Албанию. Таким образом, противоречия с Италией затрагивали интересы всех основных групп югославской буржуазии.

Особенно резкое ухудшение итало-югославских отношений наступило с лета 1932 г., когда Муссолини лично возглавил итальянское министерство иностранных дел. В своих высказываниях как Муссолини, так и итальянские дипломаты не скрывали, что верят в развал Югославии, и ссылались при этом на напряженное внутривнутриполитическое положение страны. Ряд действий итальянского правительства, в частности активная поддержка хорватских фашистов-ушастей во главе с А. Павеличем в их террористической деятельности, показывали, что оно ведет по отношению к Югославии политику, рассчитанную на раскол страны. Политика фашистской Италии встречала резкий отпор со стороны Югославии. Она была источником напряженности в Юго-Восточной Европе и не раз подходила к опасной черте, за которой могла последовать война.

Отношения с Италией были в центре внимания югославской дипломатии. Внимательно следивший за внешней политикой Югославии немецкий посланник в Белграде А. Дуфур, оценивая позицию югославского короля Александра, писал, например, что «во внешней политике Италия, особенно Муссолини, были для него альфой и омегой всех его мыслей и забот»¹. Поэтому на международной арене Югославия выступала как последовательный противник итальянской внешней политики. Она видела, и часто не без основания, скрытую угрозу своим интересам в любой итальянской инициативе.

Напряженность итало-югославских отношений вызывала глубокие противоречия Югославии со своими союзниками, особенно с Францией и Чехословакией. И именно в австрийском вопросе эти противоречия достигали кульминационного пункта. Усиление итальянского влияния в Австрии рассматривалось Францией и Чехословакией как противодействие германским стремлениям к аншлюсу. Поэтому они готовы были закрыть глаза на другие стороны и политические последствия итальянского проникновения в Австрию и даже пойти на известные уступки в этом отношении.

Югославские правящие круги смотрели на итальянскую «вахту на Бреннере»² совсем под иным углом зрения. В образовании «римского треугольника» они увидели прежде всего попытку Италии окружить Югославию кольцом враждебных ей государств. Для предотвращения подобной угрозы они готовы были пойти на далеко идущие действия. С точки зрения правящих кругов страны, даже аншлюс представлял бы для Югославии гораздо меньшую опасность, чем укрепление в Австрии итальянского влияния. Последнее представлялось не меньшей угрозой, чем реставрация Габсбургов. Более того, обе опасности рассматривались как взаимозависящие, одна влекла за собой другую, угрожая целостности Югославии.

Не встречая поддержки со стороны своих союзников и испытывая постоянную угрозу со стороны Италии, правящие круги Югославии все более укреплялись во мнении, что единственно реальной альтернативой реставрации

¹ «DGFP», Series C, Vol. I, Doc. N 279, p. 511.

² Бреннер — горный перевал в Альпах, ведущий из Италии в Австрию.

Габсбургов, а вместе с тем и полной ликвидации итальянского влияния в Австрии может быть только ее аншлюс со стороны Германии. Так завязывался еще один узел противоречий в Дунайском бассейне и создавался своеобразный треугольник противоречий «Берлин — Рим — Белград». Игра сил в этом треугольнике, несмотря на явное неравенство потенциалов его сторон, во многом определила судьбу австрийского вопроса.

Расхождение Югославии со своими союзниками и известное совпадение взглядов с Германией на будущность Австрии открывали значительные возможности для интриг гитлеровской дипломатии. Последняя не упускала возможность расшатать Малую Антанту, ослабить французскую систему союзов в Юго-Восточной Европе. С начала 1934 г. стало заметно некоторое сближение Югославии и Германии, исходным пунктом которого было ухудшение отношений обеих стран с Италией. На эту сторону вопроса обратил внимание, в частности, английский посол в Белграде Н. Гендерсон в сообщении в Форин Оффис в марте 1934 г. Вскрывая внутренний механизм отношений в рамках треугольника Германия — Италия — Югославия, он писал: «Если Югославия все-таки окажется в руках у Германии, то не кто иной, как Италия, толкнет ее туда»¹. Эта взаимосвязь была видна также и союзникам Югославии, в частности Франции, а также и самой Германии.

Противоречия Югославии с Италией были главными, но не единственными трудностями, которые встали перед Францией при сближении с Италией. Главная задача нового курса Франции — предотвращение захвата Австрии Германией — могла быть решена только в том случае, если вслед за улучшением отношений между Италией и Францией последует сближение стран «римского треугольника» со странами Малой Антанты. Однако последняя отнеслась довольно отрицательно к подписанию Римских протоколов. Одной из причин помимо итало-югославских противоречий было недовольство стран Малой Антанты позицией Венгрии. Они считали, что оформление «римского треугольника» усилило ревизионистские тенденции во внешней политике Венгрии. Это беспокойство разделялось и Румынией, и Чехословакией, которые имели на

¹ «Documents on British Foreign Policy», Second Series, Vol. VI, Doc. N 331, p. 524.

своих территориях венгерские нацменьшинства, служившие источником всевозможных осложнений в отношениях с Венгрией.

Прямым следствием заключения Римских протоколов было резкое ухудшение отношений Югославии с Венгрией. В венгерской печати усилились антиюгославские выступления. На венгеро-югославской границе происходили столкновения, вызывавшие взаимные обвинения, которые весной 1934 г. специально разбирались в Лиге наций.

Не встречая безоговорочной поддержки против угрожающих действий Италии и ее союзников у Франции, югославская внешняя политика проявляла неустойчивость, что было довольно широко известно во французских правительственных сферах и порождало беспокойство. Этот вопрос обсуждался на заседаниях Совета министров Франции в середине июня 1934 г. «Следует внимательно следить за Югославией,— записал после этого заседания в своих мемуарах Э. Эррио,— которая, по мнению маршала Петена, имеет тенденцию отойти от нас и, как говорит Пьетри, выходит из-под нашего военного влияния»¹. Но, несмотря на заинтересованность в Югославии, французская дипломатия не собиралась жертвовать ради нее своими отношениями с Италией. Для Франции это был вопрос ее европейской политики, и с этой точки зрения итало-югославские отношения имели для нее второстепенное, подчиненное значение.

Свидание Гитлера с Муссолини в Милане 14—15 июня вызвало большое беспокойство как во Франции, так и в странах Малой Антанты. Для планов франко-итальянского сближения наступили критические дни. Французская дипломатия использовала их для укрепления связей со своими союзниками по Малой Антанте. В конце июня 1934 г. Л. Барту выехал с визитом в Румынию и Югославию. Эти визиты, так же как и поездка в Варшаву и Прагу в апреле 1934 г., должны были выяснить и определить позицию союзников Франции по важнейшим международным проблемам.

Главным из них был вопрос о создании в Европе системы коллективной безопасности и переговорах на этой основе между Францией и Советским Союзом о Восточном

¹ Э. Эррио. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914—1936. М., 1958, стр. 532.

пакте. Вопрос об отношении стран Малой Антанты с Советским Союзом становился особенно злободневным. Однако формальное признание СССР Чехословакией и Румынией последовало только 9 июня 1934 г., когда уже велись переговоры о Восточном пакте. Югославия по-прежнему отказывалась признать Советский Союз. Но теперь ее позиция приобретала совсем иной характер, так как это касалось отношения Югославии к политике Франции и ее союзников по Малой Антанте, отношения Югославии к системе коллективной безопасности. Таким образом, к прежним франко-югославским разногласиям по вопросам об отношении к Италии, Австрии и Германии прибавились еще противоречия по вопросу об отношении к Советскому Союзу. Их преодоление стало первоочередной задачей французской дипломатии в Юго-Восточной Европе.

Визит Барту в Бухарест был приурочен к очередной сессии Постоянного совета Малой Антанты, что должно было подчеркнуть ее близость политике Франции. Переговоры Барту с королем Александром в Белграде затронули широкий круг вопросов. Югославия благоприятно отнеслась к идее «Восточного Локарно». Но такие вопросы, как отношения с Италией и Советским Союзом, остались практически без изменений. Подводя итог визиту Л. Барту в Белград, немецкий посланник делал вывод, что «Югославия действительно готова слепо следовать французской политике союзов в целях сохранения статус-кво, но смотрит на возможность итало-французского соглашения с недоверием, а на возможность итало-югославского урегулирования — со скептицизмом»¹. В целом визит Барту в Белград укрепил франко-югославский союз, хотя многие вопросы продолжали оставаться нерешенными.

События в Дунайском бассейне летом и осенью 1934 г. развивались стремительно. Непрерывавшиеся происки нацистов в Австрии обострили итало-германские отношения, а нацистский путч и убийство канцлера Дольфуса 25 июля 1934 г. привели к открытой вражде между Германией и Италией. Вместе с тем 25 июля 1934 г. стало переломным днем в отношениях между Францией и Италией: обе страны вынуждены были поторопиться с достижением соглашения о сотрудничестве в Дунайском бассейне и в деле сохранения независимости Австрии.

¹ «DGFP», Series C, Vol. III, Doc. N 39, p. 93.

События в Австрии вновь показали опасные последствия напряженных отношений Италии и Югославии. Сообщения о концентрации итальянских войск на австрийской границе вызвали серьезную тревогу в Белграде. Они были расценены как подготовка итальянского вооруженного вмешательства в австрийские дела с перспективой возможного установления итальянского протектората над Австрией. Югославия решительно заявила, что она не оставит без ответа вторжение итальянских войск на австрийскую территорию. Она довела свою точку зрения до сведения Австрии, Франции, Англии и Германии. Югославские официальные представители заявляли, что в случае вступления итальянских войск в Австрию югославская армия оккупирует Каринтию. Югославское правительство считало, что любое вмешательство в австрийские дела должно носить только международный характер, а односторонние действия Италии недопустимы. Позиция Югославии привела к резкому обострению ее отношений с Италией как раз в то время, когда между Италией и Францией начались оживленные переговоры.

Франко-итальянские переговоры продвигались быстро. Довольно легко обе стороны разрешили все проблемы, касавшиеся непосредственно их отношений: вопросы, связанные с Тунисом, колониальные проблемы в Африке, в частности вопрос о ливийских границах, и вопросы морского паритета на Средиземном море. Однако центральные вопросы — соглашение о сотрудничестве в Дунайском бассейне и Юго-Восточной Европе и австрийский вопрос — почти не сдвинулись с места. Наибольшим препятствием по-прежнему оставались итало-югославские отношения. И хотя в начале сентября 1934 г. вся мировая пресса была заполнена сообщениями о скором заключении соглашения между Францией и Италией, впереди еще лежали большие трудности. Предполагалось, что они будут решены в ближайшее время, во всяком случае до второй половины октября 1934 г., когда Барту намечал нанести визит в Рим.

Советский Союз внимательно следил за ходом франко-итальянских переговоров. Хотя отношения Франции и Италии не затрагивали его непосредственных интересов, они оказывали влияние на международное положение в Европе и поэтому интересовали его. Соперничество Италии и Франции в Центральной и Юго-Восточной Европе откры-

вало широкое поле для интриг гитлеровской Германии. Наоборот, их сближение ограничивало возможности нацистского проникновения в страны Дунайского бассейна и создавало серьезное препятствие для целей Германии. Поэтому советская дипломатия положительно расценивала итало-французское сближение, что находило отражение на страницах печати. 10 сентября 1934 г. в «Известиях» была опубликована редакционная статья «Поиски итало-французского соглашения». В ней отмечалось, что «в нынешней международной обстановке итало-французское соглашение имело бы огромное политическое значение и оказало бы, бесспорно, серьезнейшее влияние на расстановку сил на Европейском континенте». В статье подчеркивалось, что на пути соглашения двух стран стоят многочисленные препятствия. Однако в случае успеха действие соглашения распространится на все вопросы европейской политики. «Нет ничего удивительного в том, что германская печать проявляет крайнюю нервозность как по поводу переговоров, которые ведутся итальянской и французской дипломатией, так и по поводу предстоящей поездки Барту в Рим».

Союзники Франции — страны Малой Антанты, несмотря на колебания Югославии, все же в конечном итоге разделили мнение о необходимости создания системы коллективной безопасности в Европе. На сессии Постоянного совета Малой Антанты в Женеве 13—14 сентября 1934 г. была обсуждена информация о ходе переговоров между Францией и Италией и принято решение приветствовать франко-итальянское сближение. Характерно, что страны Малой Антанты придавали первоочередное значение все же переговорам о Восточном пакте и выразили мнение, что он усилит гарантии сохранения мира и будет вскоре подписан.

Германская дипломатия прекрасно понимала, что наибольшим препятствием на пути франко-итальянского соглашения и укрепления независимости Австрии было напряженное состояние итало-югославских отношений. Она знала также и о французских усилиях добиться их смягчения и урегулирования. Итальянская сторона, хоть и неохотно, делала некоторые шаги в этом направлении. Ожидалось, что визит югославского короля Александра в Париж явится переломным моментом в затянувшихся переговорах по этому вопросу.

Новое «Сараево»?

К 4 часам пополудни церемония встречи на Бельгийской набережной Старого порта подходила к концу. Генерал Жорж, который в годы первой мировой войны был начальником штаба Салоникского (Восточного по французской терминологии) фронта, произнес приветственную речь, напомнив о былом боевом союзе, а также о выдающихся заслугах и высоких качествах югославского гостя. После краткого ответного слова короля Александра все собравшиеся, обмениваясь замечаниями и приветствиями, медленно двинулись к ожидавшим их машинам. Король Александр был довольно бледен. Сказалось и утомившее его плавание по бурному морю (адмиральский мундир, увы, не спасает от морской болезни), а также возраставшее внутреннее напряжение: он опасался покушения. За последние годы попытки убить его делались не раз. Опасения не покидали короля и теперь. Они передалась и окружающим. Старый камердинер Зечекович даже советовал ему еще накануне отъезда вложить в карманы мундира тонкие стальные пластины, чтобы защитить грудь от пуля в случае покушения.

Атмосфера нервозности тяготела над всеми собравшимися. Она захватила и Л. Барту, хотя тот старался не показывать своего беспокойства. В Париже вот уже несколько дней говорили о готовящемся покушении. Известно об этом было и в Сюрте женераль. Полученная там анонимная записка прямо предупреждала, что югославский король будет убит во Франции. Беспокоилась и югославская полиция, требовавшая от французов усилить охрану безопасности короля. Во всяком случае Л. Барту сильно удивил Ж. Табуи, зашедшую навестить его перед отъездом в Марсель, когда он в шутливой, но довольно уверенной форме говорил о возможности покушения: «Да, по-видимому, обнаружено несколько анархистов, которые все подготовили к покушению в Марселе»¹.

Слухи о возможном покушении широко разошлись по Парижу и даже проникли на страницы прессы. О них писали 9 октября, в день приезда Александра, полуденные выпуски газет «Пари-миди» и «Пари-суар». Обе они упо-

¹ Ж. Табуи. Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960, стр. 257.

минали террористическую организацию усташей — хорватских националистов — и приводили выдержки из их эмигрантских изданий. Газеты напоминали о прошлых террористических актах усташей и о лагере в Янка-Пуста на территории Венгрии, где они проходили соответствующую подготовку.

Но в то же время широкое распространение тревожных слухов, как это ни странно, служило некоторым успокоением. Ведь никогда еще не удавалось ни одно покушение, о котором было известно заранее...

Правда, такие соображения нисколько не успокаивали генерала А. Димитриеви́ча, югославского министра двора, заблаговременно прибывшего во Францию, чтобы сопровождать в поездке по стране короля Александра. Утром 9 октября 1934 г., приехав в Марсель, он был поражен совершенно недостаточными мерами, принятыми французской полицией. В глазах представителя диктаторского режима, каким был Димитриеви́ч, понятие разумной степени предосторожности значительно превосходило каноны, принятые в буржуазно-демократической Франции. Но все же несомненно, что принятые французской полицией меры были не только недостаточными, но даже и просто не соответствовали степени безопасности, которая предусматривалась для подобных случаев.

Французское министерство внутренних дел, несмотря на имевшиеся тревожные сигналы, никак не отреагировало на них. Задача обеспечения безопасности короля была возложена на местную полицию, которая отнеслась к делу безответственно. Принятые ею меры свелись практически к тому, что по обеим сторонам улиц, по которым должен был проследовать кортеж, были расставлены полицейские с интервалом в 10 шагов друг от друга. Но и они были повернуты спиной к толпе на тротуарах и фактически не могли наблюдать за собравшимися.

Обеспокоенный Димитриеви́ч в разговоре с марсельским префектом Совэром не скрывал своих опасений, тем более что югославская полиция располагала сведениями о возможном покушении. И хотя Совэр заверил своего югославского коллегу, что ничего серьезного не случится, последний не был в этом убежден.

Но то, что теперь Димитриеви́ч наблюдал на Бельгийской набережной, повергло его в ужас. Только здесь в самый последний момент выяснилось, что отряд мотоцикли-

стов, которые должны были эскортировать машину короля для большей безопасности, не прибыл. Он был направлен в какое-то другое место. Никакой замены прислано не было. Машина, если не считать двух конных офицеров, ехавших по бокам от нее и несколько впереди, фактически не охранялась.

В первую машину сели король Александр, Луи Барту и генерал Жорж, который устроился на переднем сиденье. При виде поданного автомобиля наблюдавший за церемонией посадки Димитриевич оторопел: такие машины со времени покушения на французского президента Карно никто уже не решался использовать для подобных целей. Небронированный лимузин с большими окнами и широкими подножками во всю длину кабины, от переднего до заднего крыла, не давал никакой защиты в случае попытки покушения на сидящих в нем людей и, наоборот, был чрезвычайно удобен для террориста! В довершение всего задняя часть кабины была с откидным верхом, сдвинутым сейчас назад по случаю хорошей погоды и для расширения поля обозрения пассажиров, которые сидели на виду у публики.

Во вторую машину сели Пьетри и прибывший вместе с Александром югославский министр иностранных дел Б. Ефтич, в третью — Совэр и Димитриевич. Последний с тревогой разглядывал толпу, запрудившую улицы. Машины двигались медленно, со скоростью пешехода (около 4 км в час вместо обычных 20 км, предусмотренных протоколом для передвижения глав государств).

Лица людей, столпившихся на тротуарах, отчетливо показывали ту гамму чувств, которая владела ими. Встречу нельзя было назвать бурной. Большинство пришло из простого любопытства. Местами раздавались аплодисменты, местами — свист.

Но в целом настроение толпы и ее поведение были спокойными, и ехавший в третьей машине Димитриевич довольно отчетливо слышал, как цокают о брусчатку, которой вымощен проспект Ля Канебьер, копыта лошадей всадников, гарцевавших по обе стороны от машины Александра и Л. Барту.

Медленная езда и спокойное поведение толпы действовали успокаивающе... Машины двигались посредине улицы, между трамвайными линиями. Вот уже и здание биржи. Еще немного, и опасный путь будет позади. Димитрие-

вич с надеждой смотрит на часы. Время — 4 часа 20 минут пополудни...

Но что это? Из толпы около биржи выскочил человек. Полковник Пиоле, немного опередивший машину, пытается повернуть лошадь, но она становится на дыбы. Человек проскочил мимо нее и прыгнул на подножку автомобиля. У него в руках револьвер. Перед ним — король Александр. Первые две пули — в грудь королю, тот сразу же сползает по сиденью автомобиля, обливаясь кровью. Следующая пуля попадает в руку Луи Барту. Выстрелы перепугали шофера Фуассака — он остановил машину и быстро выскочил из нее. Первым попытался остановить террориста сидевший впереди Александра генерал Жорж, но четыре пули (две в грудь и по одной в каждую руку) валят его на дно машины. Со стороны мостовой на террориста бросился полицейский Гали, но и он падает на землю, подкошенный пулей... На все это уходит буквально несколько секунд, ровно столько, сколько потребовалось полковнику Пиоле, чтобы развернуть лошадь и выхватить саблю... Он дважды бьет ею террориста по голове. Окровавленный, тот падает на мостовую, получив еще две пули от полицейских, открывших беспорядочную стрельбу. В толпе жертвы. Полицейские пули убили двух зрителей, несколько человек ранено.

После первого оцепенения наступил страшный беспорядок. Кажется, что все потеряли голову и перестали отдавать отчет в своих действиях... Набежавшая толпа топчет террориста. Полиция схватила показавшегося ей подозрительным человека, бросившегося из толпы к машине. Проморгав настоящего убийцу несколько минут назад, она теперь старалась показать в полной мере свое полицейское усердие на этом несчастном. Заломив ему руки за спину, его поволокли в участок, избивая по дороге. Но основную порцию ударов он получил уже в полицейском участке. Его били и допрашивали несколько часов. Только к вечеру полиция убедилась, что единственным его побуждением было желание оказать первую помощь пострадавшим при покушении, поскольку он обладал некоторыми медицинскими познаниями. Его нехотя отпустили...

Пули, попавшие в короля Александра, оказались смертоносными. Еще в машине он потерял сознание. Его перенесли в префектуру, украшенную флагами и гирляндами. Проходит несколько минут, и флаги приспускают. Собрав-

шаяся перед префектурой толпа молча снимает шапки и шляпы. Король умер. Присутствовавший при его кончине министр иностранных дел Б. Ефтич впоследствии будет рассказывать, будто король в последние секунды тихо прошептал: «Храните Югославию!» Правда, кроме Ефтича, никто не слышал этих слов. Ефтич же рассказывал об этом в таком тоне, будто именно он, Ефтич, и должен выполнить последний наказ короля. Король только умер, а попытки воспользоваться его смертью уже начались...

«Общее смятение было таково,— писала позднее об этих минутах в Марселе Ж. Табуи,— что вследствие этого никогда не удастся полностью установить долю ответственности каждого за происшедшее»¹. В обстановке всеобщего замешательства первая помощь, оказанная Л. Барту, явилась для него роковой. Его рана в предплечье была не опасной. Но повязка, сделанная кем-то с целью остановить кровотечение, была наложена поверх пиджака ниже раны. Она не только не остановила кровотечение, но и значительно усилила его. Пришедшая санитарная машина забрала Барту и лежавшего в беспамятстве террориста в ближайшую больницу. По дороге Барту от большой потери крови лишился сознания. В больнице ему немедленно сделали операцию. Врачи уже надеялись на благоприятный исход, как вдруг сердечная деятельность их 72-летнего пациента резко ослабла. Барту умер, не приходя в сознание.

Тяжело раненный генерал Жорж был доставлен в военный госпиталь. Пять месяцев потребовалось ему, чтобы восстановить свои силы. Он дожил до 1951 г., приняв участие во второй мировой войне (был членом французского комитета национального освобождения). Полицейский Гали, раненный террористом, умер несколько месяцев спустя.

Убийца, доставленный в больницу, был в тяжелом состоянии. При нем был найден чехословацкий паспорт на имя Петра Келемена, револьверы системы «Маузер» и «Вальтер», бомба. На руке была татуировка — знак ВМРО — македонской террористической организации. Не приходя в сознание, он умер около 8 часов вечера того же дня в той же больнице, что и Л. Барту, унеся с собой многие тайны.

¹ Ж. Табуи. Двадцать лет дипломатической борьбы, стр. 259.

Первая реакция прессы. Первые последствия

Убийство короля Александра и Л. Барту внесло новый элемент в международную обстановку. Оно до крайности обострило отношения Югославии с Италией и Венгрией, Франции с Италией, а также охладило отношения между Францией и Югославией. Переговоры о франко-итальянском сближении остановились, а дальнейшие их перспективы выглядели мрачно. Главное препятствие — югославо-итальянские противоречия — разрослось до крайних пределов. Не могло, следовательно, быть и речи, по крайней мере на ближайший период, о создании Дунайского пакта и гарантии на его основе австрийской независимости. Со смертью Л. Барту приостановились и переговоры о создании Восточного пакта с участием Советского Союза. В лице Барту идея франко-советского сотрудничества лишилась своего самого горячего поборника во Франции.

Марсельское убийство вызвало бурю в Югославии. Югославская пресса развернула шумную кампанию против Италии и Венгрии, обвиняя их в убийстве короля Александра и Барту руками усташей. То, что именно они явились непосредственными убийцами, воспринималось в Югославии с самого начала как аксиома, не требующая доказательств. Во многих городах страны — в Белграде, Загребе, Любляне, Осиеке и других — произошли организованные правительством антиитальянские и антивенгерские демонстрации. В милитаристских великосербских кругах вынашивались планы вооруженного столкновения с Италией и Венгрией. В стране усиленно раздувался шовинистический угар с целью создать благоприятную атмосферу для «войны мести». Создавшееся положение сравнивали в дипломатических кругах с обстановкой после сараевского покушения в 1914 г.

Иную позицию заняли французская пресса и правительство. Они не разделяли воинственного пыла югославских правящих кругов. Французские газеты высказывали мнение, что убийство Л. Барту и короля Александра не должно сказываться на отношениях между Францией и Италией, а политика, направленная на сближение двух стран, должна быть продолжена. Итальянская пресса, сдержанно комментируя события, взяла примирительный тон в отношении Франции и Югославии.

Вопрос об ответственности Италии и Венгрии за марсельские убийства обсуждался всей мировой печатью. В этом хоре, довольно единодушно указывавшем по крайней мере на моральную ответственность итальянского и венгерского правительств, особенно выделялись резкостью выражений и тона помимо югославских немецкие газеты.

Необычно враждебный, прямо-таки провокационный тон немецких газет удивил и озадачил итальянское правительство. Муссолини решил лично обсудить этот вопрос с немецким послом в Риме. Беседа между ними изобиловала резкими выражениями. Муссолини прямо заявил, что «германская пресса эксплуатирует марсельские убийства и арест Павелича и публикует иронические и крайне враждебные комментарии»¹. Такое заявление не было голословным. Во время беседы Муссолини держал перед собой подборку комментариев и вырезок из немецких газет и зачитывал вслух отдельные места из них. Особое возмущение Муссолини вызвали те материалы, в которых вопрос о выдаче Италией Павелича изображался как пробный камень итальянской лояльности по отношению к Франции. В конце концов, заявил Муссолини, вопрос о выдаче политических эмигрантов не стоял, тем более что у Италии не было подобного соглашения с Францией. В ответ на град упреков немецкий посол мог только заметить, что и итальянская пресса в свою очередь подозревает Германию в связи с марсельскими покушениями. Но Муссолини явно хотел, чтобы кампания в немецкой прессе поскорее закончилась. Поэтому он заявил, что еще раз проинструктирует свою прессу². Действительно, намеки о причастности Германии к марсельским убийствам вскоре исчезли со страниц итальянских газет. Германская же пресса сохранила свой прежний тон.

Намеки в итальянской прессе о причастности Германии к марсельским событиям не были ее измышлением. К тем же выводам приходили и другие наблюдатели, стоявшие на совершенно иных идейных позициях. Выражая мнение Советского Союза, народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов говорил в выступлении на сессии Лиги наций, что «марсельские события были результатом не только действий их непосредственных участников, но

¹ «DGFP». Series C, Vol. III, Doc. N 266, p. 523.

² Там же, стр. 524—525.

и попустительства, а может быть, и пособничества, скажем, неизвестных властей неизвестной страны». Он подчеркивал также, что «новейший терроризм — орудие реакции и зачинщиков войны»¹.

Ряд косвенных данных говорил за то, что организатором марсельского покушения была гитлеровская Германия. Но в то время такое предположение было основано лишь на анализе политических мотивов совершенного преступления, на соображениях, что организатором убийства мог быть тот, кому оно было выгодно.

Даже те из наблюдателей, которые не разделяли мнение, что ответственность за марсельское покушение несет Германия, вынуждены были признать, что политические последствия этих событий поразительно совпадают с целями гитлеровской внешней политики. Редактор консервативной лондонской газеты «Обсервер» Гарвин в номере от 14 октября 1934 г. отмечал, что основная опасность для европейской политики заключается в упорных попытках Германии вбить клин между Италией и Югославией и вовлечь последнюю в свою орбиту. «Без нового сотрудничества между Италией, Францией и Югославией, — делал вывод Гарвин, — невозможно будет оградить австрийскую независимость, которая является ключом к европейскому миру».

И хотя большинство современников событий возлагало ответственность за марсельское покушение только на Италию и Венгрию, не видя вины за Германией, опасения, что Германия может воспользоваться политическими последствиями этих событий, были распространены чрезвычайно широко. Такого мнения придерживались и союзники Югославии. Именно этим и объяснялась их сдержанная позиция по отношению к Италии и Венгрии, а также желание охладить Югославию.

19 октября 1934 г. в Белграде собрался Постоянный совет Малой Антанты. Первые данные следствия по делу об убийстве короля Александра и Л. Барту показали уже к тому времени, что в покушении участвовала усташская организация, а материалы о поддержке усташей правящими кругами Италии и Венгрии имелись у югославского правительства в изобилии. Югославское правительство

¹ М. Литвинов. Внешняя политика СССР. Речи и заявления 1927—1937 гг. М., 1937, стр. 119—122.

требовало принятия против Италии и Венгрии самых решительных мер вплоть до применения вооруженной силы. Однако Чехословакия и Румыния не были склонны разделять воинственные настроения Югославии. Охарактеризовав убийство в Марселе как «покушение против существующего в Европе порядка», Постоянный совет Малой Антанты счел необходимым передать вопрос на рассмотрение Лиги наций.

Когда же дело дошло до подачи жалобы в Лигу наций, Чехословакия и Румыния оказали на Югославию сильнейший нажим, чтобы побудить ее отказаться от жалобы на Италию. Их усилия подкреплялись советами со стороны Франции.

Особенно резкую позицию заняла Англия. Министр иностранных дел Д. Саймон заявил югославскому посланнику Джуричу, что если Югославия будет настаивать на выдвижении своего обвинения против Италии и Муссолини начнет из-за этого военные действия, то Англия не окажет помощи Югославии. То же самое в Женеве повторил А. Иден югославскому представителю в Лиге наций К. Фотичу. Аналогичную позицию занял в Париже наследовавший Л. Барту на посту министра иностранных дел Франции Пьер Лаваль. Югославия, таким образом, оказалась в дипломатической изоляции. В итоге под давлением своих союзников она должна была отступить от первоначальной точки зрения. В ее жалобе, направленной в Лигу наций, фигурировала лишь одна Венгрия.

Союзники Югославии воспротивились также срочному созыву чрезвычайной сессии Совета Лиги наций. В беседе с Бенешем в середине октября 1934 г. П. Лаваль заявил, что такой шаг не соответствовал бы задаче разрядки международной напряженности в Центральной Европе. Бенеш от имени Малой Антанты согласился с позицией Франции. Обсуждение вопроса о марсельских событиях в Совете Лиги наций началось поэтому только в декабре 1934 г., т. е. два месяца спустя после них, когда и обстановка на международной арене и политическая ситуация в самой Югославии сильно изменились.

Югославская жалоба в Лигу наций, поданная в конце ноября 1934 г., задолго до окончания следствия, была составлена однобоко и тенденциозно. Хотя главной опорой усташей за рубежом была Италия, в жалобе фигурировала одна только Венгрия как сторона, несущая полную ответ-

ственность за усташские преступления. Несмотря на явное участие в покушении ВМРО (сама личность убийцы как нельзя более ярко указывала на этот факт), в обвинении фигурировала одна лишь усташская организация. Жалоба не содержала никакого разбора обстоятельств марсельского покушения, если не считать всячески обыгрываемого факта, что трое усташей, принявших в нем участие, получили тренировку в лагере Янка-Пуста и выехали из Венгрии с венгерскими паспортами. Она ничего не прибавила к уже известным фактам.

Обсуждение такой жалобы Югославии в Лиге наций только дезориентировало общественное мнение, привлекая его внимание к частным фактам и отвлекая от объективного рассмотрения всех без исключения обстоятельств совершенного преступления. Жалоба исходила из факта, что единственные исполнители террористического акта — усташаи. Слово «усташаи» снова замелькало на страницах прессы всего мира, как бы предопределяя исход ведшегося следствия и заранее предвосхищая решение суда над пойманными во Франции усташаами. Но прежде чем разобраться в степени ответственности каждого из усташааи за марсельские убийства, необходимо выяснить, кто такие усташааи, когда и при каких обстоятельствах возникла усташааа организация.

Кто такие усташи?

Тяжелое наследие прошлого

Национальный вопрос на Балканах являл собой классический пример запутанной и сложной проблемы. Особую область в этом комплексе проблем представляли отношения югославянских народов между собой, в особенности взаимоотношения между сербским и хорватским народами.

Начнем с констатации самых общих фактов. Оба народа говорят на одном и том же языке — сербо-хорватском. В этническом отношении они принадлежат к одной и той же ветви южных славян. Но история их сложилась так, что пути этих народов в силу ряда причин надолго разошлись, чем и попытались воспользоваться господствующие верхи обеих наций. «Десятилетиями, — писал югославский политический деятель и публицист Марко Ристич, — разжигалась национальная ненависть между двумя более чем близкими народами, настолько близкими, что ни в своем далеком прошлом, ни в своей дальнейшей, может быть и не столь отдаленной, перспективе развития их невозможно различить; между двумя народами, которым вся их история красноречиво говорит, что судьба их одна и та же и что спасение их и в хорошие и в плохие времена было и будет только в их братстве и только в их единстве. К сожалению, есть тысячи примеров, как ослепленные политики и публицисты систематически сеяли раздор и копали пропасть между двумя этими народами, пока в этой насыщенной политической отравой смертоносной атмосфере перо Крсто Цицварича не сменил револьвер Пуниши Рачича и пока не наступил день кровавого усташского пира... Да, об этом все еще надо говорить. Слишком долго сеялись эти отрав-

ленные, смертоносные семена национального раздора и взаимного отрицания и слишком страшными плодами преступлений и кровопролития увенчались они в нечеловеческом климате гитлеровской оккупации, чтобы они действительно могли быть уже теперь полностью искоренены. Слишком дорогой ценой мучений и ужасов заплачено за этот опыт, чтобы мы могли позволить себе забыть его... Усташи, с одной стороны, четники — с другой, во имя национализма служили своими преступлениями только немецкому национал-социализму, и те и другие во имя своей победы способствовали только поражению нации. Разве нужно после такого опыта говорить еще о последствиях националистического ослепления?.. Вот поэтому-то братство и единство — величайшее завоевание революционной национально-освободительной борьбы наших народов, основа и лучшая гарантия нашего социалистического будущего...»¹

Прошлая история обоих народов оставила тяжелое наследство. Их судьбы разошлись еще в эпоху раннего средневековья с его раздробленностью на мелкие самостоятельные и полусамостоятельные государства и княжества, со своими местными интересами и своекорыстными династиями эгоистичных правителей, думавших только о себе. На Балканах и тогда перекрещивались интересы крупнейших государств своего времени: за господство над этими густонаселенными и для той поры высокоразвитыми землями боролись Византия и Рим, Венеция и Германская империя, венгры и татары. В таких условиях принятие христианства сербами в его греко-православном виде, а хорватами в католической форме явилось первой ступенью по пути отдаления одного народа от другого. Оно усилилось после установления в 1102 г. унии между Хорватией и Венгрией, объединившей два государства под короной Святого Стефана. Этот акт, по признанию югославских историков, имел самые отрицательные последствия для единства южных славян. Можно сказать, что уже с того времени начинаются сознательные усилия противопоставлять хорват сербам, в церковной, «теоретической» форме обосновать их различие и даже противоположность.

Нашествие турок на Балканы и захват ими сербских и ряда хорватских земель отбросили оба народа далеко

¹ *Marko Ristić. Jedan detalj iz istorije srpskohrvatskih odnosa. «Svedočanstva» N 14, 20.IX.1952.*

назад в их социально-экономическом и политическом развитии. Были уничтожены цветущие города, опустошены богатые земледельческие равнины. Кажалось, история повернула вспять. Значительная часть населения ушла в горы, вместо передового земледелия вновь взялись за экстенсивное скотоводство, возродились и окрепли почти уже забытые формы общинно-родового быта. Мусульманский фанатизм турецких завоевателей вызвал ответную реакцию у угнетенной «райи», как турки презрительно называли поработенное христианское население. В таких условиях принадлежность к определенной религии стала внешней формой приобщения к той или иной национальности. Религиозная нетерпимость захватила не только мусульман и христиан, она распространилась и на отношения между православными и католиками.

Сербы и хорваты никогда не жили изолированно друг от друга. Непрерывные передвижения населения вели к их смешанному расселению. В условиях феодализма это нередко приводило к тому, что под властью хорвата-католика оказывались крестьяне-сербы, исповедовавшие православие, и наоборот. Такое положение вело к тому, что классовая борьба между феодалами и закрепощенными крестьянами подчас приобретала вид национальной борьбы между хорватами и сербами.

Подобные ситуации часто возникали в средневековой Европе в отношениях и между другими национальностями. И они потеряли бы свою остроту в новую эпоху, если бы не особые обстоятельства, сложившиеся на юго-востоке Европы, та своеобразная идейно-политическая обстановка, которая имела место в XIX и начале XX в. в результате роста национально-освободительного движения против турецкого ига со стороны балканских народов, добивавшихся один за другим национальной независимости. Положение обострялось борьбой великих держав за установление своего господства над Балканами, проводивших политику стравливания молодых государств этого района между собой. И наконец, ситуацию сознательно обостряли правящие круги Австро-Венгрии, этого «Ноева ковчега», до отказа набитого многочисленными народами Центральной и Юго-Восточной Европы, которые желали сохранить свое господство над этими народами путем сознательного стравливания их между собой.

Десятки, сотни книг написаны о событиях тех времен на Балканах, о знаменитом Восточном вопросе, на котором сталкивались интересы всех великих держав. Процесс борьбы славянских народов за свое национальное освобождение получил в литературе наименование эпохи славянского возрождения. У южных славян он породил стремление к их взаимному культурному сближению. Последнее было особенно сильным в отношениях между сербским и хорватским народами. Бурно развивавшаяся литература обоих народов привела к образованию у них единого литературного языка — сербо-хорватского.

Во второй половине XIX и в начале XX в. среди южнославянских народов получило широкое распространение движение за их объединение в едином государстве.

Многие сторонники этого движения придерживались идеи «югославизма», т. е. идеи о национальном единстве всех южнославянских народов. Несмотря на то что эта идея была выдвинута патриотическими элементами из самых благородных побуждений, она тем не менее не соответствовала объективным процессам: на юго-востоке Европы под влиянием капитализма шло формирование нескольких самостоятельных, хотя и близких друг другу, отдельных славянских наций. В Хорватии эти идеи разделялись И. Штросмайером, Ф. Рачки и другими представителями национально-либерального течения.

Идею югославянского единства, но с позиций панхорватизма разделяли также и хорватские радикалы, группировавшиеся вокруг Е. Кватерника и А. Старчевича. Последние, выдвигая принцип «государственного права» хорватского народа (отсюда это течение и возникшая из него партия получили название «правашей»), выступали за независимость Хорватии в рамках Австро-Венгрии или вне ее. В первоначальном виде югославизм был направлен против австро-венгерского гнета, против германизаторских тенденций Вены и попыток мадьяризации со стороны Будапешта. После гибели Е. Кватерника в 1871 г. в поднятом им восстании в Раковице с целью добиться свободы хорватского народа идеология правашей под влиянием А. Старчевича приобрела новые черты. Со временем партия права стала все больше и больше переходить на позиции великохорватского национализма.

Если в целом хорватское и сербское освободительные движения развивались в югославянских землях Австро-

Венгрии в XIX в. независимо друг от друга, то в начале XX в. они сблизились между собой. Этот процесс завершился в 1905 г. образованием так называемой хорватосербской коалиции на территории Хорватии и Славонии. Это была пестрая смесь различных буржуазно-либеральных течений, которые выдвигали принцип полного равноправия сербов и хорватов. При этом целью правого крыла коалиции было расширение национальной автономии Хорватии в рамках Австро-Венгерской монархии, в то время как часть левого ее крыла втайне питала надежду на ликвидацию империи и объединение Хорватии с Сербией и другими югославянскими землями (Боснией и Герцеговиной, Словенией, Черногорией).

Хорватосербская коалиция видела основную опасность для югославянских народов в немецкой политике «Дранг нах Остен» и в подпавшей под ее влияние австро-венгерской государственной машине и стремилась объединить все малые народы, стоявшие на пути германской экспансии, для защиты их жизненных интересов. Деятельность коалиции не могла не вызвать страха и вражды со стороны правящих верхов габсбургской монархии. Венские правители пытались ослабить нарастающее национально-освободительное движение югославянских народов путем разъединения их сил и разжигания национальной вражды между ними. В этом смысле усилия Вены посеять рознь между хорватами и сербами имели те же самые цели, что и попытки австро-венгерских властей разжечь ненависть между украинцами и поляками, украинцами и русскими и т. д. Правящие круги Австро-Венгрии хотели повернуть национальную борьбу в другое русло, направить хорватский национализм против сербов и использовать враждебные отношения между двумя народами, чтобы держать их в своем подчинении. И они направили свои действия на подрыв не только политического, но и культурного сотрудничества хорватов и сербов.

Венские властодержцы нашли подходящих исполнителей своих замыслов среди самого хорватского народа в лице части дворянства и буржуазии, и в особенности среди чиновничества и клерикальных слоев. Все эти элементы, тесно связанные с монархией Габсбургов и готовые верой и правдой служить ей, оказались удобным инструментом в руках венских правителей. Новые времена заставляли петь новые песни, которые исполнялись зачастую по но-

там, написанным немецкими националистическими учеными: историками, филологами, этнографами и т. д. Именно из этого источника был почерпнут тезис о том, что сербы и хорваты принадлежат к разным мирам: первые — к Востоку, вторые — к Западу, что культура обоих народов, следовательно, совершенно противоположна и что, наконец, задачей хорватов является проведение культурной, цивилизаторской миссии на Балканах и защита культурных завоеваний Запада от Востока (в данном конкретном случае это означало от сербов). Эти идеи, рожденные немецкой реакционной историографией и легшие впоследствии в основу реакционного немецкого империалистического «Остфоршунга», должны были дополнить, модифицировать и развить дальше старый тезис о существовавшей якобы пропасти между католиками-хорватами и православными сербами на религиозной почве. Они были подхвачены и раздуты хорватскими националистами и нашли соответствующий отклик со стороны сербских националистов. «Не фраза, а весьма реальный факт, что мы являемся двумя различными мирами, — писал ректор усташского университета в Загребе Степан Хорват в 1944 г. в «Письме хорватским интеллигентам». — На формирование этих двух миров влияли не только различные пути исторического развития, но и развивались мы под воздействием совершенно иного культурного влияния, чем они. На земном шаре нет, вероятно, другого примера, когда бы между двумя соседними народами существовали такие огромные несущественные сходства и такие огромные существенные различия, как это имеет место между нами, хорватами, и нашими соседями сербами»¹. То, что усташский трубадур высказал со столь прямолинейной откровенностью, в иных формах, другими словами и по разным поводам высказывалось в течение ряда десятилетий националистами всех мастей и направлений. Естественно, что в шовинистических хорватских и сербских кругах такие идеи порождали взаимную вражду и национальную нетерпимость, шовинистические лозунги о междоусобной борьбе «до вашего или нашего полного уничтожения», как писал анонимный сербский шовинист в 1902 г. в статье «Сербы и хорваты», вызвавшей обострение сербо-хорват-

¹ Цит. по: *Vaso Bogdanov. Historijski uzroci sukobu između Hrvata i Srba.* — «Rad Jugoslovenske akademije znanosti i umetnosti». Knj. 311. Zagreb, 1957, s. 393.

ских отношений и послужившей поводом для антисербского погрома в Загребе, организованного хорватскими националистами.

И. Франк и франковцы

Семена раздора между сербами и хорватами сознательно сеялись австро-венгерской администрацией, которая прибегала то к возвышению одной группы населения за счет других народов, то к предоставлению льгот отдельным лицам по национальному признаку, что порождало недоброжелательное отношение к ним со стороны других национальностей. Эта практика усиленно проводилась в Хорватии в конце XIX в. баном (генерал-губернатором) Куэном-Хедервари, насаждавшим, например, сербских чиновников в чисто хорватских районах и старавшимся вызвать среди хорватского населения вражду к сербам. Такие усилия не оставались безуспешными, тем более что они зачастую разжигались в обоих лагерях лицами, либо находившимися на прямой службе у властей, либо вполне сознательно шедшими им в услужение в надежде на получение определенных льгот и привилегий.

Одним из таких людей, сыгравших самую отрицательную роль в истории сербо-хорватских отношений, был Иосип Франк. Хорватский еврей, получивший юридическое образование в Вене и ставший адвокатом в Загребе, он отличался огромным тщеславием, властолюбием, безудержным карьеризмом и полнейшей беспринципностью. Его жизнь — сплошное лицемерие и двуличие. В течение всей своей политической карьеры он был тесно связан с венскими политическими кругами и австрийским генеральным штабом. Начало политической жизни Франка связано с подлогом: по указанию властей, видевших в нем человека, на которого можно положиться в любом грязном деле, он участвовал в середине 70-х годов в составлении ложных документов против Народной партии, чтобы дать властям повод для расправы с ней. В 1880 г. известный хорватский писатель А. Шеноа дал ему такую характеристику: «Пресловутый загребский адвокат... поносит и чернит все хорватское сначала в пользу венгров, а теперь — Австрии... Франк — политическая гнида, служивший Рауху¹, а затем швабскому генеральному штабу... Навязы-

¹ Раух — бан (генерал-губернатор) Хорватии в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в.

вался в Пакраце православным избирателям, хвастаясь, что защищает сербские интересы»¹. Но вскоре Франк меняет тактику. В том же 1880 г. в выпущенной им на немецком языке брошюре «Хорватская квота» он выступает уже как защитник хорватских прав против угнетения со стороны Будапешта, показывая неравноправное экономическое положение Хорватии в венгерской половине двуединой монархии. Брошюра принесла ему известность и некоторую популярность в оппозиционных кругах. Франк воспользовался этим для сближения с Партией права, где вскоре пробирается в первые ряды ее руководства. Демагог и красноречивый, он ловко маскировался под защитника прав хорватского народа, пользуясь личиной крайнего хорватского националиста. Истинной же его целью было использовать националистические элементы в Партии права для превращения ее в опору австро-венгерской власти, в орудие борьбы с растущим освободительным движением югославянских народов, против сербо-хорватского сотрудничества.

Деятельность Франка привела в 1895 г. к расколу Партии права. Отколовшееся от нее крайне правое и шовинистическое крыло под руководством Франка оформилось в самостоятельную, так называемую Чистую партию права. На страницах главного органа новой партии — газеты «Хорватское право» — развернулась националистическая пропаганда, основное острие которой было направлено против сербов. Лозунги партии требовали создания «Великой Хорватии» и включения в нее Боснии и Герцеговины в рамках габсбургской монархии. В конечном счете эти планы были направлены не только на укрепление Австро-Венгрии, но и отражали желание выдвинуть альтернативу разрастающемуся движению за создание независимого южнославянского государства. Не удивительно, что партия Франка пользовалась доверием и поддержкой властей. Она пыталась придать сербо-хорватским противоречиям характер столкновения двух противоположных политических тенденций (великохорватской и великосербской) и государственно-правовых систем.

Для разжигания антисербского шовинистического уга-
ра Франк и его последователи, получившие название «франковцы», не пренебрегали никакими средствами. Но

¹ «Enciklopedija Jugoslavije», t. III. Zagreb, 1958, s. 387.

излюбленными их приемами были клевета, провокации и подлоги. Главным объектом своего внимания они избрали хорвато-сербскую коалицию и ее лидера Франа Супило. В августе 1905 г. во франковской газете «Хорватское право» появилась серия статей (автор их скрылся под псевдонимом Аргус), в которых утверждалось, что Ф. Супило является агентом сербского правительства, с которым он якобы заключил соглашение с целью присоединения Хорватии к Сербии и получил большие суммы денег для организации восстания, чтобы осуществить эти планы. Одновременно И. Франк заявил, что редакция газеты располагает документами, подтверждающими достоверность этих сведений. Газета, говорил он, готова представить их суду, если Супило осмелится обвинить ее в клевете. Когда же Супило предъявил иск газете, то суд более года оттягивал рассмотрение этого дела, и в конце концов Франк вынужден был признать, что таких документов не существует. К этому времени выяснилось, что и автор статей (им оказался провокатор Симеон Перотич) и Франк действовали по прямой указке австрийского министра иностранных дел графа Голуховского.

Провал первой попытки очернить и дискредитировать хорвато-сербскую коалицию не остановил франковцев. По сфабрикованным ими подложным документам летом 1908 г. австро-венгерские власти арестовали 53 серба по обвинению в государственной измене. Состоявшийся затем суд вскрыл всю несостоятельность предъявленных им обвинений и подложность документов, на которых они основывались. Тем не менее все обвиняемые были осуждены на длительные сроки тюремного заключения.

В условиях обострения международной обстановки в 1908 г. в связи с аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины франковцы еще больше активизировались. Организованный ими «Хорватский легион» — вооруженные банды из националистических подонков, созданные с одобрения властей и пользовавшиеся их поддержкой, — совершал антисербские погромы и терроризировал оппозиционно настроенных политических деятелей. Он сделал попытку физически расправиться с ненавистным австрийским властям Ф. Супило. Вооруженные бандиты-франковцы напали на него в центре Загреба, и Супило спасся только благодаря случайности — находившаяся поблизости группа сербской молодежи пришла ему на помощь.

Действия франковцев вызывали такое негодование, что власти вынуждены были по крайней мере внешне отказаться от их поддержки, тем более что франковцы никогда не имели ни авторитета, ни популярности в народе, а число их было невелико. Их методы отличались топорной прямолинейностью и неуклюжестью, что приносило подчас гораздо больше неудобств от сотрудничества с ними, чем пользы. Тем не менее связи с ними поддерживались, и в моменты обострения внешней или внутренней обстановки власти обращались к их помощи, а франковцы всегда были готовы оказать им любую грязную услугу.

После смерти Франка в 1911 г. его имя прочно удерживалось за всеми его последователями. Среди нового руководства «Чистой партии права» появилось лицо, пока еще мало заметное и почти неизвестное, но которое впоследствии оставило далеко позади «славу» Франка. Это Анте Павелич, ставший в 1915 г. секретарем партии и, следовательно, одним из лидеров франковцев. Сын мелкого железнодорожного чиновника, с трудом получивший в 21 год аттестат зрелости, Анте Павелич примкнул к франковцам еще студентом. В Загребском университете он занимался не только юридическими науками. Много времени отдавал и франковской студенческой организации «Молодая Хорватия». В 1912 г. Павелич вместе с другим студентом, Миле Будаком, таким же хорватским националистом и шовинистом, был даже арестован на короткий срок за националистическую пропаганду.

В годы первой мировой войны франковцы особенно ярко проявили свой антисербский шовинизм и вполне заслуженно получили кличку «габсбургские патриоты». Они представляли крайне правое крыло реакционных политических течений в Хорватии. В немалой степени этому способствовал Анте Павелич, который выступал в те годы за автономию Хорватии под габсбургской короной и против какого бы то ни было союза с Сербией. Крушение Австро-Венгрии под влиянием революционных потрясений и роста освободительного движения угнетенных народов, а также военных поражений было одновременно и крахом надежд и чаяний франковцев, лишившихся поддержки австро-венгерских властей. Многие франковцы, опасаясь возмездия за свои преступления, бежали после окончания войны в Вену и Будапешт. Значительное число среди них составляли офицеры бывшей австро-венгерской армии.

Провозглашение 1 декабря 1918 г. образования единого государства югославянских народов — Государства сербов, хорватов и словенцев — вызвало у франковцев взрыв шовинистического бешенства. В опубликованном 3 декабря воззвании они отрицали законность этого акта, объявляли его противоречащим воле большинства хорватского народа, который якобы лишился своего суверенитета навязанным ему новым государством и новой династией. Франковцы лицемерно указывали как на своего союзника на Хорватскую крестьянскую партию во главе со Степаном Радичем, которая также выступила против данного акта.

Позиция Хорватской крестьянской партии нуждается в разъяснении. Ее лидер С. Радич действительно выступил против манифеста 1 декабря 1918 г. главным образом из-за его недемократического характера. Он выступал против октроирования сверху объединения югославянских народов в единое государство, против предоставления ведущей роли в государстве великосербской бюрократии и династии Карагеоргиевичей, против централистского государственного устройства. Он выступал за федеральное или автономное государственное устройство, при котором хорватский народ пользовался бы правами самоуправления, возможностями развивать национальную культуру и т. д. Его выступления отражали революционные настроения хорватских крестьянских масс, находившихся под влиянием Октябрьской революции в России и переживавших послевоенный революционный подъем. Но Радич никогда не выступал с сепаратистскими лозунгами отделения Хорватии от Югославии, с призывами к иностранному вмешательству в ее внутренние дела, как это делали франковцы.

Принятая в 1919 г. новая программа Хорватской партии государственного права, как теперь официально назывались франковцы, показывала их стремление подделаться под демократов, приспособиться к новым условиям, постараться, скрыв свое подлинное лицо, сблизиться с Хорватской крестьянской партией, которая стала основной политической силой в Хорватии. Франковцы лицемерно провозгласили себя республиканцами, чтобы «хорватский народ был единственным господином в свободном хорватском государстве». Они пытались представить себя защитниками гражданских, политических и социальных прав трудящихся. Конечной целью выдвигали создание самостоятельного независимого государства Хорватии,

Курс на развал Югославии стал, таким образом, главным моментом в деятельности франковцев с самого начала существования нового государства. Сепаратистский лозунг «Независимого государства Хорватии» стал лейтмотивом всей их националистической и шовинистической пропаганды.

Национальные противоречия в буржуазной Югославии

Национальный вопрос был той осью, вокруг которой вращалась вся внутривластная жизнь буржуазной Югославии. Новое государство было многонациональным, причем ни один народ не составлял большинства населения страны. Из 12 млн. жителей, насчитывавшихся в Югославии ко времени ее образования, около 85% составляли родственные южнославянские народы. Примерно $\frac{3}{4}$ населения страны говорило на едином сербо-хорватском языке. Статистика буржуазной Югославии не давала сведений о национальном составе населения, заноса и сербов, и хорватов, и черногорцев, и македонцев, и часто боснийских мусульман в общий разряд «сербохорватов»¹. Учитывалась только религиозная принадлежность населения, причем и здесь ни одна группа не составляла абсолютного большинства: православных в 1931 г. было 48%, католиков — 37%, мусульман — 11%. Остальные принадлежали к другим вероисповеданиям. Если к тому же учесть, что народы, вошедшие в состав Югославии, в течение столетий были разделены между различными государствами и жили в совершенно отличных друг от друга социально-экономиче-

¹ О соотносительной численности отдельных народов Югославии можно судить по итогам переписи 1948 г. Из 15,7 млн. человек на долю сербов приходилось 41,5% населения (6 660 тыс.), хорватов — 24% (3 785 тыс.), словенцев — 9% (1 415 тыс.), македонцев — 5,1% (810 тыс.), черногорцев — 2,7% (425 тыс.), мусульман неопределенной национальности — 5,1% (809 тыс.). Из неславянских национальных меньшинств по численности выделялись албанцы — 4,76% (750 тыс. человек) и венгры — 3,2% (около 500 тыс.). Кроме того, в межвоенный период на территории Югославии проживало около 500 тыс. немцев, что составляло примерно 4% тогдашнего населения страны. В процентном отношении национальный состав населения остался практически таким же, как и во времена образования Югославии.

ских и политических условиях, то трудности, с которыми пришлось столкнуться новому государству в области национальных взаимоотношений, станут понятными.

Объективные трудности усугублялись политикой правящих верхов Югославии. Руководящую роль в новом государстве захватили великосербские монархические круги. Они были представлены династией Карагеоргиевичей, при дворе которых группировались самые реакционные слои, националистически настроенными сербским офицерством и чиновничеством, захватившим все ключевые позиции во вновь образованном государственном аппарате. К ним примыкали правые политические течения и партии старой Сербии и так называемых пречанских краев — областей, входивших прежде в состав Австро-Венгрии (от слова «преко» — по ту сторону). Они стремились путем централистского государственного устройства упрочить свое господствующее положение в новом государстве, рассматривая его не как новое образование, а как увеличившуюся за счет присоединения новых областей великую Сербию, которая и призвана играть ведущую роль. Антидемократические, националистические действия великосербских кругов задевали не только классовые интересы буржуазии других народов (в первую очередь более развитых в экономическом отношении Хорватии и Словении), но и широкие трудящиеся массы — крестьянство, рабочий класс, мелкобуржуазные городские слои и интеллигенцию.

Провозглашая в качестве официальной доктрины теорию «интегрального югославянства», согласно которой сербы, хорваты и словенцы объявлялись единым триименным народом (черногорцы и македонцы вообще не принимались во внимание), великосербские круги отрицали тем самым права других народов на национальную самобытность, культуру, не говоря уже о праве на национальное самоопределение, автономное самоуправление и т. д. Принятая в 1921 г. конституция закрепила победу великосербских кругов. Она ликвидировала органы областного самоуправления и ввела новое административное деление, которое сознательно затрудняло развитие несербских национальностей и должно было служить их сербизации. Гражданские права, перечисленные в конституции, были ограничены принятым вскоре особым «Законом о защите безопасности и порядка в государстве». Направленный

против Коммунистической партии Югославии, закон вводил в стране целую систему политических ограничений и чрезвычайных распоряжений. С его принятием завершился процесс складывания Югославии в военно-полицейское государство с самовластной и самовольной коррумпированной администрацией, полицейским произволом и беззаконием, в котором великосербская правящая верхушка проводила политику угнетения несербских народов, составлявших большинство населения страны.

Национальная борьба, которая не могла не вспыхнуть при таких условиях в новом государстве, теснейшим образом переплеталась с борьбой за демократию, политические свободы, социальные права, накладывала отпечаток на классовую борьбу трудящихся, экономическую политику и культурную жизнь страны, определяла многие стороны ее внешней политики. Хорватская буржуазия наиболее чувствительно была задета великосербской политикой правительства. Поэтому основная борьба разгорелась между сербской и хорватской буржуазией, которая втягивала в нее и народные массы, чувствовавшие на своей собственной спине тяжелую руку белградской бюрократии. В национальной борьбе участвовали все народы: и словенцы, и черногорцы, и македонцы. Но эти движения были гораздо слабее, и определяющей для всей жизни страны была сербо-хорватская борьба. Характерной чертой национальной борьбы в Югославии было и то, что ни одна партия (за исключением нескольких групп крайних хорватских и македонских националистов, не пользовавшихся поддержкой народа и немногочисленных) не требовала выхода из состава государства. Все они выступали за реорганизацию Югославии и выдвигали различные планы и проекты ее перестройки на началах федерации или областной автономии.

В августе 1921 г. образовался Хорватский блок, куда вошли все хорватские политические партии. Решающая роль в нем принадлежала Хорватской крестьянской партии, а ее лидер Степан Радич возглавил блок. Программа блока предусматривала переустройство страны на федеральных основах. Попытки Хорватской партии государственного права (франковцев) выступить с сепаратистскими идеями были решительно отвергнуты. В противовес утверждениям франковцев, что хорватский вопрос является международным, а в соответствии с этим надо выбирать

и средства для его решения, Хорватский блок считал хорватский вопрос чисто внутренним делом. Попытка франковцев в конце 1922 г. вновь протащить свой сепаратистский тезис привела к их исключению из Хорватского блока. Предложение об исключении выдвинул Степан Радич, который также потребовал, чтобы три представителя франковцев (Пребег — председатель партии, Павелич — ее секретарь и Кошутич) немедленно покинули пленарное заседание блока. Таким образом, их сепаратистская программа встретила отпор в среде хорватских буржуазных политиков. Даже среди них франковцы не пользовались влиянием. Об этом говорит также и тот факт, что из 63 представителей различных партий, вошедших в Хорватский блок, франковцев было лишь три человека.

Хорватский блок просуществовал недолго. Входившие в него партии, в том числе и Хорватская крестьянская партия, были непоследовательными. В 1925 г. ХКП отошла от оппозиции, а Степан Радич и другие ее представители вошли в правительство, отказавшись от своих республиканских лозунгов и признав династию Карагеоргиевичей и конституцию 1921 г. Однако и это продолжалось недолго. Спустя немногим более года С. Радич вышел из правительства в знак протеста против действий и методов великосербской верхушки, не желавшей менять своей прежней политики.

Националистическая, антидемократическая политика правящих кругов вызвала разочарование у многих политических деятелей, бывших прежде искренними сторонниками не только единства Югославии, но и централистского государственного устройства. Особенно сильно оно охватило политические партии, представлявшие различные политические течения несербских народов, а также захватило сербов так называемых пречанских краев. Лидер последних Светозар Прибичевич и возглавляемая им Независимая демократическая партия вошли в контакт с Хорватской крестьянской партией. В конце 1927 г. обе партии образовали политический блок, который получил название Крестьянско-демократической коалиции и к которому примкнули все недовольные политическим положением в стране. Коалиция выдвигала требования демократизации политической жизни, укрепления парламентаризма, расширения местного самоуправления, экономического равноправия всех областей страны и т. п.

Совершенно иной была позиция франковцев. Об их политической изоляции говорит тот факт, что на выборах 1927 г. Хорватской партии государственного права удалось провести в скупщину только одного депутата — Анте Павелича. Он выступил со специальным заявлением, что его участие в работе скупщины не означает признания им существующего государства и его конституции и что он и впредь будет стремиться к «восстановлению государственной независимости Хорватии». Это заявление кроме А. Павелича подписал еще только один депутат — Анте Трумбич. Оба они оказались в полной изоляции как в самой скупщине, так и за ее пределами. Экстремистская программа франковцев не находила поддержки среди народных масс.

Коалиция развернула в парламенте активную деятельность, критикуя положение в стране и действия правительства. Она пользовалась популярностью не только в Хорватии, но и в Сербии, Боснии и Герцеговине, Македонии, Черногории. Ее деятельность делала невозможным продолжение прежней великосербской, антидемократической политики. С конца 1927 — начала 1928 г. страна вступила в полосу политического кризиса. Весь ход событий настоятельно требовал коренной перестройки всего государственного строя.

Но великосербские круги не желали расставаться с властью. Они начали готовить расправу с Крестьянско-демократической коалицией и ее лидерами. Особую ненависть вызывал у них Степан Радич, в адрес которого неоднократно раздавались угрозы. 20 июня 1928 г. наступила трагическая развязка. Заседание скупщины проходило в этот день, как всегда, бурно. В последнее время на почве ожесточенных обвинений оппозиции в адрес правительства и поддерживавших его депутатов в скупщине то и дело вспыхивали беспорядки. Еще накануне, 19 июня 1928 г., группа правительственных депутатов во главе с Пунишей Рачичем внесла в Народную скупщину уникальное в парламентской практике предложение, чтобы лидер оппозиции Степан Радич был подвергнут медицинскому освидетельствованию с целью установления его психического состояния. Его прежние поступки, говорилось в предложении, «таковы, что вызывают сильное и оправданное сомнение, что он нормальный человек». Пуниша Рачич и другие требовали срочного обсуждения этого предложения, «что-

бы избежать нежелательных последствий, которые в противном случае могут произойти вследствие подобного поведения г. Степана Радича...»¹.

Это провокационно-издевательское предложение создало в скупщине явно ненормальное положение. Посыпались взаимные оскорбления. В скупщине, как говорил в выступлении один оппозиционный депутат, «создается тяжелая атмосфера, в которой развивается психология убийства». Голоса выступающих тонут во всеобщем шуме. Слова требует Пуниша Рачич для ответа на личный против него выпад. Его выступление, которое началось с угроз в адрес оппозиции, прерывается выкриками с мест. Особенно часто прерывает его репликами оппозиционный депутат И. Пернар. Рачич требует от председательствующего наложения на Пернара взыскания. «Прошу, господин председатель, наказать его, или я сам его накажу! (Шум и бурные протесты.) Если кто-нибудь попытается встать между мной и Пернаром, тот погибнет»². Слова Рачича вызывают бурю возмущения. Председательствующий объявляет о перерыве заседания. Тогда Рачич, не сходя с трибуны, вынимает из кармана револьвер и направляет его дуло на первые скамьи оппозиции, расположенные прямо перед трибуной. Все руководящие деятели оппозиции — в нескольких шагах от него. После первого выстрела падает Иван Пернар. Депутат Басаричек вскакивает на подиум, чтобы обезоружить Рачича, но и в него попадает пуля, предназначавшаяся Светозару Прибичевичу. Третий выстрел — в Степана Радича. Заметив, что тот схватился за руку, Рачич стреляет ему еще и в живот. Степан Радич падает на скамью. Увидев это, к нему бросается на помощь его племянник — депутат Павле Радич. Рачич, стоя на трибуне и оперев на нее руку, целится в него и точно посылает ему пулю в грудь, рядом с сердцем. О панике, наступившей в скупщине, говорит тот факт, что Пуниша Рачич, закончив свою «речь», сошел с трибуны, и все еще держа пистолет в руке, спокойно вышел из здания.

Преступление, совершенное великосербской реакцией в скупщине, всколыхнуло всю страну. Оно возмутило не только югославскую, но и всю мировую прогрессивную

¹ F. Čulinović. Jugoslavija između dva rata, t. I. Zagreb, 1961. s. 525.

² Там же, стр. 528—529.

общественность. Особенно велико было возмущение в Хорватии. В Загребе прошли бурные демонстрации, продолжавшиеся несколько дней, в ряде мест на улицах строились баррикады. Похороны П. Радича и Басаричека 24 июня 1928 г. превратились в мощное выступление против политических порядков в стране. 8 августа 1928 г. от ран умер и Степан Радич. Его смерть еще больше обострила положение в Югославии и углубила ее внутривнутриполитический кризис. Однако Крестьянско-демократическая коалиция не пошла на решительную борьбу против великосербской правящей верхушки. Вместо этого она старалась ввести движение народных масс в более спокойное русло. Коалиция заявила, что она покидает скупщину, где было совершено преступление, и потребовала ее роспуска и проведения новых выборов. Правительство вынуждено было уйти в отставку. Новое правительство во главе с А. Корошем не собиралось, однако, предпринимать какие-либо решительные шаги. В великосербских кругах понимали, что назначение новых выборов принесло бы победу оппозиции. Изменение же конституции и перестройку государства на федеративных началах они отметили как неприемлемые.

В поисках выхода из политического тупика, в который они завели страну, великосербские правители пытались взвалить всю вину на хорватов и хорватские политические партии. В Крестьянско-демократической коалиции великосербские круги видели «пречанский фронт», который грозит «существованию государства», т. е. власти великосербской клики. В правящих кругах обсуждалась даже идея «ампутации» Хорватии — отделения ее от остальной части государства. Интересно отметить, что этот великосербский «сепаратизм наизнанку» получил распространение главным образом в среде придворной камарильи. Идеи подобного рода неоднократно высказывал король Александр в беседах с отдельными политическими деятелями. Из его разговора со Светозаром Прибичевичем в начале июля 1928 г. складывалось впечатление, что он сознательно толкал Крестьянско-демократическую коалицию, и особенно руководство Хорватской крестьянской партии, на сепаратистские действия, предлагая, чтобы они взяли на себя инициативу в деле раскола государства. Но оппозиционные лидеры отвергли эти предложения. Один из них — Грегор Жеряв — ответил королю Александру, когда

тот повторил ему подобные мысли: «Ваше величество, из всего этого я вижу только один-единственный выход, а именно Ваше отречение от престола! Я думаю, что Вы являетесь единственным в истории королем, который желает уменьшить свое государство...»¹

Разговоры об «ампутации», которые представляли собой скорее попытки припугнуть оппозицию, оказать на нее нажим и побудить к преждевременным и непродуманным действиям, являлись на деле ширмой, за которой великосербская клика вела подготовку к государственному перевороту. Участились политические аресты, полиция не останавливалась перед применением оружия при разгоне демонстраций, активизировали свою деятельность реакционные великосербские националистические организации. Их члены, организованные в отряды четников, терроризировали сторонников оппозиции, разгоняли их собрания, избивали отдельных деятелей. Они еще больше способствовали разжиганию национальной розни, придавая политическому кризису в стране характер сербо-хорватской вражды.

Появление усташей и их деятельность

После убийства хорватских депутатов в скупщине и смерти Степана Радича для франковцев наступили «золотые дни». Они развернули бешеную шовинистическую и сепаратистскую пропаганду, отождествляя великосербских правителей страны со всем сербским народом и требуя бойкота всего сербского, разрыва всяких сношений с Белградом и т. п. В условиях, когда националистический угар охватил значительные слои населения, их пропаганда встречала известный отклик. Однако франковцы по-прежнему не пользовались ни популярностью, ни поддержкой широких масс. Им удалось склонить на свою сторону лишь небольшое число деклассированных националистически настроенных элементов и несколько группок мелкобуржуазной молодежи. Свою малочисленность они старались восполнить шумом агитационной кампании и провокационными действиями, специально рассчитанными на то, чтобы привлечь к себе внимание и еще больше обострить положе-

¹ S. Pribičević. Diktatura Kralja Aleksandra. Beograd, 1953, s. 78.

ние в стране. Павелич, который стал к этому времени общепризнанным лидером франковцев, счел условия вполне подходящими для создания тайной националистической вооруженной организации. Она была создана в Загребе из нескольких молодежных группок и получила название «Хорватский домобран» (защитник отечества). Одной из первых жертв этой организации стал издатель проправительственной газеты «Единство» Н. Ристович, который был убит среди бела дня в одном из загорских кафе.

Франковцы прилагали усилия к тому, чтобы вызвать и организовать антисербские выступления, еще больше отравить сербо-хорватские отношения. Однако их авантюристическая сепаратистская тактика не встречала поддержки ни со стороны руководства Хорватской крестьянской партии, ни среди других буржуазных политических деятелей. В таких условиях действия и мысли франковцев все больше поворачивались в направлении поисков поддержки за рубежом со стороны тех сил на международной арене, которые были бы заинтересованы в распаде Югославии.

6 января 1929 г. в стране произошел государственный переворот. Не видя иного выхода из политического кризиса, король Александр объявил о прекращении действия конституции, о роспуске парламента и переходе всей власти в его руки. Все политические партии были запрещены. Назначенное королем правительство возглавил один из лидеров великосербской клики и тайной монархической офицерской организации «Белая рука» — генерал Петар Живкович. В стране был установлен режим военно-фашистской диктатуры во главе с монархом, наделенным неограниченными правами.

Первые же действия монархо-фашистского режима показали его великосербский характер. Особым законом Государство сербов, хорватов и словенцев, как оно официально называлось с момента его создания до 1929 г., было переименовано в Королевство Югославию. Введение нового административного деления стирало даже в названиях областей всякое упоминание об отдельных народах. Девять новых областей — «бановин» — были названы по именам рек. Границы же их были проведены с таким расчетом, чтобы сербское население составляло в них большинство. Основой всего правопорядка в стране стал чрезвычайный закон о защите государства, а на страже

антинародных диктаторских порядков был поставлен созданный специальным законом государственный суд по защите государства — своего рода фашистская инквизиция.

Франковцы решили объявить открытую войну велико-сербской диктатуре. На другой день после государственного переворота А. Павелич вместе с ближайшими своими помощниками решил создать «Повстанческую хорватскую революционную организацию» с целью начать вооруженную борьбу против югославского государства. Конечной целью организации было полное отделение Хорватии от Югославии и образование «Независимого хорватского государства». Усташа (повстанец) — стало сокращенным названием этой организации. Под именем усташей ее члены и стали впоследствии известны мировой общественности. Руководитель же ее — Анте Павелич — присвоил себе «титул» вождя повстанцев (поглавник усташки) и неограниченное право руководить деятельностью всей организации и распоряжаться судьбой и жизнью ее членов. Понимая, что внутри страны усташская организация не может быть создана как вследствие полицейского террора, так и из-за незначительного влияния франковцев, А. Павелич вскоре после этого уехал за границу.

Первоочередной задачей А. Павелича стало найти себе за рубежом таких покровителей, которые помогли бы ему создать задуманную им организацию и поддержать ее действия. Его взоры обратились в первую очередь на ВМРО — «Внутреннюю македонскую революционную организацию», которая уже давно вела террористическую деятельность против Югославии. Эта организация прошла долгий и чрезвычайно сложный путь развития. Возникнув еще в конце XIX в. в македонских землях, она была организацией революционеров, боровшихся против турецкого ига. Но постепенно и ее социальный состав и цели менялись. После балканских войн, и особенно в ходе и после первой мировой войны, она все больше сближалась с реакционными великоболгарскими кругами. Национальный гнет в Югославии, в состав которой вошла Македония, и вызванная им значительная македонская эмиграция, были питавшим организацию ВМРО источником. Во внутренней жизни Болгарии, где обосновалась ВМРО, она играла крайне реакционную роль. Ее вооруженные отряды принимали активное участие в проведении фашистского пере

ворота в Болгарии 9 июня 1923 г., убийстве премьер-министра А. Стамболийского и подавлении революционного Сентябрьского восстания болгарских трудящихся под руководством БКП в 1923 г.

В годы монархо-фашистского режима в Болгарии ВМРО стала одним из столпов болгарской реакции. Политика руководства ВМРО, которую возглавил с середины 20-х годов реакционер и авантюрист Иван (Ванчо) Михайлов, вызывала недовольство у многих ее членов. В 1925 г. отколовшееся от нее революционное крыло образовало свою организацию — «ВМРО объединенное», которую возглавили коммунисты. Реакционная же часть ВМРО — так называемые михайловисты (по имени Ванчо Михайлова) — стояла на позициях шовинизма. Она выдвигала программу отторжения Македонии от Югославии и присоединения ее к Болгарии. ВМРО развернула в Югославии значительную террористическую деятельность, засылая в македонские области вооруженные банды и группы террористов. Вот на эту-то организацию, чьи цели и методы были столь сходны с его собственными замыслами и желаниями, и обратил в первую очередь свое внимание Анте Павелич.

В середине апреля 1929 г. Анте Павелич вместе с одним из ближайших своих помощников, Августом Перчецем, прибыл по приглашению В. Михайлова в Софию. До этого он уже побывал в Вене и Будапеште, где установил связи с маленькими группками франковцев, живших там в эмиграции долгие годы. Так, в Вене он заручился поддержкой своих планов со стороны бывшего полковника австро-венгерской армии Ивана Перчевича, который впоследствии играл исключительно активную роль среди усташей, и некоторых других отставных офицеров, таких, как Дуич и Саркотич. Здесь же, в Вене, он установил контакт с представителем ВМРО Наумом Томалевским, через которого связался с В. Михайловым.

В Софии михайловисты устроили ему довольно торжественную встречу. 20 апреля 1929 г. Павелич и Перчец подписали с ВМРО совместную декларацию, где в общей форме возвещали о своих целях и задачах бороться за полную независимость Хорватии и Македонии, а также о намерениях координировать свои действия. Гораздо более резко, чем в декларации, предназначенной для печати, высказывался А. Павелич в речи, произнесенной

в тот же день на устроенном в его честь обеде. Хорватия и Македония, говорил он, находятся под чужим игом. Нельзя бороться против бандитов одними молитвами. На пресс-конференции на следующий день А. Павелич заявил, что он будет вести борьбу всеми возможными, в том числе и нелегальными, средствами не только против диктатуры в Югославии, но и против совместной жизни с сербами. Он потребовал отделения Хорватии от Югославии. Декларация, речи и выступления Павелича ясно говорили о программе и будущих методах усташей. Даже тех сведений, которые проникли в печать, было достаточно, чтобы белградский суд по защите государства приговорил (в июле 1929 г.) заочно А. Павелича, а заодно и А. Перчеца к смертной казни.

В ходе переговоров между В. Михайловым и А. Павеличем было решено, что ВМРО окажет помощь усташам, которые смотрели на нее как на образец своей будущей организации (сама же ВМРО во многом копировала в методах и структуре сицилийскую мафию). Помимо передачи «опыта» ВМРО должна была снабдить усташей советниками и инструкторами для подготовки кадров террористов. Но самое главное, ВМРО помогла усташам установить важные связи, прежде всего с итальянской разведкой, с которой она и сама была тесно связана.

Из Софии А. Павелич поехал в Рим, где он наконец нашел то, что искал, — финансовую помощь и полную поддержку со стороны фашистской Италии. Непосредственным его патроном стал глава итальянской разведки Эрколи Конти. Павелич был принят Муссолини и сумел произвести на него благоприятное впечатление своей ненавистью к Югославии. Здесь, на территории Италии, он стал создавать усташскую организацию. Ее конечная цель — развал Югославии — совпадала с задачами, которые ставила перед собой в это время фашистская Италия в своей внешней политике. Павелич, писал английский историк Черенъеи, изучавший усташское движение, «иллюстрировал собой парадокс, часто встречающийся среди крайних националистов малого народа, а именно что он одновременно был квислингом большого государства: он был на итальянском содержании»¹. Без итальянской поддержки

¹ G. Cserenyey. The Assassination of King Alexander of Yugoslavia in 1934 and the Political Background of the Crime. Vol. II, p. 474—475.

создание усташской организации было бы невозможно. Да и вся стратегия усташей строилась на том, что рано или поздно между Италией и Югославией вспыхнет война, которая приведет к разгрому Югославии, а на ее развалинах будет создано «Независимое государство Хорватия». Их мало беспокоила мысль о том, чем придется расплачиваться хорватскому народу за «свободу», купленную такой ценой. В предвкушении же этого часа усташа начали формировать «освободительную армию», которая должна будет помочь им «освободить» Хорватию и прийти к власти.

Усташская пропаганда любила хвастаться влиянием своей организации и распространяла слухи о сотнях тысяч ее членов и последователей. Действительное влияние усташей стало ясным, когда они от слов перешли к делу. Попытка вербовать сторонников в самой Хорватии полностью провалилась. В 1930 г., несмотря на все усилия усташей и итальянскую поддержку, им удалось собрать в своих лагерях в Италии всего несколько десятков человек. Тогда они обратили внимание на многочисленную хорватскую эмиграцию. Сотни тысяч хорватов, как и представителей других югославских народов, эмигрировали из страны в поисках заработков и лучшей доли. Они жили разбросанно во многих странах Европы, особенно много их было занято в Бельгии на угольных рудниках. Велики были хорватские колонии в Северной и Южной Америке. В годы мирового кризиса эмиграция усилилась, а безработица среди эмигрантов возросла. В таких условиях усташским агитаторам удалось завербовать несколько сот человек, причем для многих из них это был просто акт отчаяния, а не вопрос их взглядов или убеждений, попытка уйти от безработицы и постоянной нужды. Наибольшей численности усташская организация достигла к середине 30-х годов, когда в ее ряды входило примерно 500 человек.

Деятельность усташей регламентировалась «уставом», составленным еще в 1929 г. и окончательно сформулированным и подписанным Павеличем в 1932 г. Вся организация строилась на «фюрерском принципе». Преданность «поглавнику» и беспрекословное подчинение всем его распоряжениям объявлялись «священной обязанностью» усташей. Они приносили клятву, нарушение которой каралось смертью. При «поглавнике» имелось «верховное

командование» из 12 человек, являвшееся как бы совещательным органом. Сюда входили самые преданные его последователи и помощники: И. Перчевич, М. Будац, В. Серватци, Б. Елич, М. Бзик, А. Артукович и др. Устав предусматривал строгую иерархическую систему организации: местные организации (табор) подчинялись окружным (логор), а те в свою очередь — областным (стожер) организациям. «Главный усташский стан» во главе с «поглавником» должен был увенчивать всю пирамиду. Но эта структура, предусматривавшаяся уставом, так и осталась на бумаге: внутри страны никакой организации создать не удалось. На деле усташская организация состояла в основном из лагерей, созданных в Италии и Венгрии, и мелких групп, разбросанных по некоторым странам.

Крупнейшие усташские лагеря, которые начали возникать в Италии с 1931 г., были созданы около Брешии и в Борготаро, местечке в Апеннинских горах. Более мелкие лагеря существовали в Фонтекьё и Сан-Деметрио. Содержавшиеся в них усташки проходили в основном военную подготовку, и большинство их не принимало участия в проведении террористических актов, для которых отбирались особо надежные люди. Жизнь в лагерях была подчинена строгому распорядку. Внутри лагеря усташки носили особую форму и жили как воинская часть. Малейшие проявления неповиновения строжайше карались. Среди усташей была введена система взаимной слежки. Особая охранная служба следила за настроениями и мыслями всех усташей. Попытка отхода от организации или критика действий ее руководителей влекли за собой смертную казнь, и не один десяток усташей поплатился своей жизнью за неосторожные слова или дела. Все усташки подвергались ежедневной идеологической обработке и воспитывались в духе животной ненависти к «сербам, жидам и коммунистам». Лагеря превратились в питомники кровожадных убийц и потерявших человеческий облик людей, одержимых шовинистическим угаром и жаждой расправы со всеми «врагами». Из лагерей усташки черпали и основные кадры террористов.

Террористические действия, которыми усташки желали привлечь к себе внимание всего мира, направлялись с нескольких баз. Среди них выделялись: лагерь в Янка-Пусте — деревне в Венгрии, расположенной неподалеку от югославской границы, возглавлявшийся Августом Пер-

чедем; база в г. Задаре — на Адриатическом побережье, находившемся в то время под итальянской властью, где руководителем был Векослав Серватци, и группа усташей в Австрии. Последние специализировались на организации взрывов в поездах, следовавших в Югославию. Эта форма террористической деятельности, изобретенная усташами, была исключительной по своей бессмысленной жестокости. Она не могла причинить никакого ущерба диктаторскому режиму в Югославии, а жертвами ее становились главным образом железнодорожные служащие, случайные пассажиры и мирные жители. Даже террористы из ВМРО, не считавшиеся ни с какими моральными нормами, никогда не прибегали к подобным действиям. Первый взрыв на железной дороге произошел 30 июня 1930 г. в поезде, следовавшем из Австрии в Югославию. Всего за 1930—1931 гг. усташаи организовали несколько десятков взрывов и сделали еще большее число неудавшихся попыток.

Ни югославские власти, ни международная общественность вначале не поняли причин взрывов. Такой вандализм просто не укладывался в рамки здравого смысла. Когда же стало ясно, что взрывы организуются усташами с единственной целью — нанести Югославии любой ущерб в любой форме, не считаясь ни с какими жертвами и последствиями, были предприняты энергичные ответные меры. На границе был введен строжайший контроль. Все приходящие из Австрии поезда тщательно осматривались, а в некоторых случаях пассажиров пересаживали в другие вагоны. Число взрывов резко уменьшилось. Однако эти меры, несмотря на их эффективность, отразились на иностранном туризме в Югославию и не спасали престижа страны. Резкие протесты югославского правительства заставили зашевелиться и австрийские власти, которые сами были шокированы таким оборотом событий, задевавших к тому же их собственные интересы. Полиция арестовала и выслала за пределы Австрии почти всех проживавших на ее территории усташей. Последние еще пытались продолжать закладывать мины в поезда, шедшие в Югославию через другие границы. Несмотря на пограничный контроль, время от времени происходили взрывы.

Действуя с базы в Задаре, усташаи пытались наладить связь с теми немногими своими единомышленниками, которые оставались в Югославии. Через контрабандистов,

которых оплачивали итальянскими деньгами, они переправляли в страну оружие, взрывчатые вещества, листовки и разную пропагандистскую литературу. Из Задара была предпринята также единственная усташская попытка заслать в Югославию вооруженную группу для террористических рейдов по примеру отрядов ВМРО.

8 сентября 1932 г. маленький отряд усташей численностью не более 15 человек был высажен на Адриатическом побережье Югославии в районе горного массива Велебит. Усташе не встретили поддержки в народе. Около месяца отряд скрывался в лесах. Только один раз они активно проявили себя: подложили мину под здание жандармского участка в маленьком местечке Брушаны в районе Лики. Взрывом было повреждено только здание. Убитых не было. На обратном пути в Италию усташе натолкнулись на жандармский патруль и вступили с ним в перестрелку, в которой один из них был убит. В целом рейд окончился безрезультатно, хотя усташе возлагали на него большие надежды. В расчете на возможное массовое восстание сам А. Павелич в это время на короткий срок нелегально вернулся в страну. Однако югославская полиция, зная из агентурных источников об этих планах, приняла соответствующие меры и произвела предупредительные аресты лиц, подозревавшихся в сочувствии усташам. А. Павеличу с трудом удалось избежать ареста и скрыться за границу. Попытка поднять восстание провалилась. Тем не менее этот эпизод, незначительный сам по себе, был использован усташской пропагандой и представлен как «восстание в Лике». Итальянская печать подхватила и раздула его до фантастических размеров. Пущенная ею газетная утка обошла страницы почти всей европейской прессы, обрастая новыми «подробностями».

Белградские правители по-своему откликнулись на эту газетную кампанию. Они закрыли итало-югославскую границу вдоль всего Адриатического побережья. В Лику были направлены войска, жандармерия произвела массовые аресты среди местного населения, часть арестованных была предана суду. Неразумные действия монархо-фашистского правительства только подлили масла в огонь и дали новую пищу усташской пропаганде. Вокруг этого эпизода усташе создали целую легенду, а Велебит изобразили как символ сопротивления хорватского народа великосербской диктатуре.

Но наиболее известным был усташский лагерь в Венгрии, в Янка-Пусте. Просочившиеся в печать и ставшие доступными сведения о нем и его организаторах, методах деятельности его обитателей, источнике средств их существования и другие факты позволяют составить об этом лагере более полное представление. Лагерь в Янка-Пусте обязан своим возникновением Августу Перчецу, одному из ближайших помощников Павелича. По примеру Павелича, заручившегося поддержкой итальянской полиции и разведки, Перчец сразу же после приезда в Будапешт вступил в контакт с венгерской военной разведкой. Его «хозяевами» стали: офицер венгерского генерального штаба капитан Стефан Валер, начальник разведотдела, занимавшегося непосредственно Югославией, капитан Иштван Мартон и начальник отдела контрразведки подполковник Деже Клар. Именно благодаря им Перчец смог беспрепятственно получать паспорта для живших и приезжавших в Венгрию усташей, а их деятельность и расходы оплачивались венгерской разведкой. По совету последней Перчец нанял неподалеку от венгеро-югославской границы, около г. Надьканижа, небольшое имение — хутор Янка-Пуста, размером около 150 га пахотной земли, с хозяйственными постройками и жилыми помещениями. Этот хуторок, превратившийся в активный центр и базу террористической и шпионской деятельности, больше трех лет — с 1931 по 1934 г. — приковывал к себе пристальное внимание югославской охранки, а его наименование стало нарицательным для характеристики подрывной деятельности, направленной против Югославии.

Югославской полиции удалось заслать своего агента к усташам в Венгрию. Им была некая Елка Погорелец — личный секретарь и любовница Перчеца. Через нее многие усташские секреты и связи стали известны югославской разведке. Показания ряда лиц, разочаровавшихся в усташах и вернувшихся в страну, а также отдельных, захваченных югославскими властями террористов значительно дополняют картину той обстановки, которая сложилась в Янка-Пусте. В лагере постоянно проживало от 25 до 30 человек. Кроме того, небольшие группы усташей жили и в других местах Венгрии. В их числе были люди самых разнообразных судеб: и убежденные националисты, бежавшие из страны с целью примкнуть к террористической организации, и завербованные среди югославских

безработных эмигрантов в Южной Америке и Бельгии, и просто любители приключений и авантюристы. В лагере они проходили курс обучения обращению с оружием и взрывчатыми материалами, а также работали на полях. Режим в лагере был весьма жестким. Перчек, живший в основном в Будапеште, но часто наведывавшийся в лагерь, вел себя с рядовыми усташами грубо и вызывающе. Он воспротивился даже своим непосредственным помощникам. Последовали случаи открытого неповиновения и выступлений против Перчеца, который вынужден был прибегнуть к помощи венгерских властей. Некоторые из бунтарей были заключены в тюрьму или интернированы, несколько человек переправлены к Павеличу в Италию. Жизнь в Янка-Пусте стала невыносимо тяжелой. Один из усташей даже покончил самоубийством. Отношения в лагере обострились до такой степени, что Перчек, опасаясь расправы, переехал в Будапешт и держал в секрете от других свой адрес.

Из лагеря Янка-Пуста в Югославию перебрасывались агенты и террористы, засылалось оружие и взрывчатка, а также брошюры и листовки антиюгославского содержания. Постоянные нелегальные переходы границы повели к серии пограничных инцидентов, жертвами которых подчас становились и невинные люди. Террористические акты совершались «питомцами» Янка-Пусты на железных дорогах, в общественных местах, против отдельных лиц, что вызывало протесты со стороны Югославии и обостряло ее отношения с Венгрией. Среди террористических актов, совершенных усташами, засылаемыми с венгерской территории, выделялись взрыв мины 30 июля 1933 г. в полицейском управлении г. Копровница, в результате которого был убит один полицейский офицер, а два других ранены, и убийство бывшего югославского министра и депутата скупщины Мирко Нейдорфера 24 августа 1933 г. в его имени Златар. Убийце последнего удалось скрыться. Он был обнаружен случайно два месяца спустя при следующих обстоятельствах.

11 октября 1933 г. в местечке Горне Ладале произошел взрыв, в результате которого был разрушен жилой дом и убиты его хозяин Иозеф Кробот и его мать и ранено еще несколько человек. Расследование показало, что в доме Кробота хранилось большое количество огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатки. Показания оставшихся

в живых отца Кробота, его жены и трех других лиц, оказавшихся его помощниками-устамими, позволили установить, что Иозеф Кробот, эмигрировавший в Южную Америку, вернулся на родину примерно полгода назад. До этого он провел несколько месяцев в Венгрии в обществе Перчеца. После возвращения в Югославию Кробот неоднократно ездил в Венгрию, каждый раз нелегально переходя границу, и возвращался нагруженный оружием, боеприпасами, взрывчаткой и пропагандистской литературой. Было известно, что в Венгрии он встречался с Перчецем и венгерскими офицерами. По заданию Перчеца он совершил убийство Нейдорфера, а также подложил в поезда две мины, одна из которых взорвалась и причинила большой ущерб. Взрыв в доме Кробота произошел в результате неосторожного обращения с минами, которые он намеревался подложить в поезда на линии Чаковец — Загреб.

Перчец и другие усташи в Венгрии поддерживали тесные связи с представителями ВМРО. Их совместная деятельность была бельмом на глазу югославской охраны. Янка-Пуста в течение ряда лет оставалась главной, хотя и далеко не единственной базой террористической деятельности усташей. Не удивительно поэтому, что югославские власти уделяли ей столько внимания, тем более что располагали бóльшим по сравнению с другими лагерями количеством достоверных фактов.

Янка-Пуста неизменно фигурировала в антиушашской правительственной пропаганде. В этих целях были широко использованы разоблачения Елки Погорелец, которая вернулась в Югославию и опубликовала в октябре 1933 г. в загребской газете «Новости» серию статей под интригующим заголовком «Тайны эмигрантских преступников». Они были напечатаны впоследствии в виде отдельной брошюры и переведены на западноевропейские языки. Брошюра нанесла чувствительный удар по ушашам и лично А. Перчецу. Разоблачив их действия и связи с венгерской разведкой, она обесценила их в глазах последней. Особенно скомпрометированным оказался Перчец, смещенный вскоре Павеличем.

Несмотря на свою малочисленность, усташи создавали массу неприятностей и хлопот для югославского государственного аппарата и держали его в состоянии постоянного напряжения. Пресечением террористической деятельности усташей были заняты многочисленные государствен-

ные органы: полиция, на которую падала основная тяжесть повседневной борьбы с террористами и наблюдение за неблагонадежными лицами; разведывательные органы, следившие за деятельностью террористов за рубежом и постоянно стремившиеся заслат в их ряды своих агентов; наконец, югославская дипломатия, которая вела наблюдение за усташами в тех странах, где они проявляли активность, а также оказывала постоянное давление на правительства соответствующих стран с целью затруднить деятельность усташей, добиться их высылки из страны, лишить поддержки иностранных государств. Формы же этой поддержки бывали часто весьма разнообразными и, как правило, завуалированными — от попустительства (Австрия, Бельгия) до прямого финансирования и поддержки (Италия, Венгрия) и тайной связи с разведкой отдельных стран и влиятельными политическими течениями (Германия). Югославская дипломатия была особенно активна в тех случаях, когда усташа вели открытую агитационно-пропагандистскую деятельность, издавая свои газеты и пользуясь другими легальными средствами. Так, в начале 1934 г. югославской дипломатии удалось добиться прекращения выхода в Германии двух усташских газет (об этом мы еще будем говорить в дальнейшем). Но этот успех был лишь призрачным, так как связи усташей с германской разведкой и нацистской партией (через ее внешнеполитическое бюро) продолжались и впредь. Берлин и впоследствии оставался «важным центром активности среди различных усташских баз за границей»¹, по оценке английского историка Черенъеи.

Югославские правители не ограничивались, однако, в борьбе с усташами за рубежом только наблюдением, слежкой и нажимом по дипломатическим каналам. Они неоднократно прибегали к методам, которыми пользовались сами усташа, — к террористическим актам. Так, в октябре 1931 г. агент белградской секретной полиции Петар Грубер, засланный к усташам и сумевший занять среди них видное место, попытался убить А. Павелича, который находился в тот момент в Мюнхене и жил в гостинице «Четыре времени года». Покушение не удалось, и П. Грубер был вынужден бежать в Югославию. Неудачно окончились также попытки ликвидировать других усташских ли-

¹ G. Cserenyey. The Assassination of King Alexander of Jugoslavia in 1934., Vol. II, p. 518.

дерев. Неэффективность действий югославской секретной службы частично объяснялась, по всей вероятности, строгими мерами предосторожности, предпринимавшимися усташами, и их системой взаимной слежки и шпионажа, затруднявшей проникновение провокаторов в их ряды.

Действия усташей и международная общественность

Террористическая деятельность усташей и борьба югославских властей с ними неоднократно привлекали к себе внимание мировой общественности. В марте 1934 г. широкую огласку получили материалы судебного процесса над Оребом — усташским террористом, пытавшимся в декабре 1933 г. совершить покушение на короля Александра в Загребе. Ореб прошел подготовку в усташском лагере в Италии — Борготаро. В декабре 1933 г., получив задание убить короля Александра, Ореб и его помощник Херенчич были переброшены в Австрию, в пограничный город Клагенфурт. Они на лыжах перешли границу в горах и сели на ближайшей железнодорожной станции на поезд, доставивший их в Загреб. Здесь ими была установлена связь еще с одним усташем, неким Беговичем. Первоначально они намеревались бросить бомбу в короля Александра в первый день его пребывания в Загребе на площади Елачица. Однако скопление народа, среди которого было много женщин и детей, могло привести к большому числу невинных жертв. Это смутило Ореба. В последний момент он заколебался и не отважился бросить бомбу. Было решено осуществить покушение на другой день в Загребском соборе, для чего им потребовалось привлечь еще одного сообщника. Это, по-видимому, и вызвало их арест на следующее утро. При обыске у них были обнаружены венгерские паспорта, а оружие — пистолеты производства немецких фирм «Маузер» и «Вальтер» и бомбы, идентичные с выпускавшимися итальянской фирмой «Е. Бреда», — было точно такое же, какое впоследствии было найдено у участников марсельского покушения. Показания Ореба раскрывали связи усташей с итальянской полицией и их деятельность на итальянской территории. Эти факты дали Югославии основание направить Италии, а также Франции и Англии резкую ноту протеста, которая обвиняла Италию в поддержке

ушашских террористов. Нота не была опубликована. Но весь эпизод с подготовкой неудавшегося покушения получил широкую известность.

В связи с этим случаем югославские власти обратились даже с просьбой к немецкому правительству произвести расследование на территории Германии. Ответ немецких властей гласил, что, произведя соответствующее расследование, им не удалось установить «никакой связи между хорватами здесь, в Германии, и упомянутым заговором»¹. Тем не менее этот случай предоставил в распоряжение Германии ряд сведений, связанных с подготовкой покушения, и ознакомил ее с образом мыслей и подозрениями, существовавшими у югославской полиции, что представляло для нее несомненный интерес в связи с обострением итало-югославских отношений. Попытки же немецкой дипломатии использовать их для усиления германских позиций в Австрии предпринимались неоднократно.

Террористическая деятельность усташей с самого начала вышла за рамки чисто внутриюгославских дел. Вследствие поддержки, которую они нашли в лице Италии и Венгрии, и их связей с разведками других стран вопрос о деятельности усташей перерос в международную проблему, чреватую самыми серьезными неожиданностями и отравлявшую обстановку в Юго-Восточной Европе, особенно отношения Югославии с Италией и Венгрией. В начале лета 1934 г. деятельность усташей стала даже предметом обсуждения в Лиге наций. Вопрос этот был поставлен в мае 1934 г. венгерским правительством. Неожиданно оно обратилось в Совет Лиги наций с жалобой на постоянные инциденты на югославо-венгерской границе, вину за которые возлагало на югославские власти. В представленном меморандуме перечислялись многочисленные инциденты и конфликты, а приведенные факты подкреплялись публикацией дипломатической переписки между Венгрией и Югославией по поводу этих случаев. Венгрия предлагала, чтобы Совет Лиги наций послал международную комиссию для расследования пограничных инцидентов или нашел бы иной способ восстановить порядок и спокойствие на границе с Югославией. Венгерская жалоба основывалась на статье 11 Статута Лиги наций, которая предусматривала такую возможность, в случае если до-

¹ «DGFP». Series C, Vol. III, Doc. N 268, p. 529.

брососедские отношения государств окажутся в опасности.

Трудно сказать, какими мотивами руководствовалось хортистское правительство Венгрии, направляя такую жалобу в Лигу наций. Степень его ответственности за происходившие пограничные инциденты была чрезвычайно велика, ибо поддержка усташей и их деятельности, постоянные нарушения и нелегальные переходы границы террористами служили основным источником напряженности. Несомненно лишь, что венгерская инициатива была поддержана, а может быть, и инспирирована Италией.

Венгерская жалоба застала Югославию врасплох. «Этот шаг Венгрии явился неожиданным и производил впечатление заранее продуманной игры,— писал о нем несколько лет спустя югославский политический деятель и историк международных отношений И. Иованович.— «Я обвиняю тебя, чтобы ты не обвинял меня» — таков был постоянный принцип, которому следовали венгры по договоренности с римскими кругами»¹. Дальнейшее развитие этого эпизода показало, однако, что инициаторы венгерской жалобы не продумали до конца его вероятного исхода.

Венгерская жалоба была рассмотрена на закрытом заседании Совета Лиги наций 14 мая 1934 г. По просьбе югославского представителя К. Фотича, поддержанного министром иностранных дел Франции Л. Барту, этот вопрос был перенесен на следующее заседание, так как у делегатов не было времени ознакомиться с относящимися к нему документами.

5 июня 1934 г. Совет Лиги наций обсудил венгерскую жалобу. Накануне, 4 июня, югославское правительство представило в Совет обширный меморандум относительно инцидентов на границе между Венгрией и Югославией. В нем подчеркивалось, что югославское правительство с удивлением узнало о венгерской жалобе. Она последовала как раз в то время, когда югославское правительство дало свое согласие на прямые переговоры, которые, кстати, уже и начались, с венгерским правительством относительно урегулирования пограничных инцидентов. В югославском меморандуме были приведены веские доказательства поддержки венгерскими властями террористической дея-

¹ *И. Иованович*. Дипломатска историја Нове Европе. 1918—1938. Књ. П. Београд, 1939, стр. 428.

тельности усташей против Югославии. Особое внимание было уделено лагерю в Янка-Пусте, деятельность которого раскрывалась рядом документов и показаниями некоторых его обитателей. Меморандум далее констатировал, что такие действия направлены против целостности и общественного порядка в Югославии. Югославское правительство, говорилось в меморандуме, использует для защиты своих интересов все имеющиеся в его распоряжении средства. Наряду с этим оно заявляло о своей готовности продолжить с венгерским правительством переговоры об урегулировании возникших пограничных инцидентов. К меморандуму была приложена обширная дипломатическая переписка по затрагиваемым в нем вопросам.

Заслушав объяснения представителей Венгрии и Югославии, Совет Лиги наций отметил готовность обеих сторон вести прямые переговоры и выразил пожелание, чтобы они начались как можно скорее. Таким образом, Совет фактически отверг венгерскую жалобу как не соответствующую статье 11 Статута и не требующую срочного вмешательства Лиги наций. Вопрос о пограничных инцидентах на венгеро-югославской границе сошел с повестки дня Лиги наций. Однако сама его постановка и отклики в печати разных стран привлекли внимание мировой общественности к напряженным отношениям Югославии с Венгрией и поддержке венгерскими властями террористической деятельности усташской эмиграции. Название лагеря в Янка-Пусте обошло страницы газет многих стран. Венгерскому правительству был нанесен несомненный моральный ущерб.

Разоблачения в печати и неблагоприятные отклики во многих странах заставили правительство Италии и Венгрии занять более сдержанную позицию по отношению к усташам. Во всяком случае для них стало очевидно, что услуги усташей несоизмеримо меньше тех неудобств и неприятностей, которые возникают вследствие их террористической деятельности. К тому же последняя совершенно не оправдала возлагавшихся на нее надежд как верного средства вызвать хаос в Югославии и поставить страну перед перспективой неминуемого распада. В этом отношении усташская организация оказалась малоэффективной. Ее крупные замыслы неизменно терпели провал. По своим результатам она не могла даже сравниться с ВМРО. Начавшиеся склоки и борьба среди самих усташей затрудня-

ли возможность контроля и надзора за ними. Во избежание неприятных неожиданностей венгерские и итальянские власти вынуждены были принимать соответствующие меры. В конце апреля 1934 г. был закрыт усташский лагерь в Янка-Пусте, а его обитатели переселены в близлежащий городок Надьканижа, в дом № 23 по улице Миклоша Хорти. Примерно в это же время итальянцы закрыли усташский лагерь в Борготаро, еще раньше — лагерь в Задаре, а содержащиеся в них усташы были переведены в другие места. Все это, несомненно, говорило об известном разочаровании в усташах со стороны их хозяев, для которых они начали превращаться в обузу.

Другим фактором, побуждавшим Италию и Венгрию к пересмотру своих связей с усташами, были перемены, происходившие на международной арене, а именно начавшееся сближение между Францией и Италией. Это сближение, становившееся все более заметным в течение весны и лета 1934 г., не могло остаться незамеченным и самими усташами. Последние чувствовали, что перемена отношения к ним под влиянием этого фактора в конечном итоге может привести к полной потере поддержки и лишить их не только возможности действовать, но и просто средств к существованию. В таких условиях усташы были способны на любые неожиданные действия, не только не согласованные с итальянскими и венгерскими властями, но и направленные против них. Дальнейшая поддержка усташей становилась для Италии и Венгрии обоюдоострым оружием.

Судебный процесс в Экс-ан-Провансе

Что вскрыло следствие

Французская и югославская полиция, взявшиеся за расследование марсельского покушения, располагали в качестве исходных данных трупом убийцы и тремя арестованными усташами, настоящие имена которых были Мийо Краль, Звонимир Поспишил и Иван Райич. Все трое в прошлом были в лагере Янка-Пуста.

Личность убийцы удалось установить быстро. Из многочисленных возвращенных ВМРО профессиональных убийц и террористов это была одна из наиболее зловещих фигур. Настоящее имя убийцы — Величко Георгиев — было известно в основном его непосредственным начальникам да полиции. Другие знали его в разное время под разными именами, среди которых самым распространенным было Владо Черноземский¹. Большинство же людей, с которыми ему приходилось иметь дело, знали его как «Владо-шофера» — кличка, отражавшая его профессию. В. Георгиев был среднего роста, с мощно развитым торсом и слегка рыжеватыми, начавшими редеть волосами; глаза — светло-

¹ Утверждения прессы того времени и некоторых авторов (например, Черенъев), будто настоящее имя убийцы было Дмитрий Керин, не подтвердились. Можно предположить, что это один из его псевдонимов, которыми он пользовался во время пребывания за границей. Не исключено, что основанием для него могло послужить имя его матери — Кера. Однако В. Георгиев никогда не пользовался таким псевдонимом в Болгарии.

Этими, а также некоторыми другими сведениями о биографии и внешности В. Георгиева автор обязан болгарским историкам Добрину и Здравке Мичевым, которые прислали ему копии нескольких документов из архива бывшей дирекции полиции и высказали свои соображения по поводу их содержания.

карие, густые брови, улыбка обнажала редкие желтоватые зубы. Этот человек походил скорее на немного простоватого парня и никак не производил впечатления кровавого убийцы. Обманчивое впечатление усиливалось его сдержанным поведением. Он не пил алкогольных напитков и не курил. Все это плохо вязалось с длинной цепью кровавых преступлений, тянувшихся вслед за ним.

В. Георгиев родился в марте 1897 г. в селе Патрик неподалеку от г. Штипа (Македония). В годы первой мировой войны служил в болгарской армии, из которой был демобилизован в 1919 г. О нем было известно, что он меткий стрелок и отличался смелостью и жестокостью. Крайний национализм привел его в 1922 г. в ряды правого реакционного крыла ВМРО под руководством Ивана (Ванчо) Михайлова, с которым он сразу же сблизился. В выпущенных в свет в 1965 г. в Брюсселе мемуарах В. Михайлов вспоминает, как он еще осенью 1922 г. вместе с В. Георгиевым организовал похищение неудобного им лица (некоего Я. Велинова) из казарм в г. Кюстендиле. Им удалось, переодевшись в полицейские мундиры и заручившись фальшивыми документами, добиться его выдачи. Они увезли свою жертву за город и там убили¹. В. Михайлов пишет об участии В. Георгиева в рейдах террористических отрядов ВМРО по Македонии и неизменно отзываясь о нем как о человеке, на которого можно было положиться в любом деле. О доверии руководства ВМРО к В. Георгиеву свидетельствует и тот факт, что он иногда исполнял функции связного между лидерами ВМРО Т. Александровым и В. Михайловым².

Доверие к В. Георгиеву росло. Ему стали поручать серьезные дела. Именно ему в 1924 г. руководство ВМРО поручило убить выдающегося сына болгарского народа, пламенного коммуниста, неустанного борца против реакции, депутата болгарского Народного собрания Димо Хаджидимова. Давая столь «ответственное» задание, главари ВМРО учитывали, видимо, его опыт в подобном рода делах и надеялись, что он сумеет выполнить задание. 13 сентября 1924 г. Димо Хаджидимов был зверски убит. Это убийство вызвало возмущенные отклики. Спустя очень долгое время, в 1928 г., полиция арестовала В. Георгиева. Суд приговорил его к 15 годам тюремного заключения.

¹ См. *И. Михайлов*. Спомени, т. II. Брюссель, 1965, стр. 102—103.

² См. там же, стр. 216—217.

Но... вскоре он был выпущен на свободу. Кто-то воспользовался объявленной болгарским монархо-фашистским правительством амнистией, чтобы заступиться за него.

В. Георгиев начал приобретать прочную репутацию профессионального убийцы, которому поручают исполнение наиболее трудных террористических актов. В декабре 1930 г. по приказу ВМРО он совершил очередное убийство. На этот раз его жертва — Наум Томалевский, бывший видный деятель ВМРО, ее представитель за границей, исполнявший некоторое время функции связного между Павеличем и Михайловым, но впоследствии навлекший на себя гнев последнего. На этот раз суд приговорил В. Георгиева к пожизненному тюремному заключению, которое длилось, однако, только до января 1932 г. Пробыв в тюрьме около года, он снова оказался на свободе «по амнистии». Георгиев представлял теперь для заправил ВМРО слишком большую ценность, чтобы они бросили его на произвол судьбы. Готовый пойти на любое дело по их указке, он стал безотказным орудием террора, безжалостным и хладнокровным убийцей.

Летом 1932 г. по распоряжению ВМРО В. Георгиев уехал из Болгарии, как оказалось, навсегда. Его местопребывание за границей в последующие два года точно неизвестно. Слухи о том, что он якобы проживал в Венгрии в усташском лагере Янка-Пуста и был инструктором по стрельбе, не подтверждены никакими фактами. Больше того, ни один из трех усташей, арестованных в связи с марсельским убийством, не знал его до того, как они встретились в Швейцарии за несколько дней до покушения (хотя Звонимир Поспишил, например, был в лагере почти с самого его основания, а Иван Райич — с сентября 1932 г.). Правда, багажная наклейка гостиницы в венгерском г. Пече, обнаруженная среди его вещей, как будто говорит о том, что В. Георгиев посетил Венгрию, но когда и сколько времени он там оставался — неизвестно. В Швейцарию же В. Георгиев прибыл из Италии. Найденный потом при нем билет на фуникулер в швейцарском городе Лугано, помеченный маем 1934 г., — единственное свидетельство его пребывания там в указанное время. Это было все, что удалось выяснить и найти французской полиции, не считая имевшегося при нем оружия.

Сразу же после покушения в Марселе специальные уполномоченные французской и югославской полиции бы-

ли посланы в Италию, Венгрию, Австрию, Германию и Швейцарию с целью проследить на месте и собрать факты о деятельности усташей, о подготовке марсельского покушения и т. п. С самого же начала расследование приняло однобокий характер. Хотя сама личность убийцы говорила о том, что ВМРО замешана в этом покушении никак не меньше, чем усташа, и что поэтому ей следовало уделить столь же большое внимание, этого сделано не было. Фигуры пойманных усташей как бы заслонили все остальное. Следствие собрало большое количество материала, который, однако, только подтверждал и без того уже известные факты о поддержке усташей венгерскими и итальянскими властями и дополнил рядом интересных штрихов общую картину деятельности усташской организации. Тем не менее в основном вопросе — подготовке марсельского покушения и выявлении его организаторов и вдохновителей — расследование не выяснило никаких новых фактов по сравнению с тем, что было известно из показаний арестованных усташей.

Кто же были эти сообщники террориста, какую роль играли они в покушении и что раскрыли в своих показаниях? Суммируя их высказывания и дополняя их другими известными фактами, можно восстановить с довольно большой степенью точности внешнюю сторону событий, приведших к марсельской трагедии.

24 сентября 1934 г. в венгерский город Надьканижу, в дом № 23 на улице Миклоша Хорти, где проживали усташа, находившиеся ранее в лагере Янка-Пуста, прибыл один из усташских лидеров — Мийо Бзик¹. Он привез распоряжение А. Павелича выделить трех человек для выполнения важного поручения. Бросили жребий, который пал на М. Краля, И. Райича и З. Поспишила. Все трое были совершенно разные, но характерные для усташей типы.

Мийо Краля, 26-летний крестьянский парень из Хорватии, попал к усташам случайно. В 1933 г., в разгар мирового экономического кризиса, он незаконно перешел через границу в Австрию в поисках заработка и был там арестован. В тюрьме один из заключенных посоветовал ему обратиться за помощью к И. Перчевичу. Тот действительно добился его освобождения и направил в Венгрию,

¹ Утверждения французской полиции, будто приказ А. Павелича привез не М. Бзик, а И. Перчевич, не подтверждены никакими фактами и были на веру приняты судом в Экс-ан-Провансе.

где он попал в лагерь Янка-Пуста. Здесь Краль вначале выполнял простые полевые работы, а позднее его устроили работать автомехаником в Будапеште. Осенью 1934 г. он находился в Надьканиже вместе с другими усташами. Краль не раз принимал участие в нелегальной переброске оружия и боеприпасов через югославскую границу. Самым большим его «подвигом» была подготовка вместе с другим усташем, Премедем, взрыва в полицейском управлении в г. Копривнице летом 1934 г.

Судьба Ивана Райича была несколько сложнее. В начале 1929 г. он эмигрировал в Латинскую Америку в поисках работы. Здесь в г. Сан-Пауло в Бразилии он примкнул к хорватским националистам-эмигрантам, среди которых усташа вскоре создали свою организацию. В 1932 г., не найдя счастья за океаном, он согласился вместе с двумя десятками других эмигрантов отправиться в усташские лагеря в Европе. С сентября 1932 г. он жил в Янка-Пусте. Несколько поездок в Австрию с мелкими поручениями составляли весь его «послужной список». Как и Краль, он не обладал никакими выдающимися качествами или способностями и образованием не отличался.

Наиболее колоритной личностью из всех троих был Звонимир Поспишил. Он родился в Хорватии в г. Вуковине в 1904 г. Крепко сложенный и сообразительный от природы, он единственный из всех троих имел постоянную профессию автомеханика, а несколько классов начальной школы делали его самым образованным из них. Национализм З. Поспишила выходил за нормальные рамки и делал его фанатиком. Он рано присоединился к националистическому течению и был одним из первых усташей. В 1929 г. участвовал в политическом убийстве, за что впоследствии был приговорен заочно к смертной казни, и был вынужден бежать за границу, в Италию. Здесь он некоторое время находился на усташских базах в Задаре и Риеке (оба города были тогда под итальянской властью), а затем направлен в Венгрию, где жил сначала в Янка-Пусте, а затем в Будапеште, пользуясь полным доверием А. Перчеца, при котором состоял телохранителем. Он не раз совершал успешные переходы югославской границы с взрывчаткой и оружием и был на отличном счету у усташских главарей, многих из которых знал лично.

Ни один из этих усташей не знал предназначавшегося для них задания и заранее не готовился к его исполнению.

В соответствии с полученными указаниями они в разные дни выехали из Надьканижи и встретились в Будапеште на железнодорожном вокзале днем 27 сентября. Приветствовавший их здесь Мийо Бзик снабдил всех троих венгерскими паспортами на вымышленные имена, билетами до Цюриха — первой цели их назначения — и инструкциями относительно встречи с усташским уполномоченным, от которого они должны были получить дальнейшие указания. Трое усташей в тот же день прибыли в шесть часов вечера в Вену, где сразу же пересели на другой поезд, доставивший их 28 сентября в полдень в Цюрих. На вокзале их уже ожидал молодой человек, назвавший себя Крамером и представивший им в качестве верительной грамоты письмо А. Павелича следующего содержания:

«Беспрекословно выполните все приказания, которые вы получите от предъявителя сего письма.

Подпись: Поглавник»¹.

Молодой человек был неизвестен усташам, поступившим в его распоряжение, но югославской и французской полиции не представило впоследствии труда выяснить его настоящее имя — Евгений Кватерник. В генеалогическом древе этого молодого преступника сплелись все ветви и корни усташского движения. По матери он был внуком «самого» Иосипа Франка. Отец же его — Славко Кватерник — был сыном основателя партии Хорватского права Евгения Кватерника, погибшего в 1871 г. при попытке поднять восстание против Габсбургов. Пример Славки Кватерника наглядно показывал, как далеко иногда откачивается яблоко от яблони. Если старый Евгений Кватерник был непримиримым противником Габсбургов и поборником идеи единства югославянских народов, то Славко Кватерник верой и правдой служил черно-желтому престолу и к моменту его краха получил чин полковника австро-венгерской армии. Тоскуя по безвозвратно ушедшим временам, он стал заклятым врагом нового югославского государства, возглавив одно из течений среди франковцев, с которыми был связан тысячами нитей. В такой среде в 1910 г. в Загребе родился Евгений Кватерник, названный в честь знаменитого деда и опозоривший впоследствии его имя.

¹ G. Cserenyey. The Assassination of King Alexander of Jugoslavia in 1934., Vol. II, p. 602.

Молодой Е. Кватерник впитал в себя все пороки, свойственные окружению своего отца: крайний хорватский национализм, низкопоклонство перед немецкой культурой, ненависть к новой Югославии. Он получил хорошее образование, учился на юридическом факультете Загребского университета. Особенно выделялась его лингвистическая подготовка. В породившей его среде, где национализм уживался с космополитизмом, знание языков ценилось высоко. Молодой Кватерник в совершенстве владел несколькими языками. Для совершенствования их он еще студентом ездил во Францию, Англию, бывал в Германии, где жила его сестра, вышедшая замуж за промышленника. Знание языков и условий жизни в ряде стран резко выделяло Е. Кватерника среди других усташей, в ряды которых его ввел старый приятель отца и друг дома, ближайший помощник А. Павелича И. Перчевич. Благодаря таким связям и рекомендациям Е. Кватерник пользовался полным доверием усташского руководства.

Покинув в конце 1933 г. Югославию (где он уже обратил на себя внимание полиции), Кватерник с головой окунулся в деятельность усташской организации. Его функции были многочисленны. В Германии, где он проживал первое время, вместе с Б. Еlichem издавал усташские эмигрантские газеты, неоднократно встречаясь с Павеличем и другими усташскими лидерами. Доверие к нему росло, и он вскоре стал казначеем усташской организации. Новое амплуа было связано с постоянными переездами из Германии в Италию, из Италии в Швейцарию и т. д. и сопряжено с конспирацией, которой он быстро и успешно овладел (знания и навыки, приобретенные им в это время, послужили, видимо, в немалой степени тому, что в организованном в 1941 г. при помощи фашистской Германии и Италии «Независимом государстве Хорватия» Е. Кватерник стал начальником усташской разведки и тайной полиции). Способности и ловкость Е. Кватерника и определили выбор его как участника покушения на короля Александра, в котором ему была отведена одна из главных ролей.

Впоследствии швейцарской полиции удалось узнать о некоторых его делах в Швейцарии, где он был в середине сентября 1934 г., производя различные финансовые операции: 17 и 18 сентября в Лозанне обменивал крупные суммы швейцарских франков на венгерские пенго, австрий-

ские шиллинги и польские злотые, а также послал несколько переводов в США и Бельгию. Ночь на 19 сентября он провел в Берне, а 23 числа вновь был в Лозанне. Затем на несколько дней он исчезает из виду. Его след снова обнаружился лишь 27 сентября, когда Кватерник приехал в Швейцарию из Италии. Но на этот раз он был не один: вместе с ним был В. Георгиев.

Ночь с 27 на 28 сентября Кватерник и Георгиев провели в гостинице «Сен-Готард» в Цюрихе, где в полдень на железнодорожной станции Кватерник и встретил троих прибывших из Венгрии усташей.

Их стало пятеро. Возглавлял группу Е. Кватерник, который оплачивал в течение последующих дней все расходы, снабжал их карманными деньгами и т. д. и руководил всеми дальнейшими действиями. Не задерживаясь в Цюрихе, вся компания выехала в Лозанну, куда прибыла во второй половине дня 28 сентября 1934 г. Разместив своих подопечных в гостинице «Де Пальмье» (сам он остановился в другой), Кватерник решил приодеть усташей. Всем троим были куплены новые костюмы, а старые сложены в специально купленный чемодан, куда были положены также два револьвера, привезенные Кватерником из Италии. Чемодан сдали в камеру хранения на лозаннском вокзале (утром того же дня подобная процедура была проделана и со старой одеждой В. Георгиева. Чемодан с его вещами, куда была положена также бутылка итальянской минеральной воды, был оставлен в цюрихской гостинице «Сен-Готард»).

Вечером 29 сентября группа террористов покинула Лозанну на пароходе, переплыла Женевское озеро и высадилась на французском берегу. Чтобы не привлекать внимания, Кватерник разделил группу на две части. Сам он сошел на берег вместе с Кралем и Поспишилом в Тононе, а Райич и Георгиев — в Эвиане, и на разных станциях они сели в один и тот же поезд, отходивший в восемь часов вечера на Париж. Здесь, в поезде, Кватерник выдал всем террористам новые чехословацкие паспорта взамен старых, которые он отобрал. Теперь Краль стал называться Гуссеком, Поспишил — Новаком, Райич — Бенешем, а Георгиев — Суком (этим именем его и стали называть усташа).

Кватерник вез всю группу с крайними предосторожностями. Не доезжая до Парижа, они утром 30 сентября

сошли с поезда в Фонтенбло и сели в автобус, который доставил их в Париж. В целях лучшей конспирации группа вновь была разбита на части. Квартерник поселил Райича и Георгиева в одной гостинице, а Поспишила и Крала — в другой. Все четверо большинство времени проводили в своих комнатах в гостиницах, где их навещал Квартерник, живший отдельно. Квартерник подробно объяснял им правила езды в метро и особенности поведения в общественных местах во Франции, иногда выходил с ними на прогулку сам, но всегда соблюдал при этом большую осторожность и рекомендовал соблюдать ее другим. Несколько раз Квартерник уходил с Георгиевым.

В Париже Квартерник действовал не только как опекун четырех террористов, но и как связной между ними и еще одним лицом, которое появилось на сцене только здесь и действовало как непосредственный руководитель всей операции. Попытки французской и югославской полиций раскрыть его настоящее имя или место, откуда он прибыл в Париж, оказались тщетными. Его личность так и осталась загадкой до настоящего времени. В гостинице, где он проживал, он предъявил чехословацкий паспорт на имя Яна Вудрачека. Вместе с ним была женщина, блондинка лет 30, зарегистрированная в гостинице как его жена Мария Вудрачек. Из террористов его видели потом только Георгиев и Краль, которым он был представлен в Марселе под именем «Петр». Правда, Краль видел его еще мельком на улице в Париже. Внимание Крала обратил на него тогда Квартерник, сказавший: «Вот наш руководитель. Его зовут Петр». Петру было около 45 лет. Французская полиция установила также, что он хорошо говорил по-итальянски. Остальные сведения о нем не точны. Одни утверждали потом, что он походил на самого А. Павелича, другие отрицали между ними даже отдаленное сходство. Попытки отождествить его личность с другими известными «деятелями» неубедительны. Английский историк Грэхем, а за ним и Черенбей предполагают даже, что его роль мог выполнять «сам» А. Павелич. Согласно другим догадкам, в роли «Вудрачеков» выступали усташ Антун Година и его жена Стана¹. Первое предположение крайне маловероятно, второе же не доказано.

¹ Югославский полицейский чиновник В. Миличевич, принимавший участие в расследовании марсельского покушения, утверж-

Таким образом, в первых числах октября месяца в Париже собралось семь человек. Так продолжалось до 6 октября, когда произошли другие передвижения. В этот день утром Поспишину и Райичу было приказано уехать в Версаль, где они остановились в гостинице «Золотой лев». Поспишил и Райич по-прежнему не имели распоряжений относительно цели их визита во Францию и задания, которое должны были выполнить. Расставшись с остальной частью группы, они ничего не знали о ее дальнейших действиях и передвижениях. Данная им инструкция предписывала явиться в Фонтенбло 9 октября, где на почте они должны были получить письмо «до востребования» с дальнейшими указаниями, а также явиться к Оперному театру в Париже, где в один из следующих дней их обещал встретить Кватерник.

В то же утро 6 октября Кватерник вместе с Георгиевым и Кралем выехал из Парижа с Лионского вокзала в Авиньон. Накануне отъезда Кватерник сдал в камеру хранения Сен-Лазарского вокзала чемодан с ношеной одеждой, в котором, кроме того, были два револьвера «Маузер», два револьвера «Вальтер» и четыре бомбы, помеченные впоследствии, будто ему удалось идентифицировать супругов Година с «Вудрачеками». Произошло это при следующих обстоятельствах. В 1937 г. В. Миличевич был послан в Италию. Здесь он получил от одного из своих агентов фотографии, на которых были запечатлены многие усташы. Эти фотоснимки и дали якобы ему возможность установить, что под именем Вудрачеков на деле скрывались А. и С. Година. В. Миличевич сообщает некоторые сведения о них.

Антун Година, уроженец г. Сушака, еще до первой мировой войны эмигрировал из Хорватии в США. Он долгое время жил в Чикаго, принадлежал к знаменитой гангстерской банде Аль-Капоне и был специалистом по изготовлению фальшивых документов. Здесь же он познакомился со Станой — американкой хорватского происхождения — и женился на ней. Примерно в 1929—1930 гг. супруги Година примкнули к усташскому движению и уехали в Италию, где приняли активное участие в деятельности усташей. Позднее, в годы второй мировой войны, А. Година был одним из руководителей тайной полиции «Независимого государства Хорватия» и начальником личной охраны Павелича. После войны супруги Година бежали в Аргентину, где Антун занял довольно крупный пост в полиции диктатора Перона. Их дальнейшая судьба неизвестна.

Сообщая все эти подробности, В. Миличевич не объясняет, однако, как ему удалось «узнать» на фотографиях лица людей, которых он ни разу в жизни не видел. *V. Miličević. Der Königsmord von Marseille. Das Verbrechen und seine Hintergründe, S. 96—98.*

ные усташской меткой. Еще до отъезда он вновь сменил Георгиеву и Кралою паспорта, заменив их снова чехословацкими, но на другие имена: первый стал теперь по паспорту Келеменом, а второй — Мальным. К вечеру они прибыли в Авиньон, куда вскоре приехали и Вудрачки. Переночевав, Петр, Кватерник, Георгиев и Краль поехали утром 7 октября на автобусе в Марсель (здесь Кватерник дал Георгиеву и Кралою по 1500 франков и купил им два компаса и карту города), а оттуда в Экс, где Георгиев и Краль остановились в гостинице «Модерн», а Петр — в гостинице «Черный берег». Кватерник же вернулся в Авиньон, откуда он приехал в Экс на следующее утро с Марией Вудрачек.

8 октября подготовка покушения перешла в решающую фазу. В этот день Петр, Кватерник, Георгиев и Краль отправились в Марсель, чтобы внимательно изучить маршрут, по которому должен был проехать на следующий день король Александр, и установить место покушения. Только здесь террористы получили точное задание совершить покушение: Георгиеву было непосредственно поручено убить короля, а Краль получил задание бросить бомбы в толпу, чтобы вызвать замешательство и дать Георгиеву возможность скрыться. Возвратившись в Экс во второй половине дня, террористы уточнили свои роли в уже составленном плане.

Вечером 8 октября Кватерник пришел в комнату к Георгиеву и Кралою, чтобы отдать последние распоряжения. Кватерник сказал, что задание получено и завтра они должны выполнить его. Необходимое оружие получают у Петра, к которому должны явиться в семь часов утра на следующий день и который даст им дополнительные указания. Сам же он теперь покидает их.

В тот же вечер Кватерник уехал на такси в Авиньон, откуда поездом через Лион направился в Швейцарию. Утром 9 октября он был уже в Монтрэ, где в два часа дня пришел на почту получить корреспонденцию до востребования на его имя, которую он сам же и направил сюда, будучи в Швейцарии перед отъездом во Францию. Разумный человек всегда заботится о своем алиби. Так, на всякий случай...

Рано утром 9 октября Георгиев и Краль явились к Вудрачкам в гостиницу «Черный берег». Здесь они получили от Марии оружие: по два револьвера — один системы

«Маузер» и один «Вальтер» — с соответствующим количеством патронов и по одной бомбе каждый. Напутственные слова Петра были краткими. Согласно его указаниям, они должны были выехать в Марсель для выполнения задания в час дня и действовать согласно намеченному плану.

Так они и поступили. Добравшись на автобусе до Марселя, Георгиев и Краль направились на улицу Ля Канебьер и около двух часов дня смешались с толпой, собравшейся против биржи для встречи короля Александра.

Тем временем Вудрачеки были уже далеко. Передав оружие и последние наставления террористам, они покинули гостиницу. Последнее, что смогла установить о них французская полиция, было то, что их видели примерно в 9.40 утра на автобусной остановке в Экс-ан-Провансе. Дальше их следы затерялись. Несомненно, что они заранее позаботились о своей безопасности. К середине дня, когда должно было состояться покушение, их уже, возможно, не было во Франции.

Что же делали между тем Поспишил и Райич, оставшиеся в Версале? 7 и 8 октября Поспишил ездил в Париж, где безуспешно ожидал Кватерника около Оперного театра. 9 октября, согласно полученным инструкциям, Поспишил и Райич отправились в Фонтенбло, где на почте ожидали найти письмо с указаниями о дальнейших действиях. Письма не было. Обеспокоенные неизвестностью, они поехали в Париж и около двух часов дня пришли к Оперному театру на явку с Кватерником. Тот не появился. Прождав около двух часов, они решили как-то убить время и отправились в ближайший кинотеатр...

Восстанавливая обстановку, сложившуюся 9 октября между двумя и четырьмя часами дня, нельзя не обратить внимание на некоторые странности. К тому времени, как эсминец «Дубровник» с королем Александром на борту подходил к марсельскому рейду, непосредственные организаторы покушения на короля — Кватерник и Вудрачеки — были уже далеко, вне пределов досягаемости французской полиции. Совсем по-другому обстояло дело с террористами. Поспишил и Райич пребывали в полной неизвестности, томясь около Оперного театра в ожидании Кватерника... Последний не мог, бесспорно, забыть о них по халатности. Как раз в это время он запасался на всякий случай алиби в Монтрэ. Его «забывчивость» может иметь только одно объяснение: оба усташа были созна-

тельно и преднамеренно оставлены на произвол судьбы в незнакомом городе, в стране, язык которой они не понимали, без каких бы то ни было указаний и инструкций, без обратных билетов, без объяснений, как выбраться из Франции в случае необходимости. Им были даны лишь деньги. Все это было полной противоположностью той заботе, которую проявлял о них Кватерник в начале путешествия, опекая и оберегая их на каждом шагу. Вывод напрашивается сам: видимо, это входило в общий план операции.

То, что в случае с Поспишилом и Райичем выступало как преднамеренная «забывчивость», еще более резко бросалось в глаза в деле с Георгиевым и Кралем. До мелочей продумав план покушения, тщательно определив функции каждого из террористов и все их действия, указав даже точное место на тротуаре, где они должны были ждать прибытия короля Александра, их непосредственные руководители вновь «забыли» сущий пустяк: сказать, что же должны были делать оба террориста после покушения. Никаких мер, которые позволили бы террористам скрыться после выполнения задания, принято не было. Кроме денег их, правда, снабдили еще компасами... Трудно даже представить, для какой цели это было сделано, настолько очевидно бесполезны они были в той обстановке. Гораздо полезнее было бы купить им обратный билет или просто подсказать, где и как они могли бы скрыться хотя бы на первое время. О забывчивости в данном случае не может быть и речи. Но почему же организаторы покушения снова с такой готовностью жертвовали террористами?

Возникал и еще один вопрос. Почему в помощь Георгиеву, который с самого начала явно был гвоздем всего плана, заранее предопределенным главным исполнителем покушения, был выделен именно Краль, самый неразвитый и неподготовленный к этой роли из всех трех усташей? Почему Краль, а не, скажем, Поспишил, который обладал более сильным характером, большей ловкостью, силой, сообразительностью и, так сказать, «профессиональной» подготовкой террориста? Из трех возможных вариантов сделали худший выбор. И действия Краля в момент покушения подтвердили это.

По мере приближения решающей минуты Кралем все больше и больше овладевало беспокойство. Страх сковывал движения, в голове беспорядочно проносились взбудо-

раженные мысли, он был полон самых мрачных предчувствий. Но признаться Георгиеву в своем малодушии он боялся. Помимо собственного представления о мужской гордости и чести он понимал и видел, что Георгиев был замешан совсем из другого теста: сентименты были ему чужды, спокойствие не покидало его ни на секунду, и он был преисполнен холодной и жестокой решимости довести дело до конца, невзирая ни на какой исход... Его прошлый опыт террориста должен был подсказывать ему, что выйти сухим из воды на этот раз не удастся. Однако он продолжал методично следовать намеченному плану покушения, не теряя самообладания.

Напряжение росло, и Краль не мог больше молчать. В завуалированной форме, стараясь не выдать своих главных мыслей, он, указывая на присутствие в толпе многих женщин и детей, стал развивать мысли об опасности задуманного ими покушения для окружающих. Однако попытка воздействовать на моральную сторону В. Георгиева оказалась безуспешной. Тот догадался, видимо, о гораздо более прозаической подоплеке слов Крала и его истинном настроении и расвирепел. Впоследствии Краль так рассказывал на суде об этом разговоре с Георгиевым:

«Я сказал ему (Величко) о моих опасениях, что невозможно убить короля, не причинив вреда также другим людям, но Сук (Величко) схватил меня за руку и в бешенстве дал мне понять, что он готов убить меня, если я не последую за ним...»¹

Встретив такой отпор, Краль решил действовать на свой страх и риск. Он явно не желал разделять участь террориста, которая фактически была предрешена. Воспользовавшись густой толпой, он незаметно скрылся из поля зрения Георгиева. Вероятно, Краль проделал этот несложный маневр в самый последний момент, когда внимание Георгиева было уже отвлечено от него приближающимся кортежем короля Александра.

В 4 часа 20 минут дня 9 октября 1934 г. раздалась выстрелы, оборвавшие жизнь короля Александра и Луи Барту. Погиб при этом и убийца В. Георгиев.

Как же сложилась судьба трех усташей, прибывших вместе с ним во Францию?

¹ G. Cserenyey. The Assassination of King Alexander of Yugoslavia in 1934., Vol. II, p. 617.

Краль, скрывшись в толпе от Георгиева, постарался поскорее убраться из опасной зоны. Его показания о том, что он делал после этого, довольно сбивчивы и не внушают полного доверия. По его словам, убежав от Георгиева, он сразу же отправился на автобусную остановку и уехал в Экс-ан-Прованс, в гостиницу «Модерн», где проживал последние два дня. Свидетельские показания, подтверждающая в целом эту версию, расходятся с ним в одном пункте, а именно во времени его возвращения в гостиницу. Согласно последним, он вернулся в свой номер около шести часов вечера. Неясным остается вопрос, где был Краль в самый момент покушения — в Марселе или на пути в Экс-ан-Прованс.

В своем номере в гостинице «Модерн» Краль пробыл до вечера. Видимо, его все еще не покидала надежда, что за ним придет кто-либо из его сообщников и даст указания о дальнейших действиях. В этом он отчаянно нуждался, теряясь в догадках, что же делать дальше, куда ехать, что предпринять. Не зная ни местных условий, ни языка, он в конце концов пришел к единственно возможному для него решению — повторить в обратной последовательности тот путь, которым прибыл во Францию. Запрятав лишнее оружие (кстати сказать, оно было найдено полицией 14 октября, когда в номере был произведен обыск) и оставив себе только револьвер «Вальтер», Краль вышел из гостиницы и сел в такси, доставившее его в Авиньон. Купив билет на вечерний поезд, он утром следующего дня приехал в Париж. Но... он не знал, с какого вокзала ему надо ехать дальше в сторону Швейцарии, Лозанны. Краль вспомнил, что тогда (по пути во Францию) все они сошли с поезда в Фонтенбло. И теперь, боясь привлечь к себе внимание вопросами и не в силах разобраться в ситуации сам, Краль, сев в такси, сказал только одно слово: «Фонтенбло», значительно исчерпав при этом свое знание языка и Франции.

На вокзале в Фонтенбло он купил билет до Эвиана. Поезд отходил поздно вечером. Выпив в буфете стакан пива и оставив крупные чаевые, он покинул вокзал, возбуждая подозрения у станционных служащих. О появлении сомнительного иностранца сообщили в Париж, откуда немедленно выслали двух полицейских агентов. Приехав на вокзал в Фонтенбло, те нашли Кралья сидящим в зале ожидания. Полицейские агенты подошли к нему и потре-

бовали документы. Краль протянул свой паспорт. Пока они рассматривали его, выговаривая с трудом непривычные чешские имена, в голове у Краля родилось желание бежать куда глаза глядят. С завидной силой оттолкнув полицейских в сторону, он бросился бежать. Куда? Конечно, в лес, где он и проблуждал пять дней. В конце концов он вышел из лесу, потеряв там или забросив подальше свой револьвер, и направился в кафе в ближайшее селение Мелон, где и был арестован 15 октября. В полиции через некоторое время Краль рассказал все, что знал. А знал он немного.

Вернемся теперь к Поспишилу и Райичу, с которыми мы расстались 9 октября 1934 г. днем в Париже около Оперного театра, где последние, устав ждать Кватерника, в начале пятого часа дня отправились в кино, как раз в то время, когда в Марселе гремели выстрелы. Когда они вышли из кино, на улицах Парижа уже продавались вечерние газеты с первыми известиями о марсельской трагедии. По крикам разносчиков газет и большим заголовкам (только на это и хватало их знаний французского языка) они уяснили себе смысл происшедших событий. Связав их в уме с отсутствием Кватерника и двух других террористов из их первоначальной группы, они теперь не сомневались, что марсельское покушение было делом рук последних. Поспишил и раньше имел смутное подозрение, что их приезд во Францию был связан с подготовкой покушения на короля Александра. Теперь его подозрения переросли в полную уверенность, которая передалась и Райичу. Поскольку им было ясно, что цель, ради которой они поехали, была достигнута другой частью их группы, они решили позаботиться о своей безопасности. Немедленно сев в автобус на Фонтенбло, они пересели там на поезд на Эвиан, намереваясь оттуда добраться до Лозанны. В данном случае их логика шла теми же путями, что и у Краля.

Во второй половине дня 10 октября Поспишил и Райич подъехали к Женевскому озеру. Но поскольку в прошлый раз они были в разных группах и один из них сходил в Тононе, а другой в Эвиане, чтобы сесть на поезд, отходящий на Париж, и оба лишь смутно припоминали места и плохо ориентировались, они разошлись во мнениях, где им надо сходить на этот раз, и вместо Эвиана вышли из поезда в Тононе. Произошла невольная задержка: надо

было ждать до утра. Они решили заночевать в Тононе в гостинице «Юнион». Это их и погубило...

Во Франции в это время происходила почти поголовная проверка иностранцев, особенно восточноевропейских национальностей, и производилось много предупредительных арестов. Появление Поспишила и Райича в гостинице не могло не привлечь внимание. Да и сами они, чувствуя свою связь с происшедшими событиями, находились в состоянии напряженности и производили несколько необычное впечатление. Их регистрационные карточки были немедленно отправлены из гостиницы в полицейский участок. В половине третьего ночи с 10 на 11 октября Поспишил и Райич были арестованы в номере гостиницы.

Суд — «5% правды»

Все вышеприведенные факты были выявлены в ходе следствия, затянувшегося на долгие месяцы. Трое усташей, игравших второстепенную роль в подготовке покушения, попали в руки французских властей, а с ними и все второстепенной важности сведения. Главари же и организаторы террористического акта оказались вне пределов досягаемости правосудия.

Как только стало известно о причастности усташской организации к покушению (достоверно это могло быть известно только после ареста Поспишила и Райича и их первых показаний, хотя французская и югославская печать писали об этом уже 10 октября), Франция официально обратилась к Италии с просьбой арестовать Павелича и Кватерника и выдать их французским властям. В Италию был направлен один из высших французских полицейских чинов — инспектор Руайер, чтобы собрать там необходимые сведения и просить о содействии итальянской полиции.

В вопросе о выдаче Павелича и Кватерника следствие натолкнулось на первое из целой серии препятствий международного характера, которых затем встречалось много. Италия категорически отказалась выдать усташских преступников. Правда, итальянские власти арестовали 17 октября 1934 г. и Павелича, и Кватерника, но этот жест напоминал скорее хорошо разыгранную сцену и служил в гораздо большей мере безопасности самих преступников,

нисколько не способствуя выяснению обстоятельств покушения. Итальянские власти отказали французскому уполномоченному даже в просьбе встретиться с Павеличем и Кватерником или присутствовать на их допросе. Под давлением французской дипломатии они согласились лишь на то, что арестованные дадут письменные показания на вопросы, которые поставит французская сторона. Следует сказать, что Франция не проявила никакой настойчивости в вопросе о выдаче преступников. Поставив его перед Италией и получив отказ, она удовлетворилась и больше ни разу не затрагивала этого вопроса. Действия Франции говорили о желании не обострять отношений с Италией, которая проявляла крайнюю чувствительность и раздражительность во всем, что касалось марсельского покушения. Французские власти настолько далеко пошли навстречу итальянским пожеланиям, что постарались как можно меньше упоминать об итальянской поддержке усташей, об итальянском происхождении оружия, служившего террористам. Эти факты и даже само слово «Италия» ни разу не были впоследствии упомянуты на суде над усташами.

В «ответах» Павелич и Кватерник отрицали не только свою причастность к марсельскому убийству, но и к усташской организации вообще. Павелич утверждал даже, что он вообще ничего не знает об организации, к которой принадлежали террористы. Такой же «откровенностью» и «правдивостью» отличались и другие их ответы.

На ход следствия влияла и позиция Югославии, которая оказывала давление в прямо противоположном направлении. Югославские правящие круги, в которых были сильны шовинистические великосербские элементы, настаивали на максимальном наказании усташей и на полном разоблачении усташской организации, что в конечном счете привело бы к раскрытию итальянской поддержки. А Франция не желала идти на это. Задача поиска выхода из создавшегося тупика пала на министра юстиции Берара. Все это сказалось на следствии. При соответствующем нажиме сверху следствие обходило многие острые углы и оставляло без должного внимания факты, которые поведали бы его в нежелательном направлении, с точки зрения французских государственных интересов, как понимали их Берар, Лаваль и другие кормчие страны в то время. В январе 1935 г., в самый разгар следствия, состоялся

визит Лавала в Рим и заключение франко-итальянского соглашения. Именно последнее определило ту атмосферу, в которой проходило следствие, а затем и суд, и отношение к нему со стороны правительства.

Немалых усилий стоило Франции добиться снятия гражданского обвинения против усташей в убийстве короля Александра со стороны Югославии и лично со стороны королевы Марии, его вдовы. Эти усилия увенчались успехом. В октябре 1935 г., год спустя после убийства, королева Мария официально взяла обратно гражданское обвинение, оставив суду решать вопрос о политическом преступлении.

Наибольшим затруднением для властей, желавших направить следствие и неизбежный, к сожалению для них, гласный суд по заранее намеченному руслу, являлись демократические нравы французского суда, гордившегося своими давними традициями. Особое неудобство в данном случае представляло право подсудимых на защиту, которая могла поднять нежелательные для властей вопросы. Такого развития событий тем более приходилось опасаться, что защитником был выбран некий Жорж Десбон, который еще в ходе следствия показал свое намерение не быть покладистым. Он постоянно ставил следствию вопросы и требовал осуществления своих прав как защитника, которые не раз нарушались.

Личность Ж. Десбона, сыгравшего заметную роль в процессе над усташами, заслуживает более пристального внимания. Его выбрали в качестве защитника хорватские эмигрантские организации в Америке, действовавшие, несомненно, с ведома и по поручению усташской организации. Выбор был сделан не случайно. В политической жизни Франции Ж. Десбон уже зарекомендовал себя как реакционер. Он был противником Версальской системы и избрал себе роль защитника реваншистских устремлений Венгрии и Болгарии, их желания пересмотреть границы на юго-востоке Европы. Две выпущенные им книги с пропагандой таких взглядов завоевали популярность в самых реакционных и националистических кругах этих стран. Он уже давно имел контакты с ВМРО, а через нее связался впоследствии и с усташами. Эти связи не порывались и в дальнейшем: в годы второй мировой войны правительство Виши доверило ему пост посланника в Загребе, в усташском «Независимом государстве Хорватия». Это

назначение было признанием не только его зарубежных связей, но и политических симпатий внутри самой Франции.

Краснобай и демагог, Ж. Десбон не собирался облегчать задачу французских властей, желавших сделать процесс над усташами как можно более спокойным и незаметным. Он ловко использовал все сознательные и невольные ошибки, допускавшиеся следствием и судом, чтобы протестовать против ограничения прав защиты, нарушений процессуального кодекса и т. д. И следует признать, что его протесты с точки зрения закона были вполне обоснованны, хотя он и значительно превышал общепринятые нормы в употреблении чрезмерно сильных выражений, а его демагогия не знала пределов.

Многочисленные протесты Десбона вызывались действиями югославских офицеров полиции Симоновича и Миличевича. Каждый из них исполнял тройкие функции, выступая и как официальный югославский наблюдатель, и как переводчик, и как свидетель. Их действия во всех этих качествах были небезупречны. Около полутора десятков писем направил Десбон в руководившее следствием полицейское управление, требуя нейтральных переводчиков и указывая на жалобы обвиняемых, что их показания при переводе умышленно искажаются. Другие протесты Десбона были вызваны попытками Симоновича и Миличевича угрозами и запугиванием принудить обвиняемых к ложным показаниям и заявить, что они были посланы во Францию по распоряжению венгерских властей. Подсудимые жаловались, что Симонович пытался принудить их угрозами подписать заявление, выражавшее их согласие на перевод в Югославию. Миличевич же, прибегая то к угрозам, то к посулам немедленно добиться освобождения из тюрьмы, уговаривал Поспишила поехать в Италию и убить Павелича. Все эти факты вызывали бурные протесты Десбона, который к тому же отнюдь не делал тайны из атмосферы, создавшейся в ходе следствия.

Протестовал Десбон и против сокрытия от защиты ряда документов, добытых следствием. Часть их не была переведена на французский язык, в результате чего их использование было затруднено. Протестовал он и против неточностей, содержащихся в опубликованном в марте 1935 г. коммюнике о полицейском расследовании обстоятельств марсельского покушения. В коммюнике говорилось, что

обвиняемые явились причиной убийства двух человек, находившихся в толпе в момент покушения. Десбон отвергал это обвинение. Ведь двое из обвиняемых были во время покушения в Париже, т. е. в 800 км от места преступления, а третий также, по-видимому, находился в этот момент в отдалении от него. Выдвижение подобного обвинения основано на ложном изложении фактов, указывал Десбон, и может заранее настроить общественное мнение против подсудимых, приписывая им преступления, которых они не совершали.

Действия и заявления Десбона показывали, что он намеревался строить свою защиту на акцентировании внимания как раз на тех моментах, которые французские власти хотели бы оставить в тени. Таких моментов было три. Во-первых, власти считали нежелательным выяснение внутренних югославских проблем, вызвавших к жизни усташское движение. Любой аспект обсуждения этого комплекса проблем вызвал бы резкое недовольство Югославии, чего французское правительство хотело бы избежать. Во-вторых, французские власти не желали, чтобы в ходе процесса фигурировала Италия и ее политика поддержки усташского движения. Освещение этих проблем грозило дипломатическими осложнениями с Италией. В-третьих, предпринимались усилия спасти честь мундира самих французских органов безопасности и всячески замалчивались факты и обстоятельства, которые в какой бы то ни было форме пролили бы свет на их странное поведение в день покушения. Готовность Десбона заострить внимание на всех трех проблемах вызывала у французских властей только одно желание: заставить его тем или иным способом замолчать.

Еще задолго до судебного процесса Десбону приходилось выслушивать всевозможные угрозы вплоть до возможности лишения прав заниматься адвокатской практикой. Ходили слухи, что какие-то сербские националисты хотят убить его. Видимо, эти слухи не были совершенно беспочвенными, ибо Сюрте выделила охрану из двух полицейских, всюду его сопровождавших и следивших за его безопасностью. Не было недостатка и в давлении с другой стороны. Сам Десбон впоследствии говорил журналистам, что «два бывших министра одной балканской страны» предлагали ему кругленькую сумму в 400 тыс. франков за такое ведение дела, которое обострило бы отношения

между европейскими государствами. Соответствовало или нет такое заявление действительности, проверить сейчас невозможно. Тем не менее все факты, взятые в совокупности, показывали, что суэта, поднятая самыми различными инстанциями и разными заинтересованными сторонами вокруг готовившегося процесса, создавала для него заранее неблагоприятную атмосферу закулисного ажиотажа и нервозности.

Процесс над тремя усташами, соучастниками марсельского покушения, открылся 18 ноября 1935 г. в маленьком провинциальном городке Экс-ан-Провансе. Во время процесса, как заметил английский историк Черенъеи, городок находился как бы на осадном положении. Действительно, французские власти приняли чрезвычайные меры, превосходившие все, что знала история французского правосудия до того времени. Здание суда было окружено оградой из колючей проволоки и тщательно охранялось. В здание суда пропускали только после тщательной проверки документов. По прилегающим улицам ходили патрули. На крышах близлежащих домов были расставлены полицейские посты. Во всю эту операцию было вовлечено 600 полицейских и несколько сот жандармов. Кроме того, в городе шла внимательная проверка документов всех приезжающих. Принятые меры должны были, по мнению властей, предотвратить возможные попытки со стороны сербских или хорватских террористов нарушить спокойный ход процесса. По замечанию созерцавших всю эту возню наблюдателей, даже половины принятых мер было бы вполне достаточно, чтобы предотвратить марсельское покушение.

Действия французских властей показывали на явный недостаток опыта в подготовке инсценированных процессов. Председатель суда де ля Бруаз, получая непосредственные указания от министра юстиции Берара, с которым он постоянно поддерживал контакт по телефону, действовал грубо. Его постоянные промахи, вызываемые вынужденным отходом от привычной процедуры и необходимостью быстро реагировать на непредвиденные обстоятельства, к чему он не проявил способностей, давали защитнику Десбону обильную пищу для протестов. При этом Десбон прибегал к столь резким оборотам речи, которые граничили с нарушением уголовного кодекса. Все это сразу же создало в суде обстановку крайней напряженности.

Первое же заседание началось с пререкания по вопросу о переводчиках. Не возражая против назначения переводчиком французского офицера, хотя тот владел лишь русским языком и не знал сербо-хорватского, Десбон категорически протестовал против привлечения к выполнению этой роли сербского студента Милутиновича, обучавшегося во Франции, ибо Десбон считал его агентом белградского правительства.

Вслед за этим Десбон обратил внимание суда на отсутствие свидетелей, вызванных защитой из Югославии. Югославское правительство, заявил он, сознательно не дало им возможности приехать во Францию.

Но наибольшее затруднение вызвал протест Десбона, заявившего, что не все собранные обвинением документы были доступны защите. Для решения возникшего таким образом процессуального конфликта суд должен был удалиться на совещание. После консультации по телефону с Парижем суд решил возобновить слушание дела. Одновременно суд вынес порицание защитнику Десбону за обвинения в адрес переводчика, за необоснованные утверждения, будто он не видел всех документов обвинения, и за сознательное провоцирование инцидентов. Таким образом, и этот протест был отвергнут.

На второй день процесса, 19 ноября 1935 г., в суде разразился скандал. В зал заседания было принесено письмо, адресованное присяжным. Помимо записки в нем содержалась также вырезка из газеты, указывавшая на итальянское происхождение оружия, имевшегося у террористов. Присяжные были ознакомлены с содержанием письма. Когда же Десбон попросил ознакомить и его с письмом, он получил отказ. Письмо, заявил председатель суда, уничтожено. Естественно, вслед за этим последовал резкий протест защитника, который затем подал его в письменном виде. Протест был отвергнут. Когда же Десбон стал настаивать и попытался подать вторую жалобу, он встретил столь же резкие возражения со стороны прокурора. Последовавшее между ними препирательство переросло в грубую перебранку. В ходе ее досталось и председателю суда, которого Десбон обозвал палачом. Прокурор потребовал отстранения Десбона от процесса. Суд удалился на совещание. После получасовых размышлений он принял решение не только отстранить Десбона от продолжения исполнения функций защитника в данном про-

цессе, но и вообще о запрещении ему заниматься адвокатурой.

Решение суда было беспрецедентным во французской судебной практике и вызвало многочисленные комментарии в прессе и толки в кругах юристов по всей Франции. Оставляя в стороне этот случай, интересный сам по себе как редкостный факт в истории французского правосудия, заметим только, что суд в Экс-ан-Провансе вряд ли решился бы сам на эту крайнюю меру, если бы он не имел на сей счет особых указаний из министерства юстиции. Это мнение подкрепляется также тем фактом, что кассационный суд в Париже, куда Десбон подал жалобу, оставил решение суда в силе (он был восстановлен в правах адвоката по амнистии только в марте 1936 г., когда процесс по делу о марсельском покушении был уже закончен. Этот факт лишней раз подтверждает политическую подоплеку решения суда в Экс-ан-Провансе, за которым стояло желание властей избавиться от нежелательного защитника).

Сам Десбон был убежден, что расправа с ним имела чисто политические причины. В беседе с корреспондентами он прямо заявил, что власти боялись разоблачения и раскрытия им ряда фактов, которые они хотели бы скрыть.

«Только 5% правды содержится в досье по данному делу, — заявил он. — Остальное скрыто»¹.

Устранение защитника Десбона завело процесс в тупик. Обвиняемые устали, ободренные Десбоном, в ответ на этот акт объявили голодовку, заявив, что они будут продолжать ее, пока суд не восстановит их адвоката. Попытки председателя суда продолжить во что бы то ни стало процесс, назначив нового адвоката, ни к чему не привели. Подсудимые наотрез отказывались иметь с ним дело, а сам он, наткнувшись на их сопротивление и убедившись в невозможности быстро ознакомиться с делом, которое включало в себя более 2600 документов, вынужден был отказаться от защиты. Слушание дела было перенесено на следующую сессию в феврале 1936 г.

Промежуток между первой и второй частью процесса был заполнен хлопотами Десбона о его восстановлении в правах адвоката, а после получения отказа — поисками нового защитника. Действовавшее от имени подсудимых

¹ G. Cserenyey. The Assassination of King Alexander of Yugoslavia in 1934., Vol. II, p. 682.

усташей так называемое хорватское национальное представительство в Питтсбурге (США), которое и оплачивало все расходы, связанные с процессом, остановило по совету Десбона свой выбор на видном парижском адвокате де Сент-Обане. Его согласие было получено буквально за несколько дней до возобновления процесса. Одновременно власти сменили и председателя суда. На сей раз в этой роли выступил судья Люазон. Смена судьи и защитника способствовала более спокойному течению процесса, хотя в целом его характер не изменился.

6 февраля 1936 г. суд в Экс-ан-Провансе возобновил слушание дела об устахах — соучастниках марсельского покушения. Вновь были приняты меры предосторожности и выставлена полицейская охрана, превышавшая разумную степень безопасности. В зал заседания суда было допущено около 100 журналистов и всего лишь с десятков людей из публики. В обвинительном заключении, представленном суду, наряду с Кралем, Поспишилом и Райичем фигурировали также имена Павелича, Кватерника и Перчевича, судимых заочно. Однако в ходе дальнейшего судебного разбирательства, длившегося семь дней, их имена больше не произносились ни разу. Поэтому процесс с начала и до конца носил характер суда только над тремя устахами и занимался выяснением только их роли в марсельском покушении. Суд, следовательно, заранее и сознательно ограничился рассмотрением лишь второстепенных подробностей преступления и тщательно избегал выходить за эти строго очерченные рамки!

На суд было вызвано 66 свидетелей. Большинство из них не явилось. По «странному» совпадению это были главным образом свидетели, вызванные защитой. Наибольшие протесты защитника вызвало отсутствие свидетеля Каля, начальника службы безопасности в Марселе. Его показания, по мнению Сент-Обана, должны были иметь решающее значение для защиты обвиняемых. В ответ прокурор настаивал, чтобы процесс продолжался и без свидетельских показаний Каля, который якобы прикован болезнью к постели и явиться не может. Суд поддержал прокурора.

Допрос обвиняемых не выявил никаких новых фактов. Не внесли существенных изменений в ход процесса и показания свидетелей, которые либо обсуждали мелкие детали, связанные с местопребыванием и передвижениями

трех обвиняемых в период с 29 сентября по 9 октября 1934 г., либо восхваляли личность убитого короля Александра. Последнее было явно адресовано правящим кругам Югославии, среди которых было сильно недовольство ходом процесса и действиями французских властей. В центре внимания суда были Краль, Поспишил и Райич. Даже Симонович, выступавший в качестве официального югославского свидетеля и говоривший многословно о деятельности усташей, избегал упоминать о Павеличе и Кватернике или о роли Италии в поддержке усташей. Ограничившись в своей речи изложением общих вопросов, он поведал только о деятельности усташей в Венгрии, о лагере в Янка-Пусте и подчеркнул связь подсудимых с этим лагерем.

Общая тенденция суда возложить как можно большую часть вины за марсельское покушение на трех усташей особенно ярко проявилась в речи прокурора. Он потребовал вынесения смертного приговора всем троим. Наоборот, защитник подчеркивал их второстепенную роль в покушении и указывал, что фактически ни один из них не участвовал в нем, а двое вообще были в Париже и даже не знали о предстоящем покушении. Все трое были простыми орудиями в руках действительных организаторов покушения. Из настоящих преступников один убит, а другие скрылись. Именно последние, а не подсудимые провезли контрабандой оружие во Францию и уже в Марселе снабдили им убийцу и Краля. На основании всех этих фактов и учитывая чисто политический характер рассматриваемого дела, защита просила оправдать всех троих обвиняемых.

Вечером 12 февраля 1936 г. суд в Экс-ан-Провансе вынес приговор Кралю, Поспишину и Райичу. Найдя их виновными в добровольном и предумышленном соучастии в убийстве короля Александра и Луи Барту и в попытке убийства генерала Жоржа и полицейского Гали приотягчающих обстоятельствах, суд приговорил всех троих к пожизненным каторжным работам и возмещению судебных издержек.

Вслед за этим суд снова удалился на непродолжительное совещание, после которого вынес решение по делу о Павеличе, Кватернике и Перчевиче. Найдя их виновными в убийстве короля Александра и Л. Барту, суд приговорил всех троих заочно к смертной казни и возмещению

судебных издержек. Таким образом, приговор усташским главарям был вынесен фактически без разбирательства в суде их доли ответственности и роли в марсельском покушении. Он явно был рассчитан на умиротворение югославских правящих кругов, требовавших суровой расправы с усташами.

Суд в Экс-ан-Провансе не выявил правды о марсельском покушении. Он оставил открытыми по сути дела все крупные вопросы, связанные с подготовкой и совершенным этим преступлением.

«Белые пятна» в полицейских досье. Вопросы без ответов

Комментируя исход процесса, английская газета «Таймс» писала в номере за 13—14 февраля 1936 г., что многие обстоятельства, сопровождавшие марсельское покушение, оставляли впечатление, будто за совершенным преступлением скрывается «что-то гораздо большее, чем чисто хорватский заговор, что опасное покровительство, проявленное по отношению к хорватским террористам, не ограничивается только Венгрией и что другие тайные организации могли быть связаны с отвратительным убийством...».

«Когда историки,— продолжала газета,— приступят к изучению архивов дворца правосудия в Эксе, чтобы разыскать там документы, раскрывающие историю убийства, они будут поражены скудостью материалов и не найдут в них указаний, кто вооружил цареубийц и почему. По этим двум вопросам ни обвиняемым, ни защите, ни свидетелям не позволили дать никаких объяснений». Следует добавить, что и органы следствия находились не в лучшем положении. Если же такие материалы и имелись, они, по-видимому, сознательно были извлечены из следственных папок. В полицейских досье зияли, таким образом, огромные «белые пятна».

О чем же умолчали документы, собранные следствием?

Прежде всего, несмотря на известную всем связь усташей с Италией, последняя не упоминалась на процессе. Правда, в собранных полицией документах имелось свидетельство французских экспертов об идентичности бомб, найденных у В. Георгиева и спрятанных Кралем, с бомба-

ми производства итальянской фирмы «Е. Бреда» в Милане. Было также установлено, что револьверы системы «Вальтер» и «Маузер», которыми были вооружены террористы, были куплены в Германии в августе 1932 г. триестской фирмой «А. Бернардон». Но эти факты не фигурировали на суде. Никаких других сведений о связи террористов с Италией не было собрано, или же они были изъяты из следственных дел.

Знала ли Италия о готовящемся покушении или, может быть, была даже его инициатором? Никаких прямых данных, которые подтвердили бы это предположение, не имеется. Утверждение сына короля Александра — Петра Карагеоргиевича, сделанное в опубликованных им в 1954 г. мемуарах, будто глава итальянской службы безопасности Эрколи Конти знал о планах подготовки покушения, не подкреплено никакими доказательствами¹. Поэтому о действительной итальянской позиции можно только предположительно судить, опираясь на общие соображения.

В политической области таких соображений два, и оба они заставляют, скорее, предполагать, что Италия не знала о подготовке данного покушения. Во-первых, в течение осени 1934 г. шла дипломатическая подготовка франко-итальянского сближения, непременным условием которого должна была быть нормализация итало-югославских отношений. И Италия делала некоторые шаги в этом направлении. Политика же сближения с Францией была несовместима с попыткой подготовить покушение на короля Александра, тем более на французской территории! Таким образом, общий курс итальянской политики имел в это время прямо противоположное направление. Покушение могло только помешать Италии и было ей в данный момент политически невыгодно.

Во-вторых, летом и осенью 1934 г. Италия начала несколько пересматривать свое отношение к устам как под влиянием общеполитической ситуации (сближение с Францией), так и по соображениям больших неудобств, связанных с поддержкой усташских террористов. Итальянские власти закрыли усташскую базу в Задаре, а после попытки покушения на короля Александра в Загребе

¹ King Peter II of Yugoslavia. A King's Heritage. New York, 1954, p. 44—45.

в декабре 1933 г. и последующих протестов Югославии, поддержанных Францией, стали ограничивать террористические действия усташей с итальянской территории. Правда, в других отношениях усташа по-прежнему продолжали пользоваться итальянским «гостеприимством», что было общеизвестно. Поэтому любая акция усташей неминуемо должна была рассматриваться как инспирированная Италией. Зная это, итальянские власти следили в последнее время за действиями усташей, опасаясь нежелательных международных осложнений. Покушение на короля Александра в Марселе показало, что мировое общественное мнение довольно единодушно возлагало ответственность за него на Италию, которая попала в исключительно неловкое положение. Неминуемость такой реакции должна была учитываться итальянской стороной, если бы она была причастна к организации покушения. Вряд ли Италия решилась бы на такой шаг, который заведомо принес бы ей гораздо больше вреда, чем пользы.

К этому можно добавить еще одно соображение. Пока усташа совершали террористические акты на территории Югославии, их можно еще было с грехом пополам рассматривать как внутривосточную проблему. Перенесение же террористических действий на территорию другой страны резко, коренным образом изменяло суть дела. Такой шаг сразу же превращался в серьезную международную провокацию, чреватую непредвиденными последствиями.

Организация покушения на короля Александра в Марселе по случаю его визита во Францию неминуемо должна была бы поставить под угрозу и жизнь французских государственных деятелей. И опять мы возвращаемся к исходному пункту рассуждений о том, что такой шаг противоречил политическим расчетам Италии, тем более что, организуя покушение руками усташей, она не могла рассчитывать на алиби!

Вышеизложенные соображения заставляют нас думать, что Италия, по всей вероятности, не знала о подготовке марсельского покушения. Это, конечно, не снимает с нее ответственности за длительную поддержку усташской организации как одного из соучастников марсельского преступления.

Второе «белое пятно» в материалах следствия связано с необъяснимым поведением французских властей. С внеш-

ней стороны оно представляется халатной небрежностью: зная о приезде короля Александра, не приняли достаточных мер по обеспечению его безопасности. Получив предупреждение о готовящемся на него покушении, не проверили этих сведений и просто отмахнулись от них, хотя обычно французские органы безопасности проявляют в таких случаях должное внимание. Наконец, в самый последний момент была ослаблена непосредственная охрана короля Александра: отряд мотоциклистов, которые должны были эскортировать его машину, был снят. Не слишком ли много случайностей? Не слишком ли все они целенаправленны и бьют в одну точку?

И в освещавшей марсельские события прессе, и в особенности в появившейся немного спустя литературе по этому вопросу неизменно подчеркивалось, что основная ответственность за трагический исход покушения падает на французскую полицию. Наиболее подробно этот вопрос разобрал известный прогрессивный американский публицист югославского происхождения Луи Адамич. В статье «Кто убил короля Александра?», впервые опубликованной в 1936 г. и помещенной в приложении к его книге «Моя родная страна», он пишет: «Я не удивляюсь, конечно, как не удивляется никто другой, почему убийца нажал на курок. Меня ставит в тупик другое: почему убийце было позволено убить короля? Я могу поставить мой вопрос следующим образом: почему французские должностные лица, ответственные за безопасность короля, оказали убийце почти прямую помощь в совершении его замысла? Или следующим образом: кто, кроме македонской и хорватской террористических организаций, желал удачи убийце и побудил французские должностные лица сделать легким убийство короля?»¹ Адамич указывал на отказ французских властей допустить во Францию югославскую охрану короля и отклонение соответствующего предложения английского Скотленд Ярда, подробно описывал инцидент, возникший после покушения в связи с желанием Сюрте насыональ (французская тайная полиция) переложить ответственность за него на марсельскую полицию и префектуру. В возникших препирательствах на свет появился ряд фактов, показывавших, что некоторые меры, принятые марсельскими властями (например, создание

¹ *L. Adamic. My Native Land, New York, 1943, p. 481.*

отряда мотоциклистов непосредственного сопровождения), были отменены представителями Сюрте насъональ, в частности комиссаром Систероном. Последний отказался дать отчет в своих действиях, ссылаясь на свой долг официального лица и уважение к своему начальству. «Принимая во внимание указанные выше факты в связи с убийством короля Александра,— писал Адамич,— не будет ли естественным сделать вывод, что кто-то или какая-то группа лиц в Париже решила или пришла к соглашению, что если в Марселе будет лицо, желающее убить его, то ответственные за его безопасность не предпримут ничего, чтобы предотвратить убийство?..

Всплывают и другие вопросы. Чьи инструкции выполнял Систерон в своем приказе против охраны из мотоциклистов? Кто и был ли вообще кто-нибудь, кто оплачивал это лицо или эти лица? Италия? Венгрия?.. Нацисты?

Знает ли кто-нибудь во Франции правду, кроме лиц, ответственных за «халатность» в Марселе? Возможно. Но если такие люди есть, они, по всей вероятности, не имеют возможности говорить»¹.

На загадочность многих сопровождавших покушение обстоятельств, на которые, однако, не было обращено достаточного внимания, указывал в свое время и В. Герцог. «О том,— писал он,— что этому покушению, несомненно, предшествовала в высшей степени тщательная и утонченная подготовка со стороны идейных вдохновителей и исполнителей, что само преступление по своим последствиям было для всей Европы одним из самых тяжелых и роковых, подозревали тогда лишь очень немногие и выражали свои чувства и суждения, на которые, однако, почти не обращали внимания или даже отклоняли их как слишком фантастичные, во всяком случае как вряд ли доказуемые»².

Адамич и Герцог были не единственными, кто питал подозрения подобного рода. Примерно такие же мысли одолевали болгарского оппозиционного деятеля, впоследствии эмигранта Косту Тодорова, хорошо знакомого с закулисной стороной деятельности ВМРО. В момент марсельского покушения К. Тодоров находился в Париже и, по его словам, получил от короля Александра приглашение навестить его во время визита во Францию. Легкое

¹ *L. Adamic. My Native Land, p. 483.*

² *W. Herzog. Barthou, S. 17.*

убийство короля в результате отсутствия должных мер со стороны Сюрте насъональ, пишет он, «давало хорошую почву для подозрения, что агенты некоей заинтересованной иностранной державы были замешаны в ее (Сюрте насъональ. — В. В.) пренебрежении элементарными предосторожностями»¹. Правда, К. Тодоров ставил под подозрение всех: Италию и Венгрию, Болгарию и Германию. Расследование, однако, не пошло по пути выяснения виновных в этом деле. К. Тодоров, наблюдавший за его развитием, с полным основанием писал: «Почти сразу же начало чувствоваться таинственное влияние. Дело было замято»².

Следствие не выяснило не только степень ответственности Сюрте насъональ за допущенные ошибки (сознательные или невольные), но и ряд других фактов. Оно даже не затронуло вопроса о том, из каких источников террористам стали известны программа пребывания короля Александра во Франции и меры по его охране, что хранилось в секрете? Ни усташи, ни ВМРО не располагали средствами самостоятельно узнать эти секреты. Между тем план покушения, выбор его места и времени был разработан на основе досконального знания всех мероприятий французских властей!

Наконец, материалы следствия совершенно обходят молчанием вопрос об участии ВМРО в марсельском покушении. Какова роль этой организации, давшей основного исполнителя террористического акта? Даже известные следствию факты должны были привести его к выводу, что в покушении участвовали по крайней мере две организации — ВМРО и усташи. При этом роль выделенных ими людей и сами люди были совершенно неравноценны. ВМРО тщательно выбрала убийцу, от которого зависел в конечном итоге успех всей операции. Пожалуй, никто так не подходил к этой роли, как В. Георгиев — террорист с опытом и полным отсутствием страха и ответственности за свои поступки, беспрекословно выполняющий распоряжения главарей своей организации.

В противоположность ВМРО усташи подошли к выбору соучастников готовящегося преступления безответственно: просто-напросто бросили жребий, который пал на трех человек, при сем присутствовавших.

¹ К. Тодоров. *Balkan Firebrand*. Chicago, 1943, p. 258.

² Там же, стр. 259.

Возвращаясь мысленно к той роли, которую реально сыграли трое усташей в покушении, невольно приходишь к мысли, что они вообще были не нужны! Ни один из них не участвовал в убийстве. Для чего же их тогда привезли во Францию? Чтобы бросить их там как живые вещественные доказательства участия усташей в покушении?

Станным кажется и роль, сыгранная Кватерником. Ясно, что главным лицом в подготовке покушения был не он. Его функции сводились к роли поводыря для четырех террористов, которых он перевозил с места на место. Но почему он с такой странной последовательностью оставлял повсюду чемоданы с их изношенным платьем, добавляя туда еще и оружие? Как будто он хотел засвидетельствовать их местопребывание для будущего следствия, которое, кстати, обнаружило все эти чемоданы.

Центральной фигурой в готовящемся покушении был «Петр Вудрачек», как бы исполнявший обязанности главного распорядителя и непосредственного руководителя всей операции. Но как раз о нем сведения следствия и собранный материал ненадежны и крайне неясны. Тем не менее очевидно, что именно он знал план предстоящей операции, который и сообщил уже в Марселе Георгиеву и Кралю. Он же дал им последнее напутствие. Бывшая вместе с ним Мария Вудрачек снабдила террористов оружием.

Таким образом, к Вудрачеку стягиваются все видимые нити марсельского преступления. Но как ни странно, его роль никак не проанализирована в документах следствия и не фигурирует в обвинении на суде! Между тем любая попытка разобраться в подготовке покушения неминуемо наталкивает на необходимость самым внимательным образом рассмотреть даже мельчайшие сведения о нем, даже крохи информации. Такие крохи мы встречаем не в материалах следствия, а в газетах, которые более подробно и, главное, откровенно писали о некоторых щекотливых проблемах, связанных с марсельским покушением.

Что же сообщили газеты такого, чего не было в материалах следствия о мистическом «Петре Вудрачке»? Очень мало! Один-единственный факт, который сам по себе не вносил ясности и лишь ставил новые вопросы, на которые не было ответов. А именно, что «Петра Вудрачека» однажды в отеле посетил «неизвестный военный атташе», некий «таинственный дипломат». Кто же был этот «неизвестный», какую страну он представлял?

В то время, когда шло следствие и казалось, что в его распоряжении будет и так достаточно материалов для того, чтобы разоблачить истинных организаторов убийства, мало кому приходило в голову, что это неясное газетное сообщение в несколько строк о «неизвестном военном атташе» гораздо ближе подходило к истине, чем материалы объемистых следственных папок. Но об этом стало известно лишь позже, много лет спустя после окончания второй мировой войны.

„Неизвестный военный атташе“**Двадцать с лишним лет спустя**

18 июля 1957 г. в Берлине состоялась международная пресс-конференция, организованная пресс-бюро при правительстве Германской Демократической Республики. Она вызвала живой интерес у немецких и многочисленных иностранных журналистов, пришедших на нее. Все собравшиеся в зале знали, что примерно два месяца тому назад, 23 мая, газета «Нейес Дейчланд» опубликовала статью, разоблачавшую политическое прошлое бывшего гитлеровского генерала Ганса Шпейделя, который стал теперь главнокомандующим сухопутными силами НАТО в Европе. Газета утверждала, что именно Шпейдель организовал в 1934 г. покушение на югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Луи Барту в Марселе. Сам Шпейдель, в то время имевший чин капитана, занимал тогда пост помощника немецкого военного атташе в Париже. Сообщение газеты было, как и следовало ожидать, немедленно опровергнуто западно-германской печатью. Оно было встречено со скептицизмом в некоторых других странах. Не кроется ли за этим просто желание немецких коммунистов очернить натовского генерала? Отрицательное отношение ГДР к Североатлантическому пакту и отводившейся в нем авангардной роли Западной Германии не представляло тайны. Поэтому сообщение газеты «Нейес Дейчланд» было воспринято некоторыми западными журналистами и политиками как пропагандистский маневр, к которому они сами так привыкли прибегать.

Что им могут сказать сегодня? Какие приведут доказательства столь серьезному обвинению в подготовке

двойного убийства? Места в президиуме заняли руководитель пресс-бюро Фриц Бейлинг, члены Национального совета Национального фронта Ганс Зейгевассер, Генрих Гофман, Геральд Геттинг, Бертольд Розе, Рудольф Агстен... С сообщением выступил Ганс Зейгевассер. По мере его выступления скептицизм западных журналистов уступал место напряженной сосредоточенности. За словами докладчика чувствовалась правда, раскрывались новые стороны жизни «третьего рейха», история одного из его бесчисленных преступлений. Зал затаил дыхание, когда Г. Зейгевассер стал зачитывать подлинные документы, связанные с подготовкой гитлеровцами убийства Л. Барту и короля Александра. В суховатой деловой форме, как будто речь шла о самых обыденных вещах, нацистские преступники вели переписку о подготовке серьезнейшей международной провокации — о предстоящем убийстве двух людей.

Из всех документов того времени найдены и опубликованы только два: письмо Германа Геринга Шпейделю, которому поручалось организовать задуманную нацистскими заправилками провокацию, и ответ Шпейделя о завершении подготовки марсельского покушения. Оба документа являлись подлинниками с печатями и личными подписями их отправителей. Кроме того, письмо Шпейделя содержало приложение, представлявшее собой машинописную копию письма агента немецкой разведки Ганса Эриха Хаака, принимавшего участие в подготовке покушения. Все эти документы неопровержимо доказывали, что инициаторами и организаторами марсельских убийств были нацистские лидеры, которые дали этому преступлению кодовое наименование — операция «Тевтонский меч».

Первый из документов — письмо Геринга Шпейделю от 1 сентября 1934 г.

«Берлин, 1 сентября 1934 г.

Имперский министр авиации

№ 3199/34с

Секретно

Помощнику военного атташе
при германском посольстве в Париже
Господину капитану д-ру Шпейделю

— лично —

Париж

В приложении направляю Вам два распоряжения фюрера и рейхсканцлера относительно операции «Тевтонский меч» и раз-

работанные исследовательским бюро моего министерства инструкции по ее осуществлению.

Распоряжения после ознакомления немедленно уничтожить. Об исполнении донести.

Геринг.

Письмо с собственноручной подписью Геринга и указанными в нем приложениями было со специальным курьером доставлено в Париж Шпейделю. Штамп посольства и пометка «3.9.34» показывают, что оно достигло адресата на третий день после его отправки.

Письмо Шпейделя помечено датой ровно месяц спустя — 3 октября 1934 г.

*«Париж, 3 октября 1934 г.
Рю-де-Лиль, 78.*

Д-р философии Ганс Шпейдель,
капитан генерального штаба,
помощник военного атташе
при германском посольстве
в Париже.

Секретно

Доставка курьером

Имперское министерство авиации
Берлин-Вест, 8

Господину Имперскому министру авиации Герингу
— лично —

Господин генерал!

Разрешите доложить Вам, что в соответствии с Вашими указаниями подготовка операции «Тевтонский меч» уже завершена.

Я подробно обсудил с господином Ванчо Михайловым все имеющиеся возможности. Мы решили провести операцию в Марселе: там встретятся оба интересующие нас лица. «Владо-шофер» подготовлен.

В приложении направляю Вам копию письма г-на доктора Хаака от 1.10. с. г.

С глубоким уважением
всегда преданный Вам
Ганс Шпейдель.

Письмо Шпейделя — подлинник с его собственным автографом. Приложение к нему — письмо Хаака к Шпейделю — являлось машинописной копией.

«Париж, 1.10.1934 г.

Дорогой Шпейдель!

Сообщаю по Вашей просьбе следующее:

Официальные торжества по случаю государственного визита состоятся в Париже. Встречать в Марсель поедут Барту и генерал Жорж.

По декрету, подписанному 21 мая 1932 г. президентом Лебренном, ответственность за поддержание порядка и безопасности возлагается на Сюрте насьональ, а именно на генерального контролера Систерона.

Александр сойдет на берег в Марселе. После выполнения первых пунктов церемониала Александр и его спутники Барту и Жорж направятся в открытом автомобиле из Старой Гавани к префектуре.

При следовании по городу автомобиль проедет по главной улице Марселя Ля-Канебьер и по улице Сен-Ферреоль. Перед префектурой состоится торжественная церемония, Александра будет приветствовать народ. Площадь перед префектурой и улица Сен-Ферреоль будут запружены толпами народа.

Путь следования кортежа разбит на участки, на которых для обеспечения порядка и безопасности будут использованы лишь полицейские наружной службы численностью около 1300 человек.

Поскольку торжественная процессия будет продвигаться медленно, охрану с участков, по которым автомобиль уже проедет, будут снимать и перебрасывать вперед для усиления охраны следующих участков.

Армия для охраны порядка не привлекается. По словам де Лафоркада, предусмотренный ранее эскорт мотоциклистов будет отменен. Об этом я сообщу Вам дополнительно.

Всегда Ваш Ганс Хаак».

Опубликованные документы, несмотря на их неполноту, неопровержимо свидетельствуют об одном: организаторами и вдохновителями террористического акта в Марселе были заправилы фашистской Германии. Именно они дали этому преступлению кодовое наименование — операция «Тевтонский меч» — и поручили ее исполнение Гансу Шпейделю.

На той же пресс-конференции 18 июля 1957 г. президентом Национального совета Национального фронта демократической Германии обратился с воззванием ко всем народам и парламентам Европы, ко всей мировой общественности с предупреждением об опасности, которую несут с собой военные преступники, милитаристы и фашисты,

окопавшиеся в западногерманском государственном аппарате и возрождающихся вооруженных силах. «Мы выдвигаем обвинение против генерала западногерманского бундесвера Ганса Шпейделя, ныне главнокомандующего сухопутными силами НАТО в Центральной Европе», — говорилось в обращении. Указав на его ответственность как соучастника двойного убийства в Марселе, Президиум Национального совета заявлял: «Мы считаем нашей обязанностью разоблачить это преступление нынешнего генерала Шпейделя»¹.

Разоблачение преступлений Шпейделя вызвало возмущение прогрессивной мировой общественности. В правящих кругах западных стран наступило замешательство, которое, впрочем, они быстро преодолели. Против документов, разоблачающих Шпейделя, был организован заговор молчания.

Карьера четырехзвездного генерала НАТО

Политическая история германского империализма знала немало «блистательных» карьер военных атташе. Занимаясь деятельностью, объединявшей дипломатию с разведкой, а военное ремесло с политикой, они подчас вырабатывали в себе такие качества и завязывали такие связи, которые выносили их на самый верх германской государственной иерархии. Сомнительные авантюры, а иногда и просто политические преступления, совершенные ими на этом пути, не только не мешали их продвижению, но, наоборот, придавали им репутацию «надежных» людей, на которых можно положиться в любой ситуации.

В годы первой мировой войны военным атташе Германии в США (до вступления Америки в войну в 1917 г.) был Франц фон Папен. С его именем связана организация диверсий на американских заводах и фабриках, выполнявших военные заказы стран Антанты, взрывы и пожары в портах и на кораблях, перевозивших военные грузы. В период Веймарской республики Папен был связан с самыми реакционными кругами. Занимая в июне — декабре 1932 г. пост рейхсканцлера, он сделал очень много, чтобы расчистить путь для прихода Гитлера к власти. В качестве

¹ «Neues Deutschland», 19. VII. 1957.

вицеканцлера в первое время он входил в правительство, возглавляемое Гитлером. Двуличный политик, святоша на показ, он недаром заслужил репутацию «сатаны в сутане». Его способности политического оборотня были по достоинству оценены и использованы Гитлером. Папен был назначен послом в Австрию и на этом посту подготовил политическую почву для ее аншлюса. Во время второй мировой войны он был послом в Турции, готовый в любую минуту приступить к поискам дипломатического выхода из политического тупика, куда фашисты завели Германию. Не его вина, что такого приказа он не получил от Гитлера. Привлеченный в качестве главного военного преступника к суду Нюрнбергского трибунала, он использовал все свои политические связи с реакционными кругами Запада, чтобы добиться оправдательного приговора.

«Двуликий адмирал» называли Вильгельма Канариса все знавшие его. Военно-морской офицер, рано проявивший свой авантюрный характер, он также прошел путь военно-дипломатической и разведывательной службы. Возглавив впоследствии гитлеровскую военную разведку, он стал одним из самых могущественных людей в «третьем рейхе».

В биографии Шпейделя есть много моментов, напоминавших жизненные судьбы Папена и Канариса. Были присущи ему и некоторые черты их характеров, что внутренне как бы роднило их: авантюризм, двуличие и привычка вести двойную жизнь, неразборчивость в средствах для достижения поставленных целей, общая реакционность взглядов, свойственная офицерской касте.

Начало биографии Шпейделя не предвещало столь бурного успеха. Он родился в 1897 г. в семье лесничего в Бюртемберге (южная Германия). В годы первой мировой войны Ганс Шпейдель — лейтенант кайзеровской армии. Дальнейшая служба в рейхсвере казалась ему тусклой. В 1923 г. он поступает в университет, где изучает философию. Как и многие другие прилежные немецкие студенты, Шпейдель представил в конце обучения работу, которая по традиции носила громкое название «докторская диссертация» и дала ему право ставить перед своей фамилией ученый титул «доктор философии». Своего собственного философского пороха лейтенант в отставке не избрал, да и не претендовал на это. Об этом говорила и тема его диссертации: «1813—1924 годы. Военно-политический

анализ». Зато она дала ему возможность серьезно ознакомиться с событиями минувшего столетия и поразмыслить над ними, что бывало не столь уж частым явлением в офицерской среде. Гораздо более типичным для этой среды был ход его мыслей. Диссертация выдержана в духе ницшеанской философии с ее прославлением силы и сильного человека. Последнее роднило ее с идеологией национал-социализма, как раз в это время начинавшего приобретать все большее влияние в политической жизни Германии.

Дальнейшая карьера Ганса Шпейделя начинает постепенно приобретать характер двойной жизни. С внешней стороны все кажется как будто ясным: новоиспеченный доктор философии возвращается умудренным в лоно рейхсвера, получает там вскоре чин капитана. С 1930 г. он служит в Генеральном штабе, а с 1933 г. получает ответственное назначение на пост помощника германского военного атташе во Франции. Действительная история этих передвижений гораздо сложнее и обнаруживает их тайную пружину: ко времени назначения на военно-дипломатический пост в Париже Ганс Шпейдель был уже связан с особой нацистской секретной службой — так называемым Исследовательским бюро, которым руководил Герман Геринг. Если связь с «Исследовательским бюро» помогла ему получить пост помощника военного атташе, то этот пост прямо приобщил его к деятельности немецкой военной разведки во Франции, к ее агентурной сети в военных и политических кругах.

Участие Шпейделя в организации покушения на короля Александра и Луи Барту не выглядит в свете этих фактов чем-то необычным или неожиданным. Наоборот, оно является логическим следствием его положения как человека, занимавшего одно из ведущих мест в системе немецкой разведки во Франции. Подготовка операции «Тевтонский меч» — самое крупное его достижение на этом поприще. Поручение провести эту сложную операцию — свидетельство доверия к нему и веры в его способности со стороны нацистских руководителей. Успешное осуществление операции открыло ему широкую дорогу для дальнейшей карьеры. Год спустя Шпейдель получил очередной чин майора и был переведен на работу в Генеральный штаб в отдел «Иностранные армии». Здесь он продолжал заниматься изучением военного и политического положения Франции, не прывая связей с разведкой.

Назначение Шпейделя летом 1939 г. на пост военного атташе гитлеровской Германии во франкистской Испании — интересный штрих в его биографии, показывающий его значительный вес в немецкой разведке. Как известно, пост военного атташе в Мадриде в годы первой мировой войны был одним из самых крупных в системе германского шпионажа, своего рода диспетчерской службой, ведавшей связями с агентурой в отдаленных частях света, а также во Франции и Англии. Старые связи поддерживались и в межвоенный период. С 1935 г., когда Канарис возглавил абвер, он лично не раз бывал в Испании, возобновляя прежние связи и завязывая новые, помогая готовить франкистский мятеж и душить Испанскую республику. После победы франкистского режима в Испании Мадрид превратился в один из опорных пунктов немецкой разведки. Еще в 1938 г. через немецкого военного атташе в Мадриде были налажены каналы связи с агентами разведки во Франции и Северной Африке, США и Латинской Америке. Назначение на этот пост Шпейделя последовало в момент политического кризиса в Европе, когда германская разведка в предвидении войны спешно укрепляла свои опорные пункты в тех странах, откуда в период войны она могла бы руководить агентурой в отдаленных частях света и в странах, с которыми нельзя было бы поддерживать связи непосредственно из Германии. Шпейделю, ставшему к тому времени подполковником, доверили один из командных постов в системе военно-разведывательной службы — абвере.

Летом 1940 г. «talанты» Шпейделя вновь были использованы в хорошо известной ему Франции: в июне он был назначен начальником штаба немецких оккупационных войск. Не оставлял он и «дипломатической» деятельности: подписанное 25 июля 1940 г. «соглашение о перемирии» между Германией и Францией, навязывавшее последней унижительные для великой страны условия, было составлено Г. Шпейделем. Около двух лет провел он во Франции, организовывая систематическое ограбление страны и подавление движения Сопротивления. Его доклады и распоряжения этого времени наполнены сообщениями о борьбе против французских патриотов, о расстрелах заложников и бесчисленных арестах и высылках в концлагеря.

С весны 1942 г. наступает та полоса в биографии Ганса Шпейделя, которая особенно затрагивает советских

людей,— его назначение на Восточный фронт в качестве начальника штаба 5-го армейского корпуса, а затем 8-й армии. Военными лаврами он себя не увенчал. Зато он отличился в варварском уничтожении советских городов и сел, в проведении «тактики выжженной земли», применявшейся отступавшими немецкими войсками. Его путь через Воронежскую, Белгородскую, Харьковскую, Полтавскую и Кировоградскую области отмечен пожарами и пепелищами, взорванными при отступлении (еще уцелевшими до того времени) заводами и шахтами, мостами и вокзалами, больницами и школами. Страшными преступлениями против мирного населения, безжалостной и бессмысленной жестокостью оборачивалась пунктуальность Шпейделя в выполнении гитлеровского приказа о «выжженной земле». К тому же он не был просто исполнителем: он проявлял немалую изобретательность и собственную инициативу, нередко сам выступал инициатором варварских мероприятий, ведших к гибели советских людей. Его путь окончился под Корсунь-Шевченковским, где 8-я армия, начальником штаба которой был Ганс Шпейдель, попала в окружение и в феврале 1944 г. была уничтожена. Самому Шпейделю, правда, удалось удрать.

Весной 1944 г. генерал-лейтенант Шпейдель был назначен снова во Францию начальником штаба группы армий «Б», которой командовал фельдмаршал Э. Роммель. К этому времени уже отчетливо проявилась перспектива поражения гитлеровской Германии в войне, о чем все чаще задумывался Шпейдель. Подобные мысли беспокоили не только его, но и многих других. В рядах германского генералитета начали созревать идеи об окончании войны политическим путем, так как на военную победу рассчитывать уже не приходилось. Но эти мысли неизбежно сводились к одному и тому же: надо договориться с западными державами, а с Советским Союзом продолжать войну, по возможности заручившись поддержкой Запада. Замысел, как видно, особой оригинальностью не отличался. О нем подумывал и Гитлер. Но в отличие от него генералы понимали, что главным препятствием на пути к осуществлению этого плана являлся сам бесноватый фюрер. Пока он вел их от победы к победе, они беспрекословно повиновались ему. Теперь же в генеральской среде оформилась группа, решившая убрать Гитлера и договориться с Западом.

Среди заговорщиков выделялись генерал-полковник Л. Бек, генерал фон Штюльпнагель, генерал-фельдмаршал фон Клюге, политическое руководство осуществлял бывший обер-бургомистр Лейпцига К. Герделер. Заговорщики установили связь с фельдмаршалом Роммелем, который активно включился в их деятельность. Они намеревались, устранив Гитлера, взять власть в свои руки, опираясь на силы армии. Учитывая популярность Роммеля, заговорщики предполагали наделить его функциями рейхспрезидента. Роммелю отводилась роль военного диктатора в опасный переходный период. В правительство должны были войти генерал-полковник Л. Бек, генерал-фельдмаршал Э. фон Витцлебен и К. Герделер. Составив планы, заговорщики действовали, однако, медленно и нерешительно. Они не сумели совершить покушение на Гитлера и захватить власть в решающую минуту. Заговор окончился провалом.

Какова же была роль Шпейделя в заговоре? Став начальником штаба Роммеля, он оказался в самой гуще событий. Шпейдель пользовался полным доверием Роммеля, своего старого знакомого и земляка, который посвятил его во все тайные планы и замыслы. Шпейдель полностью разделял взгляды Роммеля и других заговорщиков и готов был последовать за ними в случае удачи. Но, как видно, он был не намерен разделять с ними неудачи. После провала заговора Гитлер жестоко расправился с его участниками и даже с теми, кто подозревался в сочувствии им. Были казнены К. Герделер, фон Витцлебен, фон Штюльпнагель и десятки других генералов и сотни офицеров. Не дожидаясь расправы, покончили с собой генерал Л. Бек и фельдмаршал фон Клюге. Принудили к самоубийству Роммеля. Из активных участников заговора, входивших в центральное его ядро, в живых остался только один Шпейдель. Случайность? Нет. Милость за предательство.

Шпейдель предал Роммеля. Об этом еще в конце войны — в апреле 1945 г. — заявил под присягой Манфред Роммель — сын покойного фельдмаршала. Арестованный гестапо, Шпейдель раскрыл все планы заговорщиков и показал, что Роммель играл руководящую роль среди них и не принял участия в путче 20 июля 1944 г. только благодаря случайности: за несколько дней до этого он получил тяжелые ранения во Франции и находился в госпитале в состоянии беспамятства. Шпейдель сохранил себе

жизнь ценой предательства. Позже, уже после войны, он пытался уничтожить улики своего предательства, изъяв подлинник заявления Манфреда Роммеля. Но это было несколько запоздалым шагом: оно к тому времени было уже опубликовано. Возможно также, что Шпейделю помогли сохранить жизнь его старые связи с нацистской секретной службой и Герингом. Во всяком случае расстрелян он не был, в то время как многие заплатились своей жизнью только за то, что были просто знакомы с заговорщиками.

Зиму 1944/45 г. Шпейделю все же пришлось провести в тюрьме в Кюстрине. Но это мало его беспокоило: он понимал, что дни гитлеровского режима сочтены и лучше дожидаться его конца в тюрьме, чем за ее стенами, которые как бы отделяли его от необходимости разделить судьбу с другими нацистскими преступниками. Беспокоило его другое: к Кюстрину приближалась Красная Армия, а оказаться в числе военнопленных мало прельщало Шпейделя. Ему удалось уговорить эсэсовца — коменданта кюстринской тюрьмы — бежать вместе на запад. Здесь они и сдались весной 1945 г. англо-американским войскам.

Актом капитуляции кончилась карьера для большинства гитлеровских генералов. Но только не для Шпейделя. Можно сказать, что вся его прошлая жизнь была всего лишь прелюдией для той роли, которую ему было суждено сыграть в послевоенные годы. Именно он стал человеком, подготовившим условия для быстрого возрождения реваншистской армии в аденауэровской Западной Германии. Под его руководством — когда явным, а когда и скрытым — создавался бундесвер.

Что же дало Шпейделю возможность стать в ФРГ генералом № 1? Для ответа на этот вопрос необходимо представить себе ситуацию, в которой оказались милитаристские круги германского империализма после войны, и потери, понесенные в результате поражения.

Разгром гитлеровской Германии явился колоссальным ударом по германской военщине. Прекратил свое существование Генеральный штаб — рассадник милитаризма и питомник реваншистских идей — и другие военные учреждения. Огромные потери понесли кадровое офицерство и генералитет. Из общего числа несколько более 1500 генералов и адмиралов, возглавлявших гитлеровскую военную машину, погибли в ходе военных действий, умерли от болезней и несчастных случаев, расстреляны по пригово-

рам гитлеровских судов и покончили самоубийством около 1000 человек. Другими словами, около $\frac{2}{3}$ германского генералитета было уничтожено в годы войны! В плен к союзникам, в основном к англо-американским войскам, попали 553 генерала и адмирала. Из них 58 человек были впоследствии приговорены к смертной казни за совершенные ими преступления и многие — к различным срокам тюремного заключения. Казалось, что германскому милитаризму наступил конец, что он перестал существовать как организационно, так и физически.

Но это первое впечатление было обманчиво. Сохранилась социальная основа милитаризма — германский империализм. Германские тресты и монополии, также понесшие урон вследствие военного поражения, первыми начали оправляться от потерь, опираясь на помощь западных держав, прежде всего США. Не бездействовали и оставшиеся в живых генералы. По решению американского генштаба они были собраны в три лагеря в американской оккупационной зоне и посажены за работу: им было приказано написать историю военных действий вермахта в годы войны. Работа продолжалась около трех лет, с 1946 по 1948 г. В это время генералы занимались не только передачей своего «опыта» американцам, но и обдумывали уроки истории для будущего. Прямым следствием их работы было появление в Западной Германии потока написанных ими исследований, мемуаров, статей, которые положили начало «идеологическому перевооружению» германского милитаризма.

Но особенно оживились реакционные и реваншистские силы после образования в 1949 г. на территории западных оккупационных зон Федеративной Республики Германии, что увенчало проводившуюся США, Англией и Францией политику раскола Германии и включения ФРГ в Западный блок. Наступила пора подготовки к возрождению вооруженных сил германского империализма. Вместе с тем остро встала проблема высших военных кадров, способных организовать этот процесс и возглавить новую армию. События и время потрепали германских генералов: одни были скомпрометированы, другие одряхлели. Вот в таких условиях и начала восходить звезда Ганса Шпейделя.

С 1948 г. Г. Шпейдель установил тесный контакт с Аденауэром. Их сотрудничество продолжалось до самого конца «эры Аденауэра», когда окончилась «эра» и самого

Шпейделя. При Аденауэре он исполнял вначале роль основного неофициального советника по военным вопросам, а затем и официально возглавил всю деятельность по воссозданию бундесвера. Боннские реваншисты старались на первых порах замаскировать свою деятельность. Первым правительственным военным учреждением в ФРГ стало созданное в январе 1951 г. так называемое Бюро по разрешению всех вопросов, связанных с размещением союзных оккупационных войск, во главе с доверенным лицом Аденауэра — Теодором Бланком. О подлинном характере этого «бюро», или «ведомства Бланка», как его сокращенно называли, свидетельствует тот факт, что четыре года спустя, в 1955 г., его просто переименовали в военное министерство, где Шпейдель возглавлял центральный по значению военный отдел, руководивший всеми родами войск. Но в первое время особую важность для германских милитаристов имела задача легализации деятельности по воссозданию армии. Сделать же это можно было только с согласия западных держав, при их постоянной поддержке и в контакте с ними. И Шпейделю была поручена важная миссия — возглавить специальную делегацию «ведомства Бланка» при штаб-квартире НАТО в Париже. Так Шпейдель 6 лет спустя после окончания войны, в 1951 г., снова оказался в Париже.

Прошлый опыт Шпейделя на военно-дипломатической работе, равно как и превосходное знание Франции и других европейских стран, пригодились ему на новом посту. Пригодилось и его умение быстро завязывать связи и производить приятное впечатление на окружающих. Западная пропаганда старалась создать ему ореол борца против Гитлера и раздувала степень его участия в заговоре 20 июля 1944 г. Его изображали чуть ли не как жертву фашизма. Ему пели дифирамбы, прославляя в его лице «профессионального солдата необычного типа», рисуя образ «философа в мундире».

В эти годы Шпейдель делил свое время между Парижем, где вел переговоры о создании Европейского оборонительного сообщества и подготавливал Парижские соглашения, подписанные в 1954 г. и оформившие вступление ФРГ в НАТО, и Бонном, где вел непосредственную работу по подготовке воссоздания вооруженных сил. С января 1956 г. началось создание частей бундесвера. Западногерманская армия стала фактом. Первыми ее генералами

стали Шпейдель и Адольф Хойзингер, бывший начальник оперативного отдела ОКХ гитлеровского вермахта.

Рождение бундесвера было отпраздновано парадом войск, первым военным парадом западногерманской армии после войны, который состоялся в январе 1956 г. в городе Андернахте. Принимали его Аденауэр и бывшие гитлеровские генералы Шпейдель и Хойзингер, что символически подчеркивало не только их роль в воссоздании вооруженных сил германского империализма, но и преемственность между вермахтом и бундесвером.

Но вскоре германским империалистам стало тесно в границах ФРГ. Их замыслы простирались на всю Западную Европу, которую они хотели бы привлечь к выполнению своих реваншистских планов на Востоке. Осуществить эти замыслы было доверено Шпейделю. В апреле 1957 г. правители ФРГ добились назначения его на должность командующего сухопутными силами НАТО в Центральной Европе.

Новое назначение Шпейделя поставило под его командование не только западногерманскую армию, но и войска США, Англии и Франции, дислоцированные в ФРГ, а также армии других европейских стран, входящих в НАТО (Норвегии, Дании и др.). Естественно, что фигура Шпейделя, украсившего свой мундир четырьмя звездами, что было высшим чином в НАТО, привлекла к себе внимание. Изучение его биографии показало, что прошлое «философа в мундире» далеко не безупречно. На его воинской чести — грязное пятно предательства, в списке его деяний — ряд преступлений. И список последних открывается участием в подготовке покушения на короля Александра и Барту в 1934 г. в Марселе. Здесь начало его карьеры, тайная пружина, способствовавшая его быстрому продвижению.

В 1963 г., в возрасте 65 лет, Ганс Шпейдель вышел в отставку. Он мог с полным правом сказать, что всю свою жизнь беззаветно служил той среде, которую представлял, той касте милитаристов, к которой принадлежал. Участие в воссоздании западногерманских вооруженных сил завершало его карьеру.

Таков Ганс Шпейдель, плоть от плоти германских милитаристов и реваншистов, разведчик, философ, дипломат, генерал, а в целом военный преступник.

„Исследовательское бюро“ на Беренштрассе

Какие цели преследовали нацистские главари, организовав марсельское покушение? На этот вопрос документы, имеющиеся в распоряжении исследователей, пока не дают ответа. Уж слишком разными людьми были король Александр и Луи Барту, павшие жертвами террористического покушения. Югославский историк Д. Бибер, опубликовавший в 1964 г. статью «Усташи и Третий рейх», становится в тупик и не может найти ответа на этот вопрос. «Устранение Барту, без сомнения, соответствовало целям нацистской политики,— пишет Д. Бибер.— Однако остается весьма неясным вопрос, можно ли то же самое утверждать и в отношении короля Александра»¹. Действительно, чем мог столь реакционный политик, как король Александр, мешать Германии в такой мере, чтобы потребовалось его устранение?

Личность короля Александра была весьма противоречивой. Реакционный политический деятель, душитель революционного движения и свободы народов Югославии, он в то же время выступал на международной арене как противник гитлеровских планов ревизии Вёрсальской системы. Как мы видели выше, он пошел вслед за Францией и разделял мнение Барту о необходимости создания в Европе системы коллективной безопасности с участием Советского Союза. Он подтверждал идею создания Дунайского пакта, призванного гарантировать независимость Авст-

¹ D. Biber. Ustaše i Treći Reich. «Jugoslovenski istorijski časopis», № 2, 1964, S. 46.

рии от нацистских происков. Отношение короля Александра к общеевропейским проблемам и самостоятельность его как политического деятеля не давали гитлеровской Германии никаких оснований надеяться на то, что в лице короля Александра она сможет приобрести союзника, а тем более превратить его в сателлита.

Ответ на вопрос о целях марсельского покушения заключался, по нашему мнению, не в личности короля Александра, а в общем направлении нацистской политики того времени. Его следует искать во внешнеполитических проблемах, стоявших перед гитлеровским руководством, а также в нацистских методах и способах их решения.

Для освещения этих проблем особое значение имеет дневник А. Розенберга, представляющий собой ценный источник как раз по периоду второй половины 1934 — начала 1935 г. В данном случае Розенберг важен для нас не только как один из высших нацистских лидеров, оставивший свидетельство об умонастроениях всей фашистской верхушки того периода, но и как человек, имевший связи с усташами.

Обиды д-ра Альфреда Розенберга

Когда после «пивного путча» в Мюнхене в 1923 г. Гитлера посадили в тюрьму, национал-социалистскую партию по его распоряжению возглавил на это время д-р Альфред Розенберг, что показывало его место в нацистской иерархии. Выходец из России, тесно связанный с самыми реакционными кругами белой эмиграции, крайний националист и антисемит А. Розенберг был идеологом национал-социализма, тогда только еще создававшегося и развивавшего бредовые расистские идеи. Розенберг редактировал нацистскую газету «Фолькишер Беобахтер», его имя постоянно упоминалось наряду с именем Гитлера. Но с течением времени между именами Розенберга и Гитлера прочно заняли место другие имена: Геринг, ставший вторым человеком в партии после Гитлера; Гесс, назначенный заместителем фюрера по партийным делам; Геббельс, проявивший незаурядную активность в пропаганде нацистских идей и показавший способности демагога-агитатора; Гиммлер, сосредоточивший в своих руках командование эсэсовскими частями, а после прихода фашизма к власти возглавивший политическую полицию рейха.

Розенберга все дальше оттирали от нацистского олимпа, и его тщеславие постоянно испытывало уколы, удары и щипки. Он был глубоко убежден в своем величии мыслителя и переживал, что даже в нацистских кругах к нему не относятся с должным уважением и нередко иронизируют и непочтительно подшучивают над ним. Подумать только, даже такой мальчишка, как Бальдур фон Ширах, «фюрер» молодежного нацистского движения, позволил себе заметить на его счет, что книгой «Миф XX века» — вершиной своего творчества — Розенберг установил своеобразный авторский рекорд: распространил более полумиллиона экземпляров этого сочинения, которое не смог до конца прочесть ни один читатель!

Приход фашизма к власти в январе 1933 г. вдохнул в Розенберга новые надежды. Нацистские лидеры рьяно принялись делить между собой доходные должности. Распределялись высшие государственные посты, создавались новые. Розенберг был счастлив: Гитлер твердо обещал сделать его министром иностранных дел и передать ему все управление внешней политикой нацизма. Недаром же Розенберг уже долгое время возглавлял Внешнеполитическое бюро национал-социалистской партии и ведал всеми связями фашистов с родственными политическими течениями за пределами Германии.

Но время шло, а Гитлер не торопился выполнять свое обещание. Нетерпение Розенберга начало перерастать в раздражение против министерства иностранных дел и возглавлявшего его Ф. фон Нейрата. Розенберг не был одинок в своем недоверии к МИДу. Его разделяли и другие нацистские лидеры. Сам Гитлер называл МИД «сообщество заговорщиков». Розенберг же именовал его сотрудников не иначе как «саботажники». Конечно, весь аппарат германского МИДа во главе с Нейратом верой и правдой служил экспансионистским целям Гитлера и других нацистских лидеров. Но последние упорно не доверяли ему. Для противовеса МИДу было создано так называемое бюро Риббентропа, который получил особый пост уполномоченного по внешнеполитическим делам.

Конфликты Розенберга и Риббентропа с Нейратом были характерным явлением для первых лет пребывания фашистов у власти. Розенберг, считая себя будущим руководителем внешней политики национал-социалистов, был убежден, что только из-за уважения к доживающему по-

следние дни президенту Гинденбургу Гитлер все еще терпел Нейрата на посту министра иностранных дел.

Разногласия между Розенбергом и Нейратом вспыхивали и по вопросам политики в отношении Югославии. В конце 1933 — начале 1934 г. между ними разгорелся спор из-за хорватской эмиграции в Германии в связи с так называемым делом Елича. Суть дела, как оно нашло отражение в германских дипломатических документах, заключалась в следующем. Б. Елич, один из лидеров хорватской эмиграции, издавал в Германии две резко антиюгославские газеты. Одна из них называлась «Независна Држава Хрватска», другая — «Кроациа-пресс». Деятельность Елича служила поводом для неоднократных протестов со стороны югославской миссии в Берлине. В конце концов осенью 1933 г. германский МИД принял решение закрыть обе усташские газеты. Однако в защиту Елича дружно выступили Внешнеполитическое бюро А. Розенберга и военное министерство. Представитель последнего указывал, например, что они исходят из предположения, что в случае возникновения войны в Европе Югославия будет на стороне противников Германии. Поэтому враждебная Югославии усташская эмиграция должна приветствоваться как важный союзник. Не говоря уже об использовании эмиграции в разведывательных целях, военное министерство в случае возникновения войны надеялось с ее помощью поднять на восстание хорватское население в самой Югославии, как подчеркивалось в письме в МИД. Внешнеполитическое бюро А. Розенберга со своей стороны указывало, что оно связано с Еличем и что тот «неоднократно оказывал ценные услуги»¹.

Разногласия между МИДом и Внешнеполитическим бюро привели к открытому конфликту. МИД доказывал, что Б. Елич и издаваемые им газеты стали серьезным бременем в отношениях с Югославией. В подтверждение этого мнения приводилось донесение гестапо, которое специально посылало секретного агента в Белград для выяснения данного вопроса. Этот агент поддержал позицию МИДа. Наконец, указывалось, что фюрер дал новому немецкому посланнику в Югославии фон Герену специальные инструкции, в которых рекомендовал особо внимательное отношение к Югославии.

¹ «DGFP», Series C, Vol. II, Doc. N 72, p. 133—134.

В конечном итоге конфликт был разрешен лично Гитлером в пользу МИДа. Но даже и после этого усташские эмигрантские газеты продолжали выходить еще около двух месяцев. Они были закрыты в Берлине в конце января 1934 г. Однако им разрешили обосноваться (с помощью Внешнеполитического бюро) в «свободном городе Данциге». Их выход прекратился только весной 1934 г., когда, согласно сообщениям прессы, югославы в ходе переговоров о заключении торгового договора с Германией потребовали от нее доказательства доброй воли в виде запрещения усташских публикаций. На этот шаг помимо заинтересованности в сближении с Югославией нацистские власти решились также, по-видимому, и потому, что в то время в мировой прессе появились сообщения о связях бюро Розенберга с усташами. Тем не менее усташки продолжали поддерживать связи не только с Внешнеполитическим бюро, но и с военной разведкой и гестапо.

Как видно из этого случая, вопрос об отношениях с Югославией вызывал большие трения в государственном аппарате фашистской Германии. Все же к середине 1934 г. одержала верх линия на укрепление отношений с Югославией. Но факты свидетельствуют также и о том, что в гитлеровском государственном аппарате продолжалась борьба за право руководства внешней политикой, в частности по отношению к Югославии. Конфликт между Нейратом и Розенбергом имел еще одно весьма своеобразное последствие. В апреле 1934 г., после визита Геринга в Белград, где он вел небезуспешные переговоры с югославскими правящими кругами, Гитлер наделил Геринга чрезвычайными полномочиями в деле руководства немецкими отношениями с Югославией. Начиная с этого времени отношения Югославии с Германией регулировались не только и даже не столько по обычным дипломатическим каналам, сколько разрешались югославскими правителями через непосредственного представителя Геринга в Белграде — германского генерального консула Нейхаузена.

Между тем события лета 1934 г. значительно изменили международное положение Германии. Создалась реальная угроза не только ее полной изоляции на международной арене, но и создания системы коллективной безопасности, которая рассматривалась нацистами как континентальный блок, направленный против их реваншистских и экспанси-

онистских целей. Не допустить образования Восточного пакта с участием Советского Союза и Франции стало главной целью германской внешней политики. Для более успешного осуществления своих замыслов гитлеровцы нуждались в союзнике на международной арене. Их взоры обратились прежде всего к Италии — идейно родственному фашистскому государству. Но опыт показал, что надежды Германии на установление взаимопонимания с Италией были по меньшей мере преждевременными. Свидание Гитлера с Муссолини 14 июня 1934 г. в Венеции не увенчалось конкретными результатами. Противоречия между Германией и Италией по вопросу о будущем Австрии не были разрешены и являлись основным препятствием на пути к их сближению. Оба фашистских диктатора остались недовольны друг другом и холодно расстались. Особенно плохое впечатление произвел Гитлер на Муссолини, который видел его в первый раз и отнесся к нему иронически. Это проявилось уже на аэродроме во время встречи Гитлера. Последний вышел из самолета в старом бежевом макинтоше, который был ему явно коротковат, и прыгающей походкой направился к ожидавшему его Муссолини. Дуче был великолепен в расшитом золотом мундире главнокомандующего. Не отставала от него и свита. Зная о желании Муссолини возродить блеск Римской империи и с намерением польстить своему хозяину, Гитлер приветствовал его древнеримским возгласом: «Аве, император!»¹ В глазах Муссолини мелькнула насмешка. «Аве, имитатор!» — ответил он своему нескладно выглядевшему гостю. Пройдет еще несколько лет, и Муссолини станет не до шуток...

Между тем внутренняя борьба в самой Германии привела 30 июня 1934 г. к кровавой расправе Гитлера со своими противниками. «Ночь длинных ножей» вызвала бурную реакцию за рубежом. В западных странах даже поклонники Гитлера, восхвалявшие его умение расправляться с коммунистической партией, были шокированы, когда дело дошло до уничтожения политических противников из буржуазного лагеря. «30 июня, — записал в своем дневнике А. Розенберг, — произвело во всем мире почти катастрофическое впечатление»². Нацистское руковод-

¹ «Ave, imperator» (лат.) — «привет тебе, император».

² «Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs aus den Jahren 1934—1935 und 1939—1940». Göttingen, 1956, S. 39.

ство понимало, что престижу Германии нанесен сильный удар.

Последовавший 25 июля 1934 г. нацистский путч в Австрии и убийство канцлера Дольфуса еще больше осложнили положение Германии и резко обострили ее отношения с Италией. «События развиваются быстро. Убийство Дольфуса, ужасная травля Германии во всем мире, сегодня — смерть Гинденбурга...»¹ — записал 2 августа 1934 г. Розенберг в своем дневнике. Он был так сильно обеспокоен неблагоприятным развитием событий, что решил прервать свой отдых, чтобы посоветоваться с другими нацистскими лидерами о внешнеполитическом положении страны. При этом Розенбергом владели и иные чувства. Узнав о смерти Гинденбурга, он прежде всего возрадовался тому, что теперь-то наконец Гитлер приберет МИД к своим рукам. И Розенберг надеялся, что для него наступил подходящий момент занять место Нейрата.

2 августа 1934 г. Розенберг отправился в Мюнхен. Вначале он обсудил интересовавшие его вопросы с Гессом. Розенберг коротко записал в своем дневнике, что он потребовал для себя особых полномочий в деле руководства внешней политикой нацистского движения, а Гесс согласился доложить об этом фюреру. Розенберг ничего больше не сообщает по этому поводу, а, судя по дальнейшим событиям, таких полномочий он не получил. Окончательное решение внешнеполитических вопросов продолжало и впредь зависеть только от самого Гитлера.

Встреча Розенберга с Гитлером утром того же дня длилась недолго. Розенберг, как всегда, жаловался на очередные расхождения с МИДом. Но Гитлер не реагировал на это так, как хотелось бы Розенбергу, и держался сухо. Он только коротко заметил, что теперь, когда он принял на себя и полномочия рейхспрезидента, с МИДом «шутки кончились». О других внешнеполитических темах, затронутых в беседе, Розенберг ничего не сообщает.

В Мюнхене Розенберг не только излагал свои мысли и планы Гитлеру и Гессу, но и, конечно, получил значительную информацию о настроениях фашистской верхушки. Поэтому преломление происшедших летом 1934 г. событий в сознании Розенберга представляет значительный интерес. Дневники Розенберга проливают некоторый свет

¹ «Das politische Tagebuch A. Rosenbergs...», S. 40.

на ход его мыслей, которые, вероятно, разделялись и другими нацистскими лидерами в то время. Прежде всего он был возмущен реакцией Италии на австрийские события. Никто не ожидал, «что Италия будет действовать таким *подлым* (подчеркнуто Розенбергом. — *Прим. ред.*) образом в связи со случаем с Дольфусом»¹, — писал он. Нацисты понимали, что сближение Италии с Францией на основе гарантии австрийской независимости могло серьезно затруднить, а то и вовсе лишить их возможности вести дальнейшие происки в Австрии. Кроме того, австрийские события активизировали деятельность французской дипломатии по созданию Восточного и Дунайского пактов. Развитие международных событий приняло угрожающий для гитлеровской Германии поворот.

Франко-итальянское сближение явно беспокоило Розенберга. Позиция Италии занимала значительное место в его мыслях. Муссолини, рассуждал Розенберг, сильно повредил себе своей политикой в австрийском вопросе. Ему теперь *никто* (видимо, никто из нацистских лидеров? — *В. В.*) не верит. Но самое важное — Германия должна теперь искать новые пути во внешней политике, а это приведет к тому, что «Италия лишится немецкой карты в Париже». Тем самым, продолжал он свои рассуждения, принимая уже в мечтах желаемое за действительное, «ценность этой страны, которая в общем не имеет своей собственной стоимости, падает почти на 50%»².

Розенберг был не из тех людей, которые держат при себе свои мысли, когда они у них есть. Своими соображениями он, несомненно, делился и с другими нацистскими главарями. В своих дневниках он ничего не говорит о том, какими путями он намеревался «лишить Италию немецкой карты в Париже» и снизить «стоимость» Италии на международной арене на 50%. Однако нацистским лидерам, в том числе и Розенбергу, было прекрасно известно, что наибольшей помехой итало-французского сближения была напряженность в отношениях между Италией и Югославией. Поэтому нацисты предприняли попытку (прибегая к словарю Розенберга) «разыграть югославскую карту». Недаром французская дипломатия прилагала значительные усилия для улучшения отношений между Италией и Юго-

¹ «Das politische Tagebuch A. Rosenbergs...», S. 40.

² Там же.

славией. Наоборот, обострение отношений между двумя этими странами могло сказаться на ухудшении отношений между Италией и Францией. Эта зависимость — прямая и обратная — не составляла тайны для гитлеровской Германии. Ей было известно также и многое другое, в частности подозрения Югославии, что Италия готовит покушение на жизнь короля Александра руками усташских террористов. Сведения о попытке такого покушения в декабре 1933 г. (случай Ореба), результаты которого были известны нацистам в связи с просьбой югославских властей произвести расследование на территории Германии, подтверждали это в полной мере.

Летом 1934 г. нацистским лидерам стало известно и другое, а именно намерение усташей организовать в ближайшее время новое покушение на Александра с привлечением террористов из ВМРО. Казалось, сама судьба подсказывала гитлеровцам способ обострить итало-югославские отношения и сорвать таким путем франко-итальянское сближение. Это средство было бы еще более сильнодействующим, если бы такая попытка могла быть организована на французской территории. И если не сам Розенберг додумался до этой мысли и предложил идею «помочь» усташам выполнить свои планы, то он мог по крайней мере своими разглагольствованиями навести на такую мысль других нацистских лидеров, в частности Гитлера и Геринга.

Но Розенберг, как всегда, за деревьями не видел леса. Обуреваемый тщеславием и мелкими расчетами, он упускал из виду, что главную опасность для нацистских планов представляла не Италия, а политика создания коллективной безопасности в Европе, которую совместно с советской дипломатией последовательно проводил министр иностранных дел Франции Луи Барту. Именно в нем видели другие, более дальновидные, чем Розенберг, нацистские лидеры своего главного врага среди политиков Запада.

Политика коллективной безопасности. «Оба интересующие нас лица»

События лета 1934 г. и перспектива создания Восточного пакта, ставшая реальной к осени 1934 г., привели к кризису нацистской внешней политики. Раскрыв раньше времени свои планы и не имея еще возможности и сил для

их осуществления, гитлеровская Германия оказалась перед лицом создания оборонительного блока европейских государств, чувствовавших угрозу со стороны германского империализма. Осенью 1934 г. дипломатическая деятельность по созданию Восточного пакта вступила в решающую фазу. И нацистские лидеры прилагали отчаянные усилия, чтобы предотвратить образование Восточного пакта или по крайней мере оттянуть его создание, сузить его рамки и т. п.

В основе создания системы коллективной безопасности в Европе лежало сотрудничество Советского Союза и Франции. Уже первые признаки сближения между этими странами заставили насторожиться руководителей германской внешней политики. Советский Союз с первых дней прихода фашистов к власти не уставал предупреждать европейские народы и мировую общественность, что фашизм несет человечеству новую войну, что предотвратить эту угрозу можно только путем создания системы коллективной безопасности. Во Франции эту мысль разделяли и Луи Барту, пришедший к руководству внешней политикой в феврале 1934 г., и ряд других прогрессивных политических деятелей. Л. Барту ясно видел опасность возрождения германского милитаризма. Он сразу же принял ряд энергичных мер, протестуя против нарушения Германией положений Версальского договора и секретно проводимой ею политики вооружения.

Новая французская политика под руководством Л. Барту четко проявилась в апреле — мае 1934 г., когда стало ясно, что Франция взяла решительный курс на сближение и даже союз с СССР. Переломным моментом явилась встреча Л. Барту с народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым в Женеве 18 мая 1934 г., где были обсуждены основные черты будущего пакта и советско-французского договора. Идея коллективной безопасности начала принимать конкретные и осязаемые формы.

Нацистские лидеры вначале не придали, по-видимому, значения всей серьезности складывающейся ситуации. Об этом свидетельствует, например, беседа Розенберга с Гитлером 8 июня 1934 г. «...Фюрер говорил еще о внешнеполитическом положении, — записал Розенберг в своем дневнике. — После тяжелых дней у него наступила разрядка: Барту не произносил в Женеве своих жалоб о нашем вооружении, не прибежал «ни к каким морально-

правовым формулам», чтобы произвести нападение. Но он (фюрер.— *Прим. ред.*) не верит, чтобы без него (Барту.— *В. В.*) Франция рискнула бы на это. Относительно нового франко-русского братания фюрер, как и прежде, им очень доволен, в противоположность МИДУ, как он подчеркнул. Франция себя скомпрометировала»¹.

Эта запись исключительно интересна во многих отношениях. Во-первых, она показывает, что новый курс внешней политики Франции вызвал огромное напряжение в нацистском руководстве и лично у Гитлера. Даже простое воздержание Барту в Женеве от разоблачений тайных германских вооружений было способно несколько успокоить фюрера, фантазия которого, если судить по записи Розенберга, рисовала ему чуть ли не опасность превентивного нападения. Во-вторых, проводником нового курса Гитлер считал Л. Барту, без которого, по его мнению, Франция даже вряд ли рискнула бы вступить на этот путь. В-третьих, основную ставку Гитлер в данном случае делал на антисоветские настроения в правящих кругах западных стран. Видимо, именно эти круги он имел в виду, говоря, что сближением с Советским Союзом «Франция скомпрометировала себя».

Первоначально гитлеровская дипломатия старалась сорвать организацию системы коллективной безопасности с помощью Польши, с которой еще в январе 1934 г. был заключен договор, но самое главное, путем попыток сближения с Англией и Италией. Но события 30 июня 1934 г. никак не способствовали желаниям договориться с Англией и на некоторое время вообще отодвинули такую возможность на задний план. Нацистский же путч 25 июля 1934 г. в Австрии оттолкнул Италию от Германии и обострил отношения этих двух стран. Не оправдывалась, по крайней мере в то время, и антисоветская ставка: уже в августе стало ясно, что вопрос о вступлении Советского Союза в Лигу наций фактически предрешен и встречает поддержку подавляющего большинства стран, в том числе Франции, Англии и даже Италии. Таким образом, не Советский Союз, а Германия оказалась в состоянии дипломатической изоляции!

В течение августа 1934 г. гитлеровская дипломатия активизировала свои усилия с целью, по словам француз-

¹ «Das politische Tagebuch A. Rosenbergs...», S. 27.

ского историка Ж.-Б. Дюрозеля, «саботирования франко-советского проекта, либо вызывая беспокойство у балтийских стран, либо используя разрыв польско-литовских дипломатических отношений, либо выдвигая кандидатуру Румынии...». 8 сентября 1934 г. Германия официально отвергла идею заключения регионального Восточного пакта, утверждая, что она не может принять участия ни в какой международной системе безопасности до тех пор, пока другие державы будут оспаривать ее равноправие в области вооружений. Кроме того, она считала, что метод двусторонних соглашений вообще принесет больше пользы.

Обычные дипломатические меры не принесли успеха гитлеровской Германии в попытках сорвать франко-советское сближение. И нацистские лидеры решили прибегнуть к другим средствам, твердо убежденные в необходимости не допустить франко-советского союза. На фоне нестабильности внутривнутриполитической жизни Франции начала и середины 30-х годов осуществление этого союза в решающей степени зависело от личности человека, руководившего внешней политикой страны. Нацисты видели и понимали, что Л. Барту был их самым непримиримым противником не только во Франции, но и среди всех руководящих деятелей капиталистических стран Запада. Устранение его с политической арены давало возможность нанести удар в самое сердце идеи франко-советского союза.

Замысел убить Барту был заманчив и вместе с тем опасен для фашистов. Разоблачение их прямого участия в таком международном преступлении могло бы иметь для Германии катастрофические внешнеполитические последствия. В подобной обстановке необходимость скрыть свое участие, получить, так сказать, политическое алиби имело решающее значение при осуществлении задуманного плана. И может быть, гитлеровцы никогда и не решились бы на такой шаг, если бы не исключительно благоприятное для них стечение обстоятельств, не тот «счастливы» случай, который позволял надеяться на успешное выполнение всего замысла.

Сведения о том, что усташа готовят новое покушение на короля Александра, были исходным пунктом всего этого плана. Вторым благоприятным обстоятельством было известие о предстоящем визите Александра во Францию, где предстояли его встречи и переговоры с Барту.

Нельзя ли под видом покушения на Александра организовать также и убийство Л. Барту? Именно этот замысел и лег в основу всей операции «Тевтонский меч». Весь ее смысл сводился к тому, чтобы Барту выглядел как бы случайной жертвой, павшей во время покушения на Александра. Убийство Барту должно было предстать перед всем миром как «непредумышленное». Но кто мог стать исполнителем такого террористического акта, который напоминал ход коня на шахматной доске? Для гитлеровской дипломатии выгодно было организовать убийство как террористический акт усташей. В этом случае Германия имела все основания рассчитывать на то, чтобы самой остаться в тени, чтобы скрыть все следы своего участия в этом преступлении. Больше того, вся ответственность и международные последствия должны были бы в таком случае пасть на Италию: ведь поддержка ею усташей была общеизвестна, а террористическая деятельность усташей — у всех на виду.

Убийство Л. Барту могло быть организовано только под видом покушения на короля Александра. Необходимость убийства последнего ничуть не смущала нацистских лидеров. Больше того, покушение на короля Александра, совершенное на французской территории, открывало для них дополнительные возможности. В случае удачи покушения гитлеровцы могли рассчитывать на ослабление связей Франции с Югославией и вообще с Малой Антантой. Сближению Франции с Италией был бы нанесен жестокий удар. Отношения Италии с Югославией были бы не только отравлены, но и подведены к грани войны. Все это должно было по крайней мере замедлить деятельность по созданию Дунайского пакта, гарантирующего независимость Австрии, а при оптимальном варианте вообще сорвать его. Запутанный клубок противоречий внешней политики гитлеровской Германии мог быть разрушен одним ударом «Тевтонского меча». Таковы, по нашему мнению, политические соображения, которые привели в итоге к марсельским событиям 1934 г.

Инициаторами данного плана были, по-видимому, высшие нацистские руководители — Гитлер и Геринг, имена которых прямо стоят в документах об операции «Тевтонский меч». К созданию плана могли быть причастны также Розенберг и Гесс, хотя об этом нет никаких прямых сведений. Не подлежит сомнению, что о подготовке по-

кушения знало очень малое число людей. Решение о проведении операции должно было быть принято в течение августа 1934 г. К 1 сентября, которым датировано письмо Геринга к Шпейделю, были уже выработаны инструкции по ее осуществлению.

Фашисты явно торопились с подготовкой операции. События развивались в неблагоприятном для них направлении, и время работало не на них. После вступления Советского Союза 18 сентября 1934 г. в Лигу наций и отклонения Германией и Польшей Восточного пакта стала очевидна неизбежность заключения советско-французского договора. Французский историк Ж.-Б. Дюрозель так описывает те дни и последствия убийства Л. Барту:

«Отныне путь был свободен для того, что Барту, как мы показали, считал самым важным: для двустороннего франко-советского пакта о взаимопомощи. Но в тот момент, когда он собирался заняться им, он вместе с югославским королем Александром погиб 9 октября в Марселе, сраженный пулями усташей, хорватских террористов.

То, что договор продолжал обсуждаться и был даже подписан Пьером Лавалем, преемником Барту в министерстве иностранных дел, ни в коей мере не снимает драматизма и, можно сказать решающего значения гибели Барту. Буква договора, безусловно, важна. Но еще важнее его дух. А по духу договор, заключенный Лавалем, был чрезвычайно сдержанным.

Военное сотрудничество, так удачно начавшееся в 1933 г. и продолжением которого явился визит советских летчиков во Францию в августе 1934 г., было краеугольным камнем действенной военной помощи. Нет никакого сомнения, что Барту добился бы для этого сотрудничества определенной формы, безусловно формы военного соглашения. Намерения Лаваля были куда менее ясны. Он, несомненно, рассматривал франко-советский пакт как простой маневр во внутренней политике, а не как орудие, существенно важное для безопасности государства. Смерть Барту была смертью подлинной политики союзов, следование которой, возможно, помогло бы обеим странам избежать многих разочарований»¹.

¹ Ж.-Б. Дюрозель. Луи Барту и франко-советское сближение в 1934 г. «Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. 1961 г.». М., 1962, стр. 452—453.

План с двойным дном

Операция «Тевтонский меч», тщательно подготовленная и точно проведенная, отличалась большой сложностью. Многие ее детали остаются неясными до сих пор. В план подготовки операции входили, видимо, многочисленные мероприятия по дезинформации. Они сбили со следа в свое время французские и югославские органы безопасности, направили по ложному пути следствие и поныне продолжают загадывать загадки историкам. В этом отношении операция напоминала чемодан с двойным, если не с тройным дном.

Что же известно о технической стороне подготовки покушения?

Непосредственно организацией, разработкой плана и проведением операции занималась особая секретная служба нацистов, находившаяся в подчинении Геринга, — так называемое Исследовательское бюро при имперском министерстве авиации. Этого рода деятельности Геринга удивляться не приходится. Роль второго после фюрера нациста давала ему самые разнообразные посты и амплуа: от прусского премьер-министра и министра внутренних дел, уполномоченного по четырехлетнему экономическому плану и министра авиации до различных, часто деликатного свойства, внешнеполитических полномочий и разведывательных функций. Не кто иной, как Геринг, создал, например, гестапо. Гитлеровская имперская служба безопасности образовалась уже после прихода фашизма к власти. В первое время пребывания гитлеровцев у власти нацистская партия широко пользовалась услугами ряда разведывательных и контрразведывательных организаций — Внешнеполитического бюро, штурмовых отрядов и СС. Особая разведывательная служба находилась и в распоряжении Геринга.

После упрочения власти нацистов нужда в некоторых из этих организаций отпала, а параллелизм стал даже причинять многие неудобства. Было решено сосредоточить этот вид деятельности в одних руках. 9 июня 1934 г. Р. Гесс в качестве заместителя фюрера издал от его имени распоряжение, которое гласило, что отныне помимо службы безопасности СС в рамках нацистской партии не должно существовать других разведывательных и контрразведывательных организаций. В тех условиях это распоряже-

ние было, видимо, продиктовано также и намерением лишить разведывательной службы штаб штурмовиков во главе с Ремом, который стал одной из первых жертв 30 июня 1934 г. Служба же Геринга — «Исследовательское бюро» — продолжала существовать. Можно предполагать, что в ее функции входили также агентурные связи с рядом политических течений и подпольных организаций за границей, связанных идейным родством или другими узами с германскими фашистами.

На Балканах одним из агентов разведывательной службы Геринга был Ванчо Михайлов — руководитель крайне правого националистического крыла ВМРО. Именно через него нацистские лидеры узнали о предложении, сделанном Павеличем руководству ВМРО летом 1934 г., совместно организовать покушение на короля Александра. По замыслу усташей ВМРО должна была откомандировать им в помощь своих террористов, сами же они должны были организовать покушение.

Эта информация послужила основой для принятия решения провести операцию «Тевтонский меч». Разработка ее была поручена «Исследовательскому бюро». Последнее столкнулось с трудной проблемой. Было ясно, что усташаи не в состоянии выполнить намеченного ими самим плана. Вырастив массу садистов и шовинистов, они не смогли подготовить ни одного террориста, способного успешно осуществить такое покушение. Организация усташей в целом была неэффективна, ни один их более или менее крупный террористический замысел не осуществился. Понимали это не только немцы, но и сами усташаи: ведь недаром же они обратились за помощью к ВМРО. Кроме того, усташаи плохо умели хранить свои секреты, ибо в их рядах было немало агентов югославской охранки, а также итальянской секретной службы. Поэтому иметь дело непосредственно с ними было опасно. И первый вывод, к которому пришло «Исследовательское бюро», был примерно таков: «Никаких прямых контактов с усташами!» Все связи должны были идти через ВМРО, конкретно — через Ванчо Михайлова.

Разработанные «Исследовательским бюро» инструкции по подготовке покушения были одобрены «самим» Гитлером (это одобрение, а также общая директива по подготовке операции и являлись, по-видимому, теми «двумя распоряжениями фюрера», которые упоминаются в

писью Геринга Шпейделю). Инструкции состояли из трех следующих пунктов.

Во-первых, намечалось убедить руководство ВМРО принять план усташей относительно совместной подготовки покушения на короля Александра и организовать это покушение во время визита короля во Францию.

Во-вторых, необходимо было организовать поездку Ванчо Михайлова во Францию с целью установления контакта со Шпейделем и выработки обоими окончательного плана покушения.

В-третьих, Шпейделю поручалось обеспечить, пользуясь своими агентурными связями, всю организацию покушения. Оно должно было состояться в тот момент, когда Александр и Барту находились бы вместе, чтобы можно было убить обоих одновременно¹.

ВМРО в соответствии с нацистскими «рекомендациями» приняла предложение усташей. Было решено выделить для покушения на короля Александра и Луи Барту самого безжалостного и опытного убийцу, который только имелся в ее распоряжении, — Величко Георгиева, он же «Владо-шофер». ВМРО решилась на такой шаг не случайно: в этот период, как никогда раньше, она нуждалась в поддержке за рубежом. Происшедший в Болгарии в мае 1934 г. государственный переворот, приведший к власти правительство Кимона Георгиева, был одновременно и ударом по ВМРО: новое правительство решительно расправилось с ней, организации ВМРО были распущены, а руководители должны были скрываться. И они не упустили представившегося им случая оказать эту услугу лидерам нацистской Германии, рассчитывая получить взамен их поддержку, заступничество и финансовую помощь.

Инструкции «Исследовательского бюро» и сопровождающее их письмо Геринга от 1 сентября 1934 г. были доставлены Шпейделю 3 сентября. В это же время, по-видимому, соответствующие известия и распоряжения достигли и Ванчо Михайлова, который сразу же приступил к действиям.

9 сентября 1934 г. Ванчо Михайлов бежал из Болгарии, где он находился под присмотром, и нелегально перешел на территорию Турции. Этот первый его шаг известен точно. Дальнейшие его передвижения не поддаются такой же

¹ «Neues Deutschland», 23.V.1957.

точной датировке. После нескольких дней пребывания в Стамбуле он отправился в Италию. В середине сентября — он уже в Риме. О его пребывании здесь Петр Карагеоргиевич, сын покойного короля Александра, по понятным причинам внимательно следивший за всеми событиями, которые могли бы пролить свет на историю убийства его отца, так писал в своих мемуарах:

«В сентябре 1934 г. намечавшийся визит моего отца во Францию в октябре месяце был широко распубликован прессой. Павелич имел в Риме ряд встреч с Михайловым. Д-р Эрколи Конти, генеральный инспектор итальянской службы безопасности, присутствовал на нескольких встречах и был полностью информирован относительно планов готовящегося преступления»¹.

Во время пребывания в Италии В. Михайлов помимо Павелича, безусловно, встречался и с Э. Конти, а возможно, иногда встречались и все три лица вместе. Однако, как уже говорилось выше, маловероятно, чтобы итальянцы знали о готовящемся заговоре. Помимо соображений политического характера косвенным подтверждением такого предположения может служить следующая деталь. Почему усташы, предназначавшиеся в помощники главному террористу из ВМРО, были выбраны из числа обитателей лагеря Янка-Пуста? Ведь во всей Венгрии в то время вряд ли было больше 20—30 усташей, тогда как в лагерях в самой Италии их было около пятисот и, следовательно, здесь можно было бы сделать более тщательный выбор. Можно полагать, что Павелич и Михайлов, задумав покушение без ведома итальянской разведки и ведя его подготовку за спиной Италии, опасались, что выезд из Италии целой группы усташей может привлечь внимание итальянской полиции, настороженно относившейся в последнее время к их действиям. Подозрения же итальянских властей могли бы привести к крушению задуманного плана, политические последствия которого неминуемо причинили бы Италии вред. Поэтому Михайлов и Павелич должны были действовать осторожно и вести дело таким образом, чтобы в крайнем случае иметь возможность объяснить своим итальянским покровителям, будто подготовленное покушение является результатом, так сказать, местной инициативы.

¹ King Peter II of Yugoslavia. A King's Heritage, p. 44—45.

Но если итальянцы не подозревали о тайных приготовлениях усташей, последние не подозревали о том, что они вместе с ВМРО разыгрывают пьесу, написанную немецкой разведкой! Разрыв между субъективной убежденностью усташей в своей значимости в готовящихся событиях и отведенной им ролью был поразителен. В операции, задуманной немецкой разведкой и выполняемой фактически руками террористов из ВМРО, усташа практически были не нужны и предназначались только для того, чтобы стать козлами отпущения, приковать к себе внимание международной общественности, повести по своим следам французскую и югославскую службы безопасности, дать покушению политическую окраску.

Из Италии В. Михайлов отправился во Францию. В Париже он встретился со Шпейделем. Здесь ими и был окончательно выработан план операции.

Чем же занимался тем временем Шпейдель? Получив инструкции, он не терял даром времени и привел в движение имевшуюся в его распоряжении агентурную сеть. Основным его помощником стал немецкий шпион Ганс Эрих Хаак, связанный с одним из руководящих деятелей французской полиции, через которого (его имя осталось неизвестным) удалось получить намеченную программу пребывания короля Александра во Франции. Особое внимание привлек ее первый пункт — встреча в Марселе. Именно здесь должны были встретиться «оба интересующие нас лица», как писал Шпейдель. По его заданию Хаак разузнал более подробно церемониал встречи, порядок следования кортежа по улицам Марселя и, что особенно важно, мероприятия по охране безопасности короля Александра и Л. Барту. Немецкая разведка пошла дальше: она выяснила, что можно значительно ослабить принятые меры безопасности и тем самым сильно повысить шансы операции на успех. Как видно, Шпейдель действовал не только точно в соответствии с инструкциями, но и проявил немалую личную инициативу. Под его руководством немецкой разведке удалось ослабить и без того неполноценную охрану короля Александра и Л. Барту и добиться снятия мотоциклистов — отряда сопровождения¹. Таким образом, немецкая разведка выполнила ту часть

¹ В письме Г. Э. Хаака Шпейделю в связи с этим эпизодом упоминается имя некоего де Лафоркада. К сожалению, автору этих строк не удалось ничего узнать о нем.

работы по подготовке покушения, которая была не под силу ни усташам, ни ВМРО. Собранные ею сведения и мероприятия по ослаблению охраны сыграли решающую роль в успехе операции.

Вся работа по ее подготовке была завершена к началу октября 1934 г. В письме от 3 октября Шпейдель доложил Герингу, что он и В. Михайлов решили провести намеченную операцию в Марселе и что «Владо-шофер» подготовлен. Действительно, еще 30 сентября 1934 г. В. Георгиев и трое усташей были доставлены Кваторником в Париж и ждали только сигнала к действию.

В свете приведенных выше фактов по-новому предстает загадочная личность Петра Вудрачека, его роль в проведении операции и некоторые детали последней.

Ряд исследователей (С. Грэхем, Черенбей) высказывали предположение, что под именем Петра Вудрачека скрывался сам Анте Павелич или кто-то из усташей. По нашему мнению, несравненно больше доводов можно привести в пользу предположения, что это был Ванчо Михайлов или, вероятнее всего, близкое ему лицо, которое он выделил для связи между группой террористов и немецкой разведкой, а также для указания точного плана действий на месте предстоящего покушения и т. д. Конечно, это только гипотеза, но гипотеза, имеющая право на существование, хотя и требующая доказательств.

Письмо Шпейделя, датированное 3 октября, указывает на дату принятия им и В. Михайловым окончательного решения о месте и плане проведения операции. Что же происходит в этот момент с «Вудрачеками»? Оказывается, именно в этот вечер, 3 октября, их посетил в гостинице «таинственный гость», которого в газетах величали то «неизвестный дипломат», то «таинственный атташе посольства», то «неизвестный военный атташе». Он снял комнату в той же гостинице, но провел всю ночь с 3 на 4 октября в беседе с «Вудрачеками» и утром исчез. Что это, случайное совпадение в датах или случайная, непредусмотренная планом утечка информации об одном из драматических эпизодов операции «Тевтонский меч», а именно о передаче окончательных инструкций по ее проведению «Вудрачекам», которые отвечали за ее непосредственное исполнение? Следствие, бессильное выяснить личности «Вудрачеков», не смогло, конечно, раскрыть и этого преступника. Оно узнало о нем столько же, сколько и газетные

репортеры. Точнее всего появление этого лица описано в газете «Пти Паризьен», которая 18 октября 1934 г. поместила следующую заметку:

«Кто этот таинственный посетитель?»

В отеле на улице Сент-Анн, где проживали таинственные Вудрачеки, появился странный посетитель.

— Он прибыл,— сказали нам в дирекции отеля,— 3 октября ровно за пять минут до полуночи. И перед тем как провести ночь у нас, он записался в регистрационном листке, который мы предложили ему заполнить, под именем Кларка, атташе посольства. Он приехал в маленькой четырехместной машине, которую оставил напротив входа в отель. Спустя некоторое время один из наших служащих спросил, не хочет ли он поставить свою машину в гараж, заметив, что, если он оставит ее там (на улице) на всю ночь, ее могут украсть. «Нет,— ответил он,— гаражи слишком дороги».

— Мы заметили,— добавили служащие отеля,— на левом крыле машины инициалы «С. D.» (дипломатический корпус), а также то, что в ней не было багажа.

Мнимый дипломат, который, как кажется, не занимал снятую им комнату и провел ночь у таинственной славянки, уехал утром 4 октября.

Что касается мнимого Вудрачека, он вернулся в отель днем 5-го и уехал в тот же день в 22 часа. А 6-го, рано утром, уехала в свою очередь мнимая мадам Вудрачек.

Таким образом, очевидно, что посетитель молодой славянки располагал машиной с дипломатическим номером, а также то, что этот ночной визит удивительно похож на тот, который был нанесен Марии Вудрачек в отеле в г. Авиньоне «господином делегатом»¹.

Террористический акт в Марселе был проведен в точном соответствии с планом. Немецкая разведка под руководством Шпейделя четко скоординировала действия всех его участников в соответствии с заранее намеченными ролями и обеспечила успех всей операции. В историю империалистической разведки этот террористический акт может быть смело занесен как один из самых хитроумных планов. Гитлеровские шпионы составили его таким образом, чтобы создать на пути следствия непроницаемые для него препятствия.

¹ Так газета называла Е. Кватерника.

Ряд мелких, тщательно продуманных деталей операции выдавал намерение ее организаторов не просто сбить с толку следствие, а направить его по заранее намеченному пути. Этим целям служила, например, история с паспортами для Георгиева и Краля. Выбранное для В. Георгиева имя — Петр Келемен — было не случайным: на проходившем в марте 1934 г. в Белграде судебном процессе над усташскими убийцами бывшего министра сельского хозяйства Югославии Нейдорфера фигурировал обвиняемый с таким же именем. В паспорте, якобы выданном чехословацким консульством в Загребе (1), указывалось, что П. Келемен — купец, родился в 1899 г. в Загребе и проживает в Праге. И хотя уже на следующий день стало известно, что и паспорт, и виза на въезд во Францию — подложные, пущенная таким путем версия прочно укрепились в первые дни на страницах прессы. Все газеты единодушно писали, что П. Келемен — загребский житель, хорватский националист. Сообщали даже, что в Загребе уже арестован его брат хирург-дантист!

Имевшаяся на руке убийцы татуировка указывала на его принадлежность к ВМРО. Однако эта улика как-то отошла на второй план. И вновь «странная случайность»: многоопытная французская полиция «забыла» снять у В. Георгиева отпечатки пальцев! Только после опубликования портретов убийцы в газетах им заинтересовалась болгарская полиция, которая опознала в нем члена ВМРО, но для подтверждения своих догадок запросила отпечатки его пальцев. Пришлось эксгумировать его труп. На все это ушло время, и только 14 октября болгарская полиция окончательно установила, что отпечатки принадлежат террористу Владо Георгиеву, он же Черноземский и т. д. Но это «открытие» уже не могло изменить успешного сложиться твердого убеждения, что покушение организовано и проведено усташами. Арестованные 11 октября Поспишил и Райич своими показаниями утвердили в этом мнении не только следствие, но и мировую прессу, а поимка Краля еще больше укрепила его.

Кстати, паспорт Краля на вымышленное имя Сильвестра Мального имел те же данные, что и паспорт Петра Келемена: выдан в Загребе, действителен до 6 декабря, отметка о приезде во Францию 28 сентября и т. д. Выше мы уже говорили о том, что Краль (как, впрочем, и Поспишил с Райичем) был предназначен на роль живого

вещественного доказательства причастности усташей к покушению. Паспорт, которым снабдили его организаторы покушения, служит еще одним подтверждением высказанного предположения. Всего через пару часов после покушения, когда в руки полиции попал идентичный паспорт П. Келемена, с паспортом на имя Мального уже нельзя было выбраться из Франции. Другого же у Краля не было.

Сразу же после покушения по Парижу стали распространяться самые нелепые слухи об организации новых террористических актов с конкретным указанием в адрес усташей. Они способствовали только тому, что французская полиция и следствие основное внимание уделили хорватской и вообще югославской эмигрантской колонии во Франции, обойдя вниманием другие версии, по которым следовало бы развивать и вести следствие. Как видно, операция «Тевтонский меч» включала в себя также и ряд мероприятий по дезинформации, которые проводились широко, с размахом.

Удастся ли когда-нибудь расшифровать подлинные имена Петра и Марии Вудрачехов, установить личность «тайнственного дипломата»? Сейчас об этом трудно что-либо сказать. Тайное становится явным иногда совершенно неожиданным образом, а иногда не становится совсем. Любое прояснение этих вопросов прольет новый свет на детали операции «Тевтонский меч». Пока же ясно одно: ее организовала немецкая разведка и осуществила руками македонских террористов, прикрыв покушение усташским плащом.

Похороны в Белграде. Дымовая завеса Геринга

**«Особый уполномоченный по улучшению
германо-югославских отношений»
у гроба короля Александра**

Убийства в Марселе не означали еще конца операции «Тевтонский меч». Операция продолжалась... Предстояло извлечь из нее те политические выгоды, которыми можно было воспользоваться уже сейчас, не дожидаясь более глубоких и далеких последствий. Этот второй этап операции взялись осуществлять те же люди, которые организовали и первую ее часть — убийство... Но теперь они выступали уже открыто, уверенные и убежденные, что им удалось скрыть все следы своего участия в марсельском преступлении, что эта тайна никогда не раскроется. Такая уверенность придавала им наглости, давала возможность принять позу искреннего соболезнования. Так на авансцену событий выступил Герман Геринг.

Поездка Геринга в Белград на похороны короля Александра была вторым этапом проводившейся им операции «Тевтонский меч». Надо было не только постараться воспользоваться ее результатами, чтобы ослабить связи Франции с ее союзниками в Центральной и Юго-Восточной Европе — странами Малой и Балканской Антант, и прежде всего с Югославией, но и посеять иллюзии относительно конечных целей внешней политики гитлеровской Германии, замаскировать ее агрессивные планы. Как же справился Геринг с этой задачей?

Геринг отправился в Белград на похороны короля Александра в качестве особого уполномоченного и личного представителя фюрера и рейхсканцлера. Его поездка была обставлена с большой помпой, с явным расчетом на внешний эффект. 17 октября 1934 г. в 10 часов утра с берлин-

ского аэродрома Темпельгоф поднялся самолет «юнкерс-52», который, как настоящий корабль, имел собственное имя — «Манфред фон Рихтгофен». Это было имя прославленного германскими милитаристами командира эскадрильи и воздушного аса, в отряде которого служил Геринг в годы первой мировой войны. Самолет пилотировал сам Геринг. Во втором самолете, сопровождавшем его, помимо свиты Геринга находился украшенный цветами лавровый венок, который он от имени Гитлера как главнокомандующего вооруженными силами рейха должен был возложить на гроб своей жертвы.

Самолеты взяли курс на Белград. После небольшой остановки в Будапеште они приземлились на аэродроме в Землине, неподалеку от югославской столицы. Здесь Геринга встретили югославский министр торговли Деметрович, начальник отдела печати МИДа Шимстич и другие официальные лица. На двух катерах югославской Дунайской флотилии Геринг и сопровождавшие его лица отправились в Белград. На пристани его ожидал югославский военный министр генерал Милованович и почетный караул из роты матросов Дунайской флотилии. Заехав в королевский дворец и расписавшись в книге посетителей, Геринг отправился в германское посольство, чтобы получить дополнительную информацию и дать кое-какие указания...

Геринг действовал целеустремленно и энергично. Его основная тактическая линия была проста: подчеркнутым дружелюбием к Югославии отвести все подозрения относительно немецкого участия в марсельском покушении. И тут он не жалел усилий, не скупился на слова. К вечеру Геринг отправился в Старый Двор, где покоилось тело короля Александра. Он возложил на гроб убитого два венка: один от себя лично, а другой, привезенный из Берлина, — от имени вермахта. На ленте второго венка красовалась надпись:

«СВОЕМУ БЫВШЕМУ ГЕРОИЧЕСКОМУ ПРОТИВНИКУ
С ГЛУБОКОЙ СКОРБЬЮ

Германские вооруженные силы».

Если бы могло сбыться старое поверье, то при приближении Геринга к телу короля Александра его раны должны были бы начать кровоточить. Но Геринг не был ни суеверен, ни сентиментален. Постояв несколько минут

у гроба со скорбной миной, он перешел к дальнейшему выполнению намеченной программы. Около семи часов вечера Геринг посетил Народную скупщину. Его встретили председатель скупщины д-р Кумануди и многочисленные депутаты. В помещении президиума скупщины, где происходил прием, Герингу как президенту рейхстага (в поджоге здания которого он недавно участвовал) было предоставлено почетное место во главе стола совещания. И Геринг, конечно, не упустил случая выразить соболезнования по поводу «невосполнимой утраты, понесенной Югославским королевством». Вместе с тем он подчеркивал хорошие отношения, существующие между Югославией и Германией, и перспективы их дальнейшего дружеского развития, для чего благоприятную основу создаёт подписанный недавно торговый договор между ними. Депутаты скупщины, представлявшие самые реакционные слои югославской буржуазии, были опорой монархо-фашистского режима в стране. Нет ничего удивительного, что выступление Геринга нашло у них благоприятный отклик. Геринг прекрасно знал, к кому он обращался.

Следующий визит — принцу-регенту Павлу. С ним Геринг беседовал около часа. Снова изъявления искреннего соболезнования, опасений, как бы смерть короля Александра не повлияла на ухудшение отношений Югославии с Германией, и, конечно, радужные перспективы их возможного дальнейшего сотрудничества.

Несмотря на насыщенный до предела день, Геринг нашел еще вечером время, чтобы устроить пресс-конференцию. Помимо обычных слов сочувствия и пожеланий самых тесных и дружественных отношений Югославии с Германией Геринг заявил журналистам также следующее: «Как шеф немецкой полиции, я могу вас заверить, что, в случае если хоть один террорист попытается бежать на немецкую территорию, немецкие власти примут все меры к тому, чтобы обнаружить этого подлого, мерзкого преступника, который лишил вас короля и мудрого государственного деятеля. Кроме того, будьте уверены в том, что нынешняя Германия никогда не потерпит в своих границах никакой югославской организации, которая действует в интересах разрушения вашей авторитарной системы»¹. Все эти слова были рассчитаны на внешний эф-

¹ «Völkischer Beobachter», 19.X.1934.

фekt. И югославские власти, проводившие расследование, вскоре сами убедились в том, что, кроме препятствий и помех со стороны Германии, ни на что другое они рассчитывать не могут.

Заявления Геринга в Белграде, а также опубликованное в Германии официальное заявление Внешнеполитического бюро А. Розенберга, в котором отрицалась какая бы то ни было связь с усташами, были направлены на прекращение слухов об участии немцев в покушении. Германская пресса развила широкую и планомерную кампанию против любых слухов о причастности Германии к убийству короля Александра и Л. Барту. В этой кампании Геринг играл главную роль. Вместе с ним в Белград прибыла многочисленная группа немецких журналистов. «Они проявляли большую активность,— пишет об этом югославский историк Д. Бибер,— и постоянно сообщали обо всем своему посольству. С ними подробно беседовал и давал им наставления лично Геринг. Иностранным журналистам в Белграде были известны в общих чертах сведения о Розенберге как защитнике д-ра Елича». Однако Центральное пресс-бюро при Совете министров (Югославии) «не желало давать печати, особенно иностранной, об этом сведения, чтобы не допустить диверсии, которая могла бы только отвлечь внимание от главных преступников»¹.

Между тем немецкое посольство в Белграде внимательно следило за малейшими нюансами сообщений газет и за другими событиями. Оно проинструктировало, например, немецких журналистов, чтобы они в неодобрительном духе отзывались о том абзаце в коммюнике Малой Антанты, в котором убийство короля Александра и Л. Барту ставилось в один ряд с убийством Дольфуса, так как тем самым, по мнению посольства, на Германию падала тень подозрения в участии в марсельском покушении... В то же время и посольство, и сам Геринг требовали от журналистов, чтобы они писали о Югославии в самом дружественном тоне.

Не обошлось и без антисоветских выпадов. В числе приехавших в Белград иностранных журналистов находился снискавший себе скандальную известность один из редакторов лондонской газеты «Дейли мейл» — Уорд Прайс. В предвоенные годы он не раз выступал как рупор

¹ D. Biber. Ustaše i Trećí Reich, s. 43.

нацистских лидеров, излагая английским читателям идеи Гитлера и других фашистских главарей. В этой же роли он выступил и на сей раз. Геринг в беседе с Прайсом (которая, разумеется, была опубликована последним) пытался представить марсельское покушение как результат «большевистских интриг». Он даже пошел дальше, утверждая, что на него, Геринга, готовится тоже покушение... Где? Да здесь же, в Белграде. Кем? Ну, конечно, коммунистами. И не кто иной, как лично Г. Димитров, послал в Белград своих агентов, чтобы убить Геринга! Фантазии Геринга не было предела.

18 октября состоялись похороны короля Александра. После отпевания в белградском соборе тело короля было перевезено в усыпальницу Карагеоргиевичей — в церковь в Опленце, в 70 км южнее Белграда. Вечером того же дня начали разъезжаться приехавшие проводить короля в последний путь иностранные представители. Уехал президент Франции Лебрен и многие другие лица. Но Геринг остался.

19 октября, на другой день после похорон, Геринг был, по общему признанию, самым занятым человеком в Белграде. Последовала новая серия визитов и переговоров. В этот же день он был у премьер-министра Узуновича и министра иностранных дел Ефтича, посетил военного министра Миловановича и начальника Генерального штаба Недича, нанес визит вдове — королеве Марии, а затем был на приеме у ее матери — румынской королевы Марии. Много времени он потратил на продолжительную беседу с румынским королем Каролом. Нашел время дать интервью журналистам, а также последние указания посольству и т. д. Все визиты и разговоры, которые вел Геринг в Белграде, преследовали определенные цели. Это была заранее продуманная дипломатическая миссия, результаты которой продолжали сказываться еще долгое время после того, как Геринг вернулся в Берлин. Помимо прочего она породила также и вопрос: «Сколько же в Германии внешних политик, две или, может быть, даже больше?»

Такой вопрос не был случайным. Дело в том, что действия и заявления Геринга не были согласованы с германским МИДом и вызвали несколько позднее большие трудности в деятельности последнего. События и на этот раз развивались в обход министерства иностранных дел.

Высказывания Геринга вызвали большое беспокойство в Италии и Франции. Муссолини, например, связывал его поездку в Белград с желанием Германии разрушить французскую систему союзов. Итальянская дипломатия опасалась также, что немцы приложили немало усилий, чтобы обострить итало-югославские отношения. Такие же подозрения были и у французской дипломатии по поводу франко-югославских отношений. И следует сказать, что их предположения соответствовали действительности.

Во время пребывания в Белграде Геринг сделал ряд важных политических заявлений. В беседах с румынским королем Каролом и представителями других государств, которые присутствовали на похоронах короля Александра, Геринг говорил о мирных намерениях Германии и даже о ее отказе от пересмотра территориальных положений мирных договоров военными средствами. Учитывая сложные отношения Малой Антанты с Венгрией и их обострение в результате марсельского покушения, Геринг неоднократно и в категорической форме давал понять, что Германия не намерена поддерживать венгерские территориальные претензии. «Ни фюрер, ни правительство никогда не подумают рисковать хотя бы одним немцем в интересах другой страны», — заявлял он. Особые реверансы были сделаны в сторону Югославии и Румынии. «Немецкое меньшинство в этих странах, — доверительно сообщал Геринг государственным деятелям соответствующих стран, — чувствует себя здесь лучше, чем в Венгрии». При этом он неоднократно подчеркивал, что высказываемые им мысли разделяются фюрером¹.

Заявления Геринга вызвали бурную реакцию в государствах Юго-Восточной Европы. Особенно Венгрия почувствовала себя глубоко оскорбленной. В действиях и словах Геринга она заподозрила стремление Германии достигнуть сближения с Малой Антантой, и прежде всего с Югославией, за счет Венгрии. Беспокойство венгерской дипломатии было столь велико, что она позволила себе даже в весьма резкой форме потребовать от Германии отказа от заигрывания с Югославией. В германское министерство иностранных дел посыпались венгерские протесты и демарши, которые поставили его в затруднительное положение. Объяснения и заверения Нейрата венгерскому послу,

¹ «DGFP», Series C, Vol. III, Doc. N 269, 273, 284, 305, 323, 336.

что политика Германии остается неизменной, не убедили венгерское правительство. Оно продолжало оставаться при своем мнении. В результате произошло заметное охлаждение отношений между Венгрией и Германией.

Значительное замешательство было заметно и в румынских правящих кругах, где боролись различные направления. Противоречивость мнений, высказывавшихся Герингом, с одной стороны, и Нейратом — с другой, была настолько очевидной, что ставила в тупик даже искусственных в политике людей. Одним из них оказался румынский посол в Берлине Н. Комнен, который безуспешно пытался выяснить, какая же точка зрения отражает действительную позицию германского правительства. Этот вопрос он пытался поставить и в беседе с А. Розенбергом три месяца спустя, в январе 1935 г. Зная, по-видимому, о разногласиях в немецком государственном аппарате, Комнен спрашивал у Розенберга: «Сколько же в Германии внешних политик, две или, может быть, даже больше?»¹

Усилия Германии вбить клин между Францией и Малой Антантой и развалить последнюю показали, что это не такое уж простое дело. Визит Геринга в Белград не мог сразу же воздействовать и на внешнюю политику Югославии. В донесениях немецкого посла в Белграде о том, что Геринг был центральной фигурой среди собравшихся на похороны короля Александра, отражалось желание Геринга добиться своим визитом каких-нибудь конкретных результатов. Конечно, попытки Германии оторвать Югославию от Франции и Малой Антанты не могли дать немедленного эффекта. Тем не менее установление Герингом контактов с рядом югославских государственных деятелей и с принцем-регентом Павлом, возглавившим регентский совет, имело, несомненно, большое значение для последующих усилий Германии воздействовать на внешнюю политику Югославии.

Союзники Югославии по Малой Антанте, и прежде всего Франция, продолжавшие оказывать доминирующее влияние на ее внешнюю политику, сумели не допустить дальнейшего обострения итало-югославских отношений в конце 1934 г. Их позиция диктовалась простыми соображениями, что в тех условиях такой поворот событий был бы выгоден только гитлеровской Германии.

¹ «Das politische Tagebuch A. Rosenbergs...», S. 52.

По ту сторону Альп.

Таинственная расправа с А. Перчецем

Что же происходило в это время с усташами в Италии? Как повлияло марсельское покушение на их отношения с итальянскими властями, которые столь долго и щедро их поддерживали? Догадывались ли усташские лидеры о том, что они стали игрушкой в чужих руках? Ответы на эти вопросы можно было бы дать только на основе изучения итальянских документов. Но относящиеся к этому случаю материалы не опубликованы, и, насколько нам известно, никто из итальянских историков до сих пор не исследовал еще историю марсельского покушения. Не очень-то любили вспоминать о марсельском покушении и усташи даже в годы второй мировой войны, когда они находились у власти и могли бы позволить себе некоторую откровенность или использовать историю убийства короля Александра в своей националистической пропаганде. Молчит о своем участии в подготовке покушения и Е. Кватерник, проживающий в настоящее время в Южной Америке, где в 1953 г. в Буэнос-Айресе он опубликовал свои мемуары. И хотя усташи не скрывали впоследствии своего участия в покушении, оно явно не составляло предмета их гордости. Откуда же такая сдержанность и не свойственная им скромность? При отсутствии достоверного материала судить обо всем этом и строить различные догадки можно только по незначительным косвенным фактам.

В момент марсельского покушения усташские главари съехались в Италию к Павеличу, проживавшему тогда в Милане. Из Австрии приехал И. Перчевич, из Германии — М. Бзик, несколько позднее из Венгрии прибыл А. Перчек. Все они ждали политических последствий убийства короля Александра. Их надежды шли далеко, вплоть до возможности всеобщего восстания в Хорватии и развала Югославии. Но их ждало разочарование: убийство не вызвало в хорватских массах ни ликования, ни одобрения. Наоборот, подобные методы встретили осуждение. Не последовало и ожидавшегося вооруженного выступления. В стране было спокойно, хотя многие и задавали себе и другим тревожный вопрос, что же будет дальше.

Усташских лидеров ждал еще один сюрприз: 17 октября были арестованы А. Павелич и Е. Кватерник.

Их продержали в тюрьме около полутора лет, выпустив только весной 1936 г., когда закончился судебный процесс в Экс-ан-Провансе. По-видимому, Павеличу и Кватернику пришлось отвечать не только на вопросы, которые им ставила французская полиция. Вскоре после марсельского покушения произошел эпизод, вызвавший многочисленные толки. Речь идет о судьбе А. Перчеца, бывшего в течение долгих лет ближайшим соратником А. Павелича. После приезда А. Перчеца в Италию, вслед за марсельским покушением, он был схвачен и подвергся диким пыткам в усташском застенке. Чего добивались от него усташские лидеры? Конечно, Перчек потерпел провал в своей деятельности в Венгрии, когда в конце 1933 г. имели место разоблачения Елки Погорелец, раскрывшие действия усташей, их связи с венгерской разведкой и т. д. Перчек был смещен, но с того времени прошло более года, и вряд ли этот случай был причиной сведения с ним счетов в конце 1934 г. После жестоких пыток «верховный трибунал» усташей вынес ему смертный приговор, и А. Перчек был расстрелян. Расправа с Перчецем не получила никакого объяснения. Однако время, когда она произошла, позволяет сделать предположение, не была ли она как-то связана с марсельским покушением? Не принесли ли усташские главари его в жертву, чтобы оправдаться перед итальянской полицией? Сделав его козлом отпущения и свалив на него свои грехи, они могли представить своим итальянским покровителям подготовку и проведение покушения в Марселе как не получившую якобы их санкции и благословения. И если это предположение получит когда-нибудь подтверждение, то в нашей книге станет одной гипотезой меньше, а одним фактом больше.

* * *

Что же дала операция «Тевтонский меч» гитлеровской Германии, в какой степени оправдались надежды, возлагавшиеся на нее нацистскими лидерами? В международном плане операция имела два аспекта: главный — попытка сорвать советско-французское сближение и договор о взаимопомощи, а на этой основе систему коллективной безопасности в Европе; и вспомогательный, хотя и имевший также крупное самостоятельное значение: сорвать итало-французское сближение путем стравливания Ита-

лии и Югославии и обеспечить себе возможность вести дальнейшие происки в Австрии. Рассматривая воздействие марсельского покушения, необходимо признать, что оно оказало огромное влияние на оба этих направления в международной политике.

Со смертью Л. Барту идея советско-французского союза претерпела большие изменения. Дух заключенного договора о взаимопомощи между Советским Союзом и Францией отличался от того, каким его хотели видеть Л. Барту и советская дипломатия.

Как же сложились в связи с марсельскими убийствами отношения внутри треугольника Франция—Югославия—Италия? И здесь некоторое время спустя как будто бы восторжествовала прежняя линия на сближение этих стран. Интересным свидетельством настроений того времени являлась опубликованная в газете «Правда» 5 ноября 1934 г. статья Т. Коррадова «Рим—Париж—Белград». Статья появилась в связи с возобновлением франко-итальянских переговоров и отражала отношение Советского Союза к этой международной проблеме.

«Проблема итало-французского сближения,— писал автор,— находится в настоящее время в центре внимания всей международной общественности». Описав прошлые усилия Л. Барту добиться урегулирования отношений двух стран, Т. Коррадов продолжал: «Имеющиеся уже сейчас сведения о международных фашистских связях марсельских убийц не оставляют никаких сомнений в том, что смерть Барту и югославского короля Александра была обусловлена главным образом стремлением германского фашизма сорвать наметившееся с достаточной определенностью франко-итальянское сближение.

В Берлине прекрасно отдавали себе отчет, что сдвиг в итало-французских отношениях произошел под непосредственным влиянием роста германских вооружений и активизации воинственной политики германского империализма, в особенности в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Особую роль сыграло в этом отношении стремление Германии добиться присоединения Австрии...

Одним из наиболее острых вопросов, без разрешения которого франко-итальянское сближение немислимо, является урегулирование итало-югославских отношений.

История итало-югославских взаимоотношений свидетельствует о крайней сложности противоречий, разделяю-

щих эти страны. Было бы, однако, ошибочным рассматривать эти взаимоотношения изолированно от общей империалистической борьбы в Юго-Восточной Европе. В связи с этой борьбой на данном этапе итало-югославское сближение не только возможно, но отвечает реальным интересам как Франции и Югославии, так и Италии».

Далее в статье говорилось о том, что план срыва сближения между Францией и Югославией, с одной стороны, и Францией и Италией — с другой, на что рассчитывали инициаторы марсельского покушения, провалился. Возобновившиеся переговоры между Италией и Францией уже привели к соглашению о предстоящей поездке министра иностранных дел Франции Лавалья в Рим. «Вдохновителям марсельских убийств удалось, таким образом, только оттянуть на несколько недель окончательную фазу переговоров, которые, несомненно, смогут серьезно повлиять на расстановку международных сил в Европе». Статья «Правды» заканчивалась таким выводом: «Итало-французские и итало-югославские отношения непосредственно интересов СССР не затрагивают. Однако сближение этих стран, соперничество которых обнадеживало авантюристические фашистские группировки, может быть расценено советской общественностью в качестве положительного фактора укрепления мира».

В то время когда писалась эта статья, можно было еще надеяться, что развитие событий приведет к созданию системы коллективной безопасности в Европе, к обузданию агрессивных нацистских устремлений. Но этим надеждам не суждено было сбыться. В правящих кругах западных стран все больше и больше усиливались политические течения, выступавшие за сближение с фашистской Германией. Под влиянием таких политических деятелей, как Лаваль во Франции, Чемберлен в Англии и т. д., западные державы все дальше шли по пути, который в конечном счете привел их к политике поощрения агрессоров, что и завершилось позорной мюнхенской сделкой. И хотя в конце 1934 г. нельзя было предвидеть такого исхода, его симптомы чувствовались уже тогда.

В начале января 1935 г. последовал визит Лавалья в Рим, завершившийся франко-итальянским соглашением. Оно лишь еще раз показало, как далеко сумела отойти политика Франции от линии Барту за столь короткий период, прошедший со дня его смерти. Фактически это был

сговор двух империалистических государств, разрешавший их колониальные споры в Африке и имевший роковые последствия для судеб Абиссинии, которая выдавалась фашистской Италии. Этот сговор имел самые отрицательные последствия. Он по праву стал звеном в цепи тех событий, которые со временем привели ко второй мировой войне. В то же время франко-итальянское соглашение ничего не изменило в международно-правовом положении Австрии и не пресекло нацистских происков в этой стране. Выдвигавшаяся соглашением идея заключения договора с Австрией всех заинтересованных государств с целью гарантии ее независимости положила начало долгим и бесплодным переговорам о Дунайском пакте. Реальное же положение осталось прежним.

Таким образом, конечные результаты операции «Тевтонский меч» достигли тех целей, к которым стремились нацистские лидеры. Риск, на который они шли при подготовке этой международной провокации, окупился. Им удалось скрыть следы своего соучастия в марсельском покушении. Выдвигавшиеся тогда против них обвинения оставались до поры до времени недоказанными.

Эпилог

После марсельского покушения вплоть до нападения Германии на Югославию усташки влачили жалкое существование. Международная обстановка по мере обострения политического положения в Европе все больше осложнялась. Текущие события как бы вытеснили собой марсельские убийства.

Сами усташки позднее называли эти годы «временем великого молчания». После заключения в марте 1937 г. договора о нейтралитете между Югославией и Италией в соответствии со специальным секретным соглашением усташские лагеря в Италии были расформированы, значительная часть усташей была интернирована в итальянских колониях и на островах Средиземного моря, их лидеры поставлены под надзор полиции. Небольшое число усташей с согласия югославских властей вернулось на родину. Казалось, что усташской организации пришел конец.

Усташки приходят к власти

Только военная необходимость заставила гитлеровскую Германию и фашистскую Италию вспомнить об усташах.

После разгрома Франции в 1940 г. все планы Гитлера строились с учетом предстоящей войны на Востоке. Необходимость укрепить свой тыл перед решающей схваткой заставила его обратить взоры на Балканы. С осени 1940 г. развернулась небывалая еще по размерам дипломатическая, политическая и военная экспансия Германии в Юго-Восточной Европе. Под ее давлением страны этого района одна за другой присоединялись к агрессивному Тройственному пакту, после чего в них вводились немецкие войска:

Гитлер укреплял южный фланг будущего Восточного фронта. В ноябре 1940 г. к Тройственному пакту присоединились Венгрия и Румыния. 1 марта 1941 г. за ними последовала Болгария, которую сразу же наводнили немецкие войска, готовившиеся для нападения на Грецию (последняя с октября 1940 г. успешно отражала наступление итальянских войск). Одновременно усилился нажим на Югославию.

Правящие круги Югославии колебались, не решаясь открыто присоединиться к Тройственному пакту. Их колебание объяснялось двумя причинами: страхом перед собственным народом, выступавшим против подчинения страны фашистской Германии, и усилиями западных держав, пытавшихся не допустить присоединения Югославии к фашистскому блоку. Тем не менее югославское правительство в конце концов решилось на предательство национальных интересов своей страны. Но, боясь народного гнева, югославская делегация во главе с премьер-министром Д. Цветковичем тайно выехала в Вену, где 25 марта 1941 г. был подписан протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту.

Весть о предательстве вызвала в Югославии взрыв негодования. Уже к вечеру 25 марта во многих городах прошли массовые демонстрации протеста. На следующий день волна демонстраций захлестнула всю страну. В первых рядах демонстрантов шли коммунисты. «Лучше война, чем пакт» — таков был всеобщий лозунг.

Борьбой народа против предательской политики правительства воспользовались оппозиционные буржуазные группировки. В ночь с 26 на 27 марта 1941 г. часть высшего офицерства, ориентировавшаяся на западные державы, произвела государственный переворот. Было свергнуто правительство Цветковича — Мачека и принца-регента Павла, на престол возведен несовершеннолетний король Петр II. К власти пришло новое правительство во главе с генералом Душаном Симовичем.

События в Югославии изменили планы гитлеровской Германии. 27 марта 1941 г., получив сообщение о государственном перевороте в Югославии, Гитлер решил напасть на нее. В изданной в тот же день «директиве 25» он констатировал, что «военный путч в Югославии изменил политическую обстановку на Балканах» и что Югославию независимо от возможных выражений лояльности следует

рассматривать как врага. Военные действия против нее было решено начать одновременно с нападением на Грецию¹.

План агрессии против Югославии не был разработан заранее. Все приготовления к нападению шли на скорую руку. Наряду с военной подготовкой гитлеровцы приступили к осуществлению ряда политических мероприятий, которые исходили из установки Гитлера на полное уничтожение Югославии как единого государства. Фашистская Германия сознательно обостряла национальные противоречия на Балканах. Применительно к Югославии такая политика означала в первую очередь намерение использовать хорватский национализм, чтобы подорвать страну изнутри.

Позиция Германии в хорватском вопросе формировалась в самый канун нападения на Югославию и в ходе военных действий. Первоначально гитлеровцы пытались связаться с Хорватской крестьянской партией во главе с В. Мачеком². Однако последний колебался. 3 апреля 1941 г. В. Мачек вошел в правительство Симовича, отклонив немецкие предложения провозгласить независимость Хорватии и отделиться от Югославии. Только после этого гитлеровцы обратили внимание на усташей.

Что определило немецкий выбор в пользу усташей? Прежде всего отсутствие каких-либо других политических течений, на которые они могли бы опереться. Затем с предложением использовать усташей выступили имевшие давние связи с ними немецкая военная разведка (абвер) и Внешнеполитическое бюро нацистской партии во главе с А. Розенбергом. Наконец, учитывалась позиция Италии, которая рассматривала усташей как свою креатуру и разделяла немецкие планы относительно их использования.

¹ *F. Tuctman. Okupacija i revolucija. Zagreb, 1963, s. 176—177.*

² Еще накануне войны югославское правительство предприняло меры, чтобы разрешить хорватский вопрос путем предоставления Хорватии автономии в рамках Югославии. 26 августа 1939 г. оно заключило соглашение (споразум) с Хорватской крестьянской партией. Была образована Хорватская бановина, в которой руководство ХКП сосредоточило власть в своих руках. В. Мачек вошел в правительство в качестве заместителя премьер-министра, несколько других представителей ХКП стали министрами. Споразум явился на деле сговором сербской и хорватской буржуазии о разделе власти в стране.

6 апреля 1941 г. варварской бомбардировкой Белграда гитлеровская Германия начала военные действия против Югославии. Немецкие войска вторглись в страну со стороны Болгарии, с территории Венгрии и из Австрии, входившей тогда в состав рейха. Вскоре в военные действия вступили и итальянские войска, а впоследствии на территорию Югославии были введены части венгерской и болгарской армий. Югославская армия, не подготовленная к войне, плохо вооруженная, оказалась перед лицом превосходящих сил противника. Правительство Симовича, колебавшееся до последнего дня, не смогло подготовить страну к обороне. Сказалось и долголетнее господство антинародного режима, ослабившее Югославию и сделавшее ее легкой добычей фашистских захватчиков. Нападение застало Югославию врасплох. Гитлеровская стратегия «молниеносной войны» увенчалась здесь полным успехом. Несмотря на упорное сопротивление ряда югославских воинских частей, моторизованные соединения гитлеровцев быстро продвигались вперед. 13 апреля пал Белград. Через два дня правительство и король Петр II покинули страну. 17 апреля 1941 г. был подписан акт о безоговорочной капитуляции югославской армии. Буржуазная Югославия перестала существовать.

Уже в ходе военных действий гитлеровцы приступили к расчленению Югославии. Создание и провозглашение так называемого Независимого государства Хорватия было от начала и до конца делом рук гитлеровцев. Еще до нападения Германии на Югославию в Загреб в первых числах апреля 1941 г. прибыл нацистский особоуполномоченный штандартенфюрер СС д-р Эдмунд Веезенмайер. Несмотря на сравнительную молодость, он уже имел за спиной опыт подготовки провозглашения «независимой» Словакии в марте 1939 г. Веезенмайер сразу же связался с находившимися в Загребе усташскими элементами, которые группировались вокруг престарелого Славко Кватерника. Но они были малочисленны, плохо организованы и проявили полную беспомощность и нерешительность. Веезенмайер решил своим активным вмешательством ускорить развитие событий. Под его давлением Кватерник составил прокламацию, возвещавшую о создании «Независимого государства Хорватия»¹. Хотя немецкие войска

¹ По-хорватски «Независна држава Хрватска» — сокращенно НДХ.

были уже на подступах к Загребу, С. Кватерник все еще медлил: он опасался противодействия Мачека... Веезенмайер взялся уладить и этот конфликт. Посетив Мачека днем 10 апреля, он получил от него согласие на этот акт и подписанное Мачеком «Воззвание» к хорватскому народу с призывом подчиниться «новому правительству» и сотрудничать с ним. Веезенмайер сразу же организовал обнародование этих документов, что произошло в момент, когда немецкие танки уже вошли в Загреб.

10 апреля 1941 г. в 17 час. 45 мин. загребское радио передало прокламацию об образовании «Независимого государства Хорватия», подписанную С. Кватерником как заместителем «поглавника». Сам «поглавник» (Павелич) не имел к этому акту никакого отношения.

Начало военных действий против Югославии застало Павелича в Италии. Наконец-то наступил момент, которого он ждал долгие годы. Павелич начал лихорадочно собирать разбросанных по разным местам усташей. 10 апреля в Пистойе (Тоскана) он устроил им смотр. Всего набралось около 300 человек... Вечером того же дня до Павелича дошли вести о вступлении немецких войск в Загреб и провозглашении С. Кватерником «Независимого государства Хорватия». Обеспокоенный Павелич по вызову Муссолини немедленно отправился в Рим. Дуче тоже нервничал: не обманут ли немцы его снова? Павелич со своими усташами по его совету перебрался через Триест и Риеку на занятую итальянскими войсками территорию Хорватии, в г. Карловац.

Кто возглавит новое «независимое правительство» — Павелич или С. Кватерник? Первые дни этот вопрос был неясен. Но неясность длилась недолго. Уже вечером 12 апреля Риббентроп сообщил Веезенмайеру, что в дальнейшем в хорватском вопросе немцы намерены дать преимущество Италии. На следующий день он добавил, что фюрер решил признать «Независимое государство Хорватия», возглавляемое Павеличем. Веезенмайер вместе с С. Кватерником отправился в Карловац к Павеличу, где они быстро уладили все дела. В ночь с 15 на 16 апреля, сразу же вслед за признанием НДХ Германией и Италией, Павелич прибыл в Загреб. Начались четыре года кровавого усташского господства.

Усташское «Независимое государство Хорватия» и его крах

Усташаи, пришедшие к власти с помощью штыков оккупантов, не пользовались ни популярностью, ни уважением в Хорватии. К ним примкнул только националистический сброд из мелкобуржуазных и буржуазных слоев да деклассированные элементы общества, желавшие воспользоваться войной в корыстных целях. Все они готовы были верой и правдой служить оккупантам.

Позднее и усташская и немецкая пропаганда пытались создать и раздуть легенду, будто широкие массы хорватского народа восторженно встретили немецкие войска и радостно приветствовали образование «Независимого государства Хорватия» под руководством усташей. Это была бесстыдная ложь, не имевшая ничего общего с действительностью. Как известно, политика национального угнетения, проводившаяся великосербской верхушкой в буржуазной Югославии, серьезно ослабила страну. Она породила в широких массах угнетенных народов, в том числе и среди хорватского народа, незаинтересованность в защите антинародного режима. Однако отношение подавляющего большинства хорватского народа, особенно рабочего класса, крестьянства, молодежи и интеллигенции, к немецким оккупантам и новым усташским «властям» было резко отрицательным. В годы освободительной борьбы десятки тысяч хорватов стали в ряды бойцов партизанских отрядов. Даже среди руководства основной партии хорватской буржуазии — Хорватской крестьянской партии во главе с Мачеком — преобладали, особенно в первое время, настроения пассивного отношения к происходящим событиям и выжидательная тактика. К этому следует добавить, что поражение страны вызвало известную деморализацию части населения, а в некоторых слоях породило националистические иллюзии относительно независимости Хорватии... Но первые же действия усташей разбили эти иллюзии вдребезги.

Первоначальной заботой А. Павелича было отблагодарить своих итальянских и немецких покровителей. 18 мая 1941 г. в Риме после продолжительных переговоров были подписаны так называемые Римские договоры, регулировавшие отношения НДХ с фашистской Италией. Согласно договору, к Италии отходили почти вся Далмация, часть

Хорватского приморья и некоторые другие территории. Из 380 тыс. человек, проживавших в отошедших к Италии областях, итальянцев было всего около 5 тыс. Значительная часть территории НДХ отводилась под итальянскую зону оккупации, где вся власть должна была принадлежать итальянской военной администрации. Павелич и его усташская клика взяли далеко идущие обязательства о политическом и экономическом подчинении НДХ Италии. Чтобы еще больше укрепить эту зависимость, договором было предусмотрено, что хорватским королем будет провозглашен один из членов итальянского королевского дома — герцог Сполетто. Таков был первый взнос усташского руководства в счет уплаты своего долга фашистской Италии за долголетнюю поддержку и приход к власти. Но даже среди самих усташей Римские договоры вызвали замешательство. Они наглядно показали марионеточный характер усташского «государства» и его полную зависимость от фашистских государств. Вместе с тем договоры охладил некоторые националистически настроенные группы, надеявшиеся еще на «независимость» Хорватии.

Гитлеровские планы по отношению к НДХ оставались до поры до времени не вполне ясными. Сами немцы не торопились с их уточнением, поскольку это могло затронуть чувствительные струнки у союзника по «оси» — Италии, которая издавна считала Балканы, и в частности Хорватию, своей сферой влияния. В предвидении войны на Востоке Германия не желала обострять своих отношений с Италией.

Тем не менее уже с самого начала было ясно, что она отнюдь не намерена предоставить Италии полное право господства над НДХ. Еще в ходе военных действий территория Хорватии была разделена демаркационной линией на две зоны. Северо-восточная часть вместе с Загребом, наиболее развитая и густонаселенная, оказалась оккупированной немецкими войсками, которые установили здесь свое управление. Уходить отсюда они не собирались. Так «Независимое государство Хорватия», не успев еще родиться, было поделено между оккупантами и превратилось в объект соперничества между Италией и Германией.

6 июня 1941 г. Павелич вместе со своими приближенными посетил Гитлера в Бергхофе. Здесь Гитлер дал согласие на присоединение к НДХ Боснии и Герцеговины и Санджака. Гитлеровская политика исходила при этом из

желания превратить НДХ и усташей в главный инструмент своей оккупационной политики на территории Югославии. Немалое значение имели и экономические расчеты. Заключенное еще в мае 1941 г. экономическое соглашение ставило природные ресурсы Хорватии на службу германской военной машине. Поэтому расширение территории НДХ до р. Дрины отвечало немецким интересам.

Из всех фашистских квислингов и марионеточных государств в Европе в годы второй мировой войны А. Павелич и «Независимое государство Хорватия» были самыми кровавыми нацистскими креатурами. Усташаи сразу же повели политику диких преследований коммунистов, прогрессивных деятелей культуры, организовали гонения на сербов, евреев и цыган. За короткий срок они создали 24 концентрационных лагеря, превратившихся в орудия массового истребления людей. Особенно страшным был лагерь в Ясеноваце, который стоит в одном ряду с такими чудовищными лагерями смерти, как Майданек, Освенцим и Бухенвальд. Усташаи ввели систему «народных судов», тысячами выносивших смертные приговоры. Более 800 тыс. человек погибло в «Независимом государстве Хорватия» за годы усташского господства... 800 тыс. из 6,3 млн. человек, насчитывавшихся на его территории летом 1941 г. Погиб каждый восьмой...

С конца апреля 1941 г. усташаи начали массовые убийства сербов, получившие впоследствии благословение самого Гитлера, который на встрече в Бергхофе 6 июня 1941 г. советовал Павеличу «в течение 50 лет проводить политику национальной нетерпимости»¹. Но наибольший размах антисербские преследования и резня получили после «присоединения» Боснии и Герцеговины к НДХ. В июне — июле 1941 г. истребление сербов приобрело особенно широкие масштабы. Усташаи старались разжечь в хорватском народе чувства национальной и религиозной нетерпимости, пользуясь для этого реакционным католическим клиром. С помощью воинствующих церковников они начали кампанию переkreщивания православных сербов в католическое вероисповедание. И вновь эта кампания сопровождалась зверскими убийствами и массовым уничтожением людей.

¹ L. Hory und M. Broszat. Der kroatische Ustascha — Staat 1941—1945. Stuttgart, 1964, S. 97.

При организации своего «государства» усташаи взяли за образец нацистские порядки в гитлеровской Германии. Все высшие должности были розданы усташам, прошедшим «школу» довоенных лагерей в Италии. Министром внутренних дел стал А. Артукович, военным министром и заместителем «поглавника» — Славко Кватерник, министром вероисповедания и просвещения — Миле Будак и т. д. Огромную власть сосредоточил в своих руках Евгений Кватерник, которому были подчинены полиция и разведка. Недаром его называли «хорватский Гейдрих». Усташаи принялись по нацистскому образцу создавать свои вооруженные силы. Наряду с отборными усташскими частями была образована обычная армия (домобранска войска).

Создав машину террора, усташаи не смогли тем не менее стабилизировать свою власть. Развитие освободительного движения в Югославии, охватившее и хорватские земли, показало неспособность их выполнять даже полицейские функции, на что рассчитывали оккупанты. Уже к концу 1941 г. «Независимое государство Хорватия» пришло в состояние полного хаоса.

В июне и июле 1941 г. под руководством КПЮ начинает развиваться движение Сопротивления в Хорватии. Формируются первые партизанские отряды и боевые группы, организуются диверсии. 27 июля 1941 г. в районе Лики, в селе Срб, произошел первый бой партизан с усташами. Этот день вошел в историю как День народного восстания в Хорватии, являющийся теперь национальным праздником в Народной Республике Хорватии. В восстании приняли участие как сербы, так и хорваты. Вскоре в районе Лики была создана первая в Хорватии освобожденная партизанская территория. Освобожденные территории появились и в других областях Хорватии — в Бании, Далмации, на Кордуне и т. д. В октябре 1941 г. в соответствии с решением КПЮ был создан Главный штаб народно-освободительных партизанских отрядов Хорватии. Возглавив освободительную борьбу, коммунисты ставили перед собой задачу добиться единства сербов и хорватов в борьбе против оккупантов и их усташских и иных прислужников. Огромную роль в укреплении братства и единства сербов и хорватов сыграли народные комитеты, создававшиеся как политические органы освободительного движения и зарождавшейся народной власти.

Народно-освободительная борьба развивалась в Хорватии в трудных условиях. Но постепенно в нее втягивались широкие массы трудящихся. Освободительное движение резко изменило расстановку и соотношение сил в «Независимом государстве Хорватия». Своеобразной реакцией великосербских кругов на начало партизанской борьбы в Югославии было появление четнического движения, которое возглавил Драже Михайлович. Националистическое по форме и коллаборационистское по существу четническое движение в условиях НДХ ополчилось не только против партизан, но и против усташей. В ответ на усташские лозунги «очищения» территории НДХ от сербского населения четники выступили с великосербской программой «очищения сербских земель» (в границах, как их понимали великосербские круги, т. е. до линии Беловар — Сень) от хорватов и мусульман. В результате уже с лета 1941 г. разгорелись ожесточенные схватки четников с усташами, особенно яростные и кровопролитные в Восточной Боснии и Герцеговине, причем обе стороны старались придать им характер национально-религиозной войны. При этом четники не отставали от усташей по части зверских расправ над мирным населением хорватских и мусульманских деревень и городков.

Усташское «государство» все больше и больше превращалось в откровенный фарс. Сфера влияния «правительства» Павелича сузилась до минимума. Большая часть НДХ находилась либо под контролем партизан, либо управлялась непосредственно оккупантами, либо была захвачена четниками. Борьба за власть между соперничающими кликами привела в октябре 1942 г. к реорганизации усташского «правительства». Были удалены со своих постов Славко Кватерник, Евгений Кватерник и ряд других лиц. Но эти перемещения не смогли, конечно, укрепить положения. Наоборот, они лишь усиливали неразбериху в усташской администрации, которая находилась в состоянии полной анархии.

Новые преобразования в 1943 г. свидетельствовали о растущей грызне в усташском руководстве, о неустойчивости режима усташей. Среди немецкого командования на юго-востоке Европы все больше укреплялось мнение, разделявшееся и верховным командованием, о неспособности усташей управлять Хорватией. В конце августа 1943 г. ОКВ (Верховное командование немецких вооруженных

сил) направило Гитлеру предложение сместить Павелича и либо организовать новое правительство, опирающееся на «достойные доверия политические силы», либо установить в «Независимом государстве Хорватия» немецкое военное управление. Но... заменить усташей было нечем. Поэтому в начале сентября 1943 г. Гитлер вынес решение, что «рейх продолжает сотрудничать с поглавником и его правительством»¹. Даже Гитлер отдавал себе отчет в действительном положении дел в Хорватии. «Не подлежит сомнению,— заметил он месяц спустя, в октябре 1943 г.,— что без нашего присутствия в Хорватии... там победил бы не поглавник, а Тито, не национальная, а коммунистическая идея»². В таких условиях немецкие оккупационные власти вынуждены были все больше брать на себя функции непосредственного управления отдельными областями «Независимого государства Хорватия» и различными сферами государственной жизни. После капитуляции Италии в сентябре 1943 г. они, например, захватили бывшую итальянскую оккупационную зону, установили там свою администрацию. Полиция, армия, экономика НДХ — все было поставлено под надзор и управление немецких советников. К концу 1943 г. усташское «государство» полностью потеряло даже ту призрачную «независимость», которой оно обладало вначале.

Народно-освободительная борьба в Югославии набирала тем временем новые силы. В течение 1942 г. центр вооруженного восстания переместился в западную часть страны, на территорию «Независимого государства Хорватия». Здесь, в боснийском городе Бихаче, 26—27 ноября 1942 г. было создано Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) как высший политический орган народно-освободительного движения. Оно сыграло первостепенную роль в укреплении единства народов Югославии, развитии революционной народной власти и ее органов — народно-освободительных комитетов. В течение 1943 г. были образованы антифашистские вече во входивших в Югославию землях: в Сербии, Словении, Черногории, Боснии и Герцеговине, Санджаке. 13 и 14 июня 1943 г. на Плитвицких озерах и в Оточаце состоялось

¹ *L. Hory und M. Broszat. Der kroatische Ustascha — Staat 1941—1945, S. 153.*

² Там же, стр. 154.

первое заседание Антифашистского веча народного освобождения Хорватии. К этому времени в Хорватии существовала огромная освобожденная территория, были созданы многие новые части народно-освободительной армии. Немецкие оккупанты и их пособники уже не смогли задушить освободительное движение югославских народов.

29 ноября 1943 г. в г. Яйце состоялась вторая сессия АВНОЮ, принявшая исторические решения о конституировании Антифашистского веча в верховный законодательный и представительный орган Югославии, о лишении эмигрантского правительства всех прав законного правительства Югославии, о строительстве нового государства на демократических и федеративных принципах. Был создан Национальный комитет освобождения Югославии как высший орган исполнительной власти. 29 ноября 1943 г. считается днем рождения новой Югославии.

Успехи освободительного движения югославских народов были неотделимы от общей борьбы стран антигитлеровской коалиции против фашистской Германии. 1943 год был переломным годом в ходе второй мировой войны. Это сказалось и на положении в Югославии. Все ее народы, в том числе и хорватский народ, вкладывали посильную лепту в борьбу против общего врага, вносили свой вклад в победу. Под ногами немецких оккупантов и их пособников горела земля. Агонизировало и созданное фашистскими державами усташское «Независимое государство Хорватия». Но кровавый усташский режим, прежде чем исчезнуть вместе с породившими его оккупантами, причинил еще много страданий хорватскому и другим югославским народам.

Освобождение Югославии происходило в тесном боевом содружестве Красной Армии с югославской Народно-освободительной армией. В результате совместной операции советской, югославской и болгарской армий 20 октября 1944 г. был освобожден Белград и очищены от вражеских войск Сербия, Македония и некоторые другие области страны. На очередь дня встала задача полного изгнания оккупантов с югославской земли. Свои действия по окончательному освобождению страны югославская Народно-освободительная армия координировала с операциями Красной Армии на южном фланге советско-германского фронта. В марте 1945 г., вслед за решительным наступлением советских войск в Венгрии и боями за Вену, югослав-

ские войска начали заключительные операции по освобождению своей страны.

Последние месяцы и даже дни существования усташского режима были заполнены убийствами и грабежами мирного населения, насилиями и разбоем. Потерявшие человеческий облик усташа отлично понимали всю тяжесть совершенных ими преступлений. Не надеясь на пощаду, они вместе с немецкими войсками упорно оборонялись против наступающей Народно-освободительной армии. Усташа продолжали сопротивление даже после капитуляции гитлеровской Германии. Только 15 мая 1945 г., когда во всей остальной Европе уже молчали пушки, югославские войска ликвидировали в районе Словенградца последнюю немецко-усташскую группу, пытавшуюся пробиться на Запад и сдаться там в плен англо-американским войскам. 15 мая стало национальным праздником народов Югославии — Днем победы.

* * *

После краха усташского режима и «Независимого государства Хорватия» некоторым усташским руководителям удалось ускользнуть от заслуженной кары и скрыться. В последние дни войны тайком бежал на территорию Австрии А. Павелич. Вначале он прятался в районе Зальцбурга. Затем благодаря связям с Ватиканом Павелич смог перебраться в Италию, а оттуда в Аргентину. Вслед за ним направилось туда и большинство его приближенных. Небольшие группы усташей уехали в США, иные нашли приют в Испании, у Франко. Известное число усташей оказалось в американских лагерях для военнопленных в Италии. Остававшиеся в стране усташа были выловлены органами югославской народной власти и понесли заслуженное наказание. Хорватский народ, вкусивший усташский «рай», не желал иметь с ними ничего общего. Решительная враждебность народа к усташам привела к краху их попытки создать в стране подпольную организацию. Хорватский народ избрал другой путь. Образовав Народную республику Хорватию — равноправную федеративную часть новой демократической Югославии, он вместе с другими югославскими народами приступил к полному переустройству страны, к залечиванию нанесенных войной и оккупацией ран, к строительству социализма.

Усташи на службе западногерманских реваншистов

Так называемая эра Аденауэра была эрой возрождения реваншизма в Западной Германии. Пышные всходы дают семена милитаризма, орошенные «живительным» дождем американских долларов. Вновь поднимают голову нацистские элементы, регулярно проводятся слеты бывших гитлеровских вояк. На территории ФРГ открыто действуют фашистские и реваншистские организации. Видное место среди них принадлежит различным «союзам изгнанных» и «землячествам», требующим под лозунгом «права на родину» отторжения от социалистических стран значительных территорий и поглощения их Федеративной Республикой Германии. В условиях, когда реваншистские воззрения стали официальной идеологией в Бонне, требования возврата к границам 1937 г. стали в ФРГ самым обычным делом.

Реваншистские притязания Западной Германии к социалистическим странам, особенно к Польше и Чехословакии, общеизвестны. Значительно меньше известны советской общественности факты враждебной политики ФРГ по отношению к социалистической Югославии. В целом эти факты чрезвычайно характерны для агрессивной политики Бонна, являющегося очагом напряженности в Европе.

Западная Германия стала прибежищем различного эмигрантского отребья из стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Нашли здесь приют и поддержку и югославские военные преступники, в том числе и усташи, которые с благословения Бонна ведут антиюгославскую деятельность. Усташи, свившие себе гнездо в ФРГ, создали здесь целый ряд организаций, среди которых выделяются «Союз объединенных хорватов», «Хорватское крестовое братство», «Тайное усташское движение» и т. д. Они выпускают свои газеты и журналы, где наряду с грязными антиюгославскими вымыслами публикуют материалы и фотографии, освещающие подготовку новых террористов для борьбы против социалистической Югославии. Они отнюдь не ограничиваются пропагандой. В 1963 г., например, эти организации попытались заслать в Югославию для террористической и подпольной деятельности специальную группу наиболее активных усташей. Все они были арестованы. Югославское правительство направило ФРГ ноту

с требованием запретить деятельность усташских организаций. Но они продолжают существовать и поныне...

Существование усташей в Западной Германии было бы немислимо без поддержки и попустительства боннских властей. Правительство же ФРГ само ведет антиюгославскую политику. В 1957 г. оно разорвало дипломатические отношения с Югославией. Исходя из пресловутой доктрины Хальштейна, правительство Западной Германии расценило признание Югославией ГДР как враждебный акт по отношению к ФРГ. Разрыв дипломатических отношений, не восстановленных до сих пор, Бонн использовал как средство оказания давления на Югославию. Боннское правительство чинит препятствия развитию экономических отношений между двумя странами. Манипулируя той же доктриной Хальштейна, оно отказывается возместить ущерб жертвам нацистских преступлений в Югославии.

29 ноября 1962 г., в день национального праздника народов Югославии, усташские молодчики совершили бандитское нападение на югославское торговое представительство в Бад-Годесберге. Они бросили две бомбы, от которых загорелось здание и был убит сотрудник представительства Момчило Попович. Усташская провокация вызвала возмущение не только в Югославии, но и во всем мире, в том числе и среди демократически настроенных слоев в Западной Германии. Боннские власти вынуждены были принять меры против усташей, замешанных в преступлении. Но они не торопились наказать преступников. Под всевозможными предлогами суд над ними неоднократно откладывался в расчете, очевидно, на то, что оттяжка во времени принесет с собой забвение самого преступления и даст возможность смягчить меры наказания. Только в марте 1964 г. в Бонне началось слушание дела, к которому было привлечено 26 членов «Хорватского крестового братства» во главе с их вожаком Р. Медичем. Это была типичная фашистская группа, организованная по образцу СС. Сам Р. Медич, священник и бывший духовник А. Павелича, после смерти последнего рассматривал себя как наследника Павелича и продолжателя его дела. Процесс показал, что среди боннских властей имеется много покровителей усташей. Преступники отделались весьма легкими наказаниями.

Примерно в это же время, в начале 1964 г., реваншистские элементы в Западной Германии предприняли неви-

данный еще до того времени шаг: они решили привлечь к суду некоторых руководителей партизанского движения в Югославии по обвинению в «убийстве немецких военно-служащих», т. е. гитлеровских оккупантов в годы войны. Беспрецедентная наглость западногерманских реваншистов, бросивших вызов всем борцам против фашистского мракобесия, вызвала возмущение во всем мире. Она показала опасность разгула шовинистических и реваншистских настроений, которые создают условия для подобных выходов. И хотя этот беспрецедентный акт привел только к разоблачению самих реваншистов, он лишний раз показал тот накал реваншистских настроений, который существует в определенных кругах в ФРГ.

Усташи продолжают и поныне действовать в Западной Германии. Они совершают бесчинства и хулиганские выходы в отношении граждан Югославии, приезжающих по делам в ФРГ, срывают югославские флаги на международных ярмарках и т. д. В июне 1965 г. они вновь совершили террористический акт: в результате нападения усташских бандитов был тяжело ранен югославский консул в Мюнхене Клерич. На этот раз следы преступления вели к так называемому Хорватскому национальному комитету и его председателю Б. Еличу... Не правда ли, знакомое имя? Да ведь это тот самый Елич, который в начале 30-х годов вместе с Кватерником издавал в гитлеровской Германии, в Берлине, усташские газеты и был связан с бюро Розенберга и немецкой разведкой...

Союз усташей с реваншистскими элементами в Западной Германии заставляет задуматься о многом. По сути дела это союз тех же самых сил, которые причинили неисчислимые бедствия народам Югославии. Германский империализм не раз в своей истории прибегал к использованию крайних националистов различных стран для порабощения других народов. Невольно возникает вопрос: для чего же вновь западногерманские реваншисты поддерживают различные эмигрантские группки, в том числе и усташей? На территории ФРГ сейчас нашло приют и убежище немало бывших пособников нацизма из стран, строящих ныне социализм. Уроки истории призывают народы к бдительности.

Оглавление

От автора	3
Глава первая. Марсель, 9 октября 1934 г.	12
«Дубровник» в Марселе	—
Зачем король Александр приехал во Францию?	16
Новое «Сараево»?	27
Первая реакция прессы. Первые последствия	32
Глава вторая. Кто такие усташы?	37
Тяжелое наследие прошлого	—
И. Франк и франковцы	43
Национальные противоречия в буржуазной Югославии	48
Появление усташей и их деятельность	55
Действия усташей и международная общественность	68
Глава третья. Судебный процесс в Экс-ан-Провансе	73
Что вскрыло следствие	—
Суд — «5% правды»	89
«Белые пятна» в полицейских досье. Вопросы без ответов	99
Глава четвертая. „Неизвестный военный атташе“	107
Двадцать с лишним лет спустя	—
Карьера четырехзвездного генерала НАТО	111
Глава пятая. „Исследовательское бюро“ на Беренштрассе	121
Обиды д-ра Альфреда Розенберга	122
Политика коллективной безопасности. «Оба интересующие нас лица»	129
План с двойным дном	135

Глава шестая. Похороны в Белграде. Дымовая завеса Геринга	144
«Особый уполномоченный по улучшению германо-югославских отношений» у гроба короля Александра	—
По ту сторону Альп. Тайственная расправа с А. Перчцем	151
Эпilog	156
Усташи приходят к власти	—
Усташское «Независимое государство Хорватия» и его крах	161
Усташи на службе западногерманских реваншистов	169

Волков, Владимир Константинович

Операция „Тевтонский меч“

М., «Мысль», 1966.

173с

9 (И) 7

Редактор А. П. Тарасова

Младший редактор В. Э. Петровский

Оформление художника В. И. Примакова

Художественный редактор Л. А. Кулагин

Технический редактор Л. К. Уланова

Корректор В. М. Кузнецова

Сдано в набор 21 апреля 1966 г. Подписано
в печать 10 сентября 1966 г. Формат бумаги
84×108¹/₃₂, № 2. Бум. л. 2,75. Печ. л. 9,24.
Уч.-изд. л. 9,02. Тираж 15 000 экз. А18009.
Цена 26 коп. Заказ № 284.
Темплан 1966 г. № 100.

Издательство «Мысль». Москва, В-71,
Ленинский проспект, 15.

Книжная фабрика № 1 Росглаволиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров
РСФСР, г. Электросталь Московской обл.,
Школьная, 25,

В 1966 году

издательство «Мысль» выпускает следующие книги по истории международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения:

1. Тартаковский Б. Г. Фридрих Энгельс — советник и руководитель международного пролетариата. 20 л. 1 р. 30 к.
2. Гарсиа Х. Испания XX века. 25 л. 1 р. 50 к.
3. Гольман Л. И. и др. Первый Интернационал в исторической науке. 15 л. 90 коп.
4. Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма. Колл. авторов. 30 л. 1 р. 60 к.
5. История международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения. Т. III (1939—1955 гг.). Учебное пособие. Колл. авторов. 30 л. 70 коп.
6. Кривуля В. И. Он ненавидел войну. 10 л. 60 коп.
7. Минаев Л. М. Классовая борьба и национальный вопрос в современную эпоху. 25 л. 1 р. 35 к.
8. Национально-освободительная борьба народов на современном этапе. Колл. авторов. 20 л. 85 коп.
9. Очерки истории рабочего движения во Франции. 1918 — 1963 гг. Колл. авторов. 25 л. 1 р. 60 к.
10. Панков Ю. Н. Рабочее движение в Бельгии (1945—1965 гг.). 8 л. 60 коп.
11. Письма В. И. Ленину из-за рубежа. 12 л. 72 коп.
12. Против реформизма, за единство рабочего движения. Колл. авторов. 28 л. 1 р. 80 к.
13. Современные теории «национального социализма». (Проблема некапиталистического развития). Колл. авторов. 20 л. 1 р. 40 к.
14. Уроева А. В. Книга, живущая в веках. 12 л. 72 коп.
15. Халфин Н. А., Мурадян А. А. Янки на Востоке. 10 л.
16. Шлепаков А. Н. Иммиграция и американский рабочий класс в эпоху империализма. 25 л. 1 р. 60 к.

Уважаемые читатели!

На интересующую Вас литературу направляйте свои заказы республиканским, краевым и областным отделам «Книга-почтой» книготоргов или по адресу: Москва И-254, ул. Яблочкова, книжный магазин № 155 «Книга-почтой».

На книги, которые выйдут в ближайшее время, просьба заблаговременно оформить в книжных магазинах предварительные заказы.

26 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО · МЫСЛЬ ·